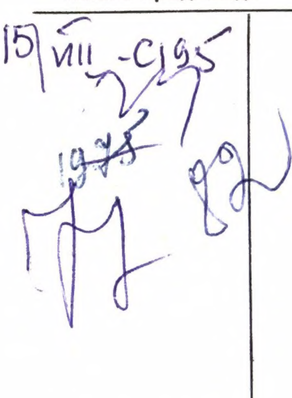
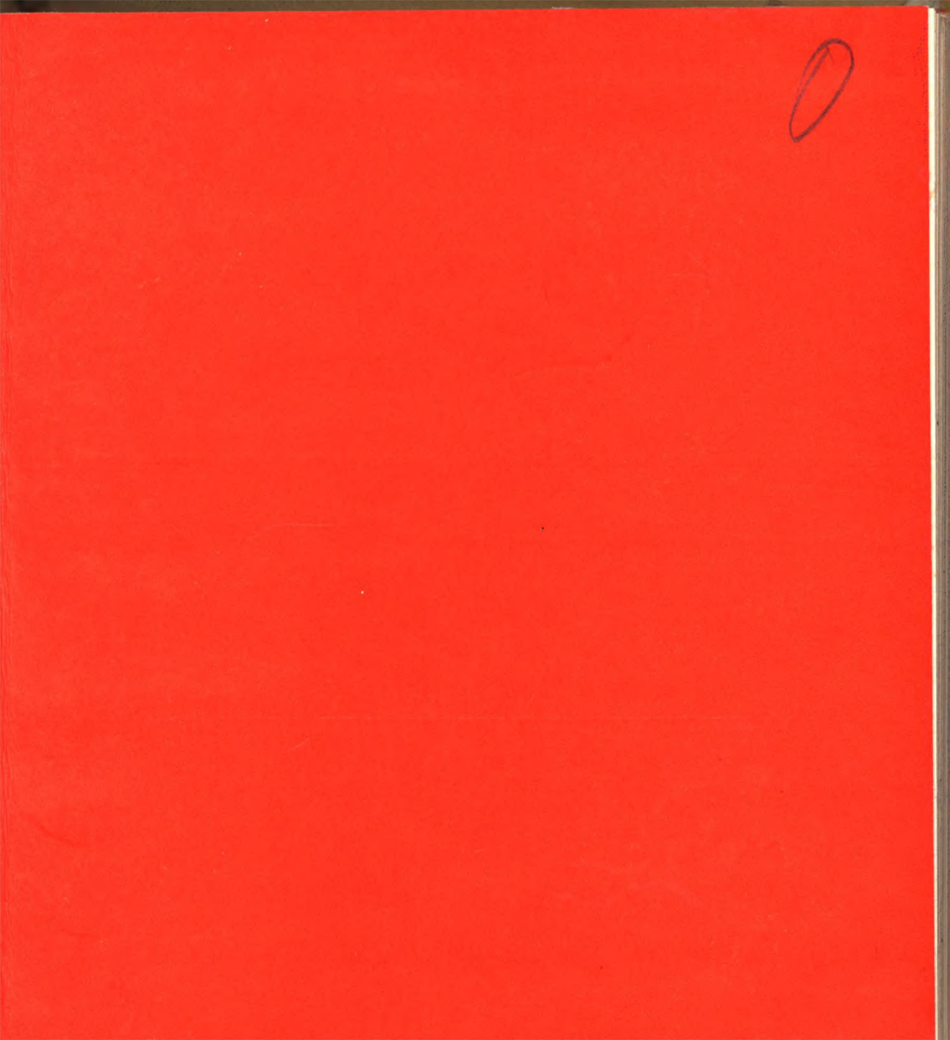
В·ПОЛЯНИЧКО, А·ОРЛОВ

МИСТЕР СОЛСБЕРИ И КАСЛИН-СКИЙ ЧЕРТ

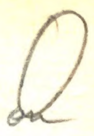

КПК. Зак. 2248. Тир. 80 млн.

ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕЛЯБИНСК
1973

МИСТЕР СОЛСБЕРИ

ВИКТОР ПОЛЯНИЧКО
АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

И КАСЛИН-СКИЙ ЧЕРТ

ПУТЕВЫЕ
ЗАМЕТКИ

32И **Поляничко В. П.** и **Орлов А. К.**
П54 Мистер Солсбери и каслинский черт. Челябинск, Южно-Уральское кн. изд., 1973.

174 с. с илл.

Путевые заметки. Авторы, побывав с молодежной делегацией в США, рассказывают о своих встречах, впечатлениях, о том, что увидели и услышали, узнали за свое непродолжительное пребывание в этой стране — цитадели современного империализма. В особенности их интересовали молодежные проблемы, условия жизни молодых американцев.

Авторы были очевидцами активных выступлений студенческой молодежи в конце апреля и мае 1970 года, о чем подробно пишут в книге.

1—11—5
13—72 32(И7) + 3КМ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ!» — ЭТА ВСЕМИРНАЯ АКЦИЯ, ПРЕДПРИНЯТАЯ ВЛКСМ В ЦЕЛЯХ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАСШИРЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ФРОНТА АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ МОЛОДЕЖИ, ВСТРЕТИЛА ГОРЯЧИХ СТОРОННИКОВ ВО ВСЕХ СТРАНАХ МИРА. МИТИНГИ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ЗЛОДЕЯНИЙ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ В ИНДОКИТАЕ, ДЕМОНСТРАЦИИ В ЗАЩИТУ АНДЖЕЛЫ ДЭВИС, РАЗОБЛАЧЕНИЕ В ПЕЧАТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИМПЕРИАЛИЗМА ВО ВСЕХ ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯХ,— ВОТ ЛИШЬ НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, ПО КОТОРЫМ ШИРОКО РАЗВЕРНУЛАСЬ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ БОРЬБА МОЛОДЕЖИ В 70-х ГОДАХ.

ВЫСТУПАЯ НА XVI СЪЕЗДЕ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ, ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВ ГОВОРИЛ: «МЫ ЯВЛЯЕМСЯ СВИДЕТЕЛЯМИ БУРНОГО ПОДЪЕМА МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ КАПИТАЛА. ЭТО ВАЖНЫЙ СИМПТОМ УГЛУБЛЕНИЯ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА. МОЛОДЕЖЬ НЕ ХОЧЕТ МИРИТЬСЯ СО СТРОЕМ ЭКСПЛУАТАЦИИ, С КРОВАВЫМИ АВАНТЮРАМИ ИМПЕРИАЛИЗМА. МОЩНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЫХ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН, СТУДЕНТОВ, МАССОВОСТЬ И НАСТУПАТЕЛЬНЫЙ ДУХ ИХ ДЕЙСТВИЙ СТАЛИ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СЕРЬЕЗНЫМ ФАКТОРОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ».

НЕПОСРЕДСТВЕННО В США — ЦИТАДЕЛИ СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА — ОСОБЫЙ РАЗМАХ ПРИНЯЛИ АНТИВОЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В МАЕ 1971 ГОДА. ВПЕРВЫЕ В НИХ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ МОЛОДЫЕ ВЕТЕРАНЫ ВЬЕТНАМСКОЙ ВОЙНЫ. ЭТОМУ ПРЕДШЕСТВОВАЛИ АКТИВНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ МО-

ЛОДЕЖИ В КОНЦЕ АПРЕЛЯ И МАЕ 1970 ГОДА. СВИДЕТЕЛЯМИ И ОЧЕВИДЦАМИ ИХ БЫЛИ АВТОРЫ ДАННОЙ КНИГИ В. ПОЛЯНИЧКО И А. ОРЛОВ.

В ЭТОЙ КНИГЕ АВТОРЫ ДЕЛЯТСЯ СВОИМИ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ О ВСТРЕЧАХ С РАЗНЫМИ ЛЮДЬМИ АМЕРИКИ, О ТОМ, ЧТО УВИДЕЛИ И УСЛЫШАЛИ ЗА ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ В ЭТОЙ СТРАНЕ. ОНИ НЕ СТАВИЛИ СВОЕЙ ЦЕЛЬЮ ДАТЬ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ США И ЖИЗНИ АМЕРИКАНСКОГО НАРОДА. ДЛЯ ЭТОГО ПОНАДОБИЛОСЬ БЫ ПРИВЛЕЧЬ БОЛЬШОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ.

ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ АВТОРОВ В США ПРОШЛО ДВА С ЛИШНИМ ГОДА. КОЕ-ЧТО ТАМ ПОСЛЕ ЭТОГО ИЗМЕНИЛОСЬ. СОВЕРШЕННО ОЧЕВИДНЫМ СТАЛ КРИЗИС АМЕРИКАНСКОЙ ЭКОНОМИКИ В 1970—1971 ГОДАХ. ДВАЖДЫ ДЕВАЛЬВИРОВАН ДОЛЛАР, ЕЩЕ БОЛЬШЕ ВЫРОСЛИ ЦЕНЫ, УХУДШИЛОСЬ ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС.

ЗАМЕТНО УГЛУБЛЯЕТСЯ ПРОЦЕСС КЛАССОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В СТРАНЕ. ВОЗРАСТАЕТ НАКАЛ ВЫСТУПЛЕНИЙ ТРУДЯЩИХСЯ ЗА УЛУЧШЕНИЕ СВОЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И РАСШИРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ.

ОРГАНИЗОВАННЕЕ СТАЛИ ВЫСТУПАТЬ ПРОГРЕССИВНЫЕ СИЛЫ СТРАНЫ ВО ГЛАВЕ С КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИЕЙ США. ПОВЫСИЛСЯ ЕЕ АВТОРИТЕТ, И ВОЗРОСЛА ЧИСЛЕННОСТЬ РЯДОВ КОММУНИСТОВ. БОРЬБА КОММУНИСТОВ ЗА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАВА ТРУДЯЩИХСЯ, МИР И ПРОГРЕСС НАХОДИТ ВСЕ БОЛЬШУЮ ПОДДЕРЖКУ. СВИДЕТЕЛЬСТВО ЭТОМУ — ТО БОЛЬШОЕ ЧИСЛО ГОЛОСОВ, ОТДАННЫХ АМЕРИКАНЦАМИ КАНДИДАТАМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ЭТАПАХ ПОСЛЕДНИХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В США. ЗАМЕТНУЮ РОЛЬ В МОЛОДЕЖНОМ ДВИЖЕНИИ АМЕРИКИ СТАЛИ ИГРАТЬ МОЛОДЫЕ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ СИЛЫ. «СОЮЗ

МОЛОДЫХ РАБОЧИХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ» ИМЕЕТ НА СВОЕМ СЧЕТУ РЯД КРУПНЫХ ПОБЕД. ПРОГРЕССИВНЫЕ СИЛЫ АМЕРИКИ НЕ ПОЗВОЛИЛИ РАСИСТАМ РАСПРАВИТЬСЯ С АНДЖЕЛОЙ ДЭВИС, БОРЦАМИ ПРОТИВ ВОЙНЫ.

АКТИВНЫЕ АНТИВОЕННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ, ОППОЗИЦИЯ ШИРОКИХ КРУГОВ ВНУТРИ СТРАНЫ К ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОМУ КОМПЛЕКСУ США ПОБУДИЛИ БЕЛЫЙ ДОМ ПОДПИСАТЬ РЯД ВАЖНЫХ ДОКУМЕНТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА СОКРАЩЕНИЕ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ И РАЗРЯДКУ НАПРЯЖЕННОСТИ В МИРЕ. НЕОБХОДИМОСТЬ СЧИТАТЬСЯ СО ВСЕ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ РОЛЬЮ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРИВЕЛА США К УБЕЖДЕНИЮ УЛУЧШИТЬ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

ПОТЕРПЕЛА ПОРАЖЕНИЕ ВОЕННАЯ АВАНТЮРА США В ИНДОКИТАЕ. АМЕРИКАНСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ВЫНУЖДЕНО БЫЛО В ЯНВАРЕ 1973 ГОДА ПОДПИСАТЬ СОГЛАШЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ ВОЙНЫ И ВОССТАНОВЛЕНИИ МИРА ВО ВЬЕТНАМЕ. В ЭТОЙ ПОБЕДЕ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА — ОГРОМНЫЙ ВКЛАД ВСЕХ МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ МИРА, В ТОМ ЧИСЛЕ И ПРОГРЕССИВНЫХ СИЛ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ.

ОДНАКО ВСЕ ПРОИСШЕДШЕЕ В АМЕРИКЕ НЕ ИЗМЕНИЛО ГЛАВНОГО — ЭКСПЛУАТАТОРСКОЙ СУЩНОСТИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА И ВСЕХ ТЕХ ПОРОКОВ, КОТОРЫЕ ОН ПОРОЖДАЕТ. МАРКСИСТЫ-ЛЕНИНЦЫ НЕ ПИТАЮТ ИЛЛЮЗИЙ В ОТНОШЕНИИ АНТИНАРОДНОЙ СУЩНОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА И ЕГО АГРЕССИВНЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ.

АМЕРИКА ЯРКО ПРОТИВОРЕЧИВА И КОНТРАСТНА. ЕЕ КОНТРАСТЫ — ЭТО КРОВЬ И ПЛОТЬ САМОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ, ПОСТРОЕННОЙ НА ЭКСПЛУАТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА ЧЕЛОВЕКОМ. В ЭТОМ АВТОРЫ ДАННОЙ КНИГИ УБЕДИЛИСЬ ВООЧИЮ. ВОТ ПОЧЕМУ ИХ ЗАМЕТКИ — ЭТО РАССКАЗ ОБ АМЕРИКЕ 1970 ГОДА И СЕГОДНЯШНИХ ДНЕЙ.

ЦВЕТЫ И... ПЕРВЫЕ ОГОРЧЕНИЯ

Путешествие из Челябинска в Америку начинается так же, как и в любой населенный пункт Южного Урала. На просторной площади Революции мы сели в «Экспресс», и он помчал нас по нарядным улицам родного города в аэропорт. Голубая дымка, огромное небо, красные флаги, стенды-рапорты о выполнении социалистических обязательств...

На Южный Урал пришла весна. В тот памятный день наши земляки, товарищи по работе и партии, съехавшиеся из городов и сел в областной центр, торопились во Дворец спорта «Юность» на вечер, посвященный 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. У многих на груди — юбилейная Ленинская медаль — награда за доблестный труд.

Наш путь лежит в Соединенные Штаты Америки. В аэропорту короткие горячие прощания. Нам дарят первые весенние цветы. Одному из нас ласковые ручонки сына прикрепляют октябрятскую звездочку:

— Пусть, папа, всегда будет с тобой наш Ленин.

...Под крылом самолета дорогой нашему сердцу город. Цепь голубых озер, сосновый бор... До свидания, дорогие земляки!

Через несколько часов Москва...

Москва. Она встретила нас нарядная, праздничная. Мы едем в аэропорт Шереметьево. У метро огромный ленинский портрет: прищуренные улыбкой глаза и рука у козырька фуражки. Владимир Ильич как бы напутствует нас в дальнюю дорогу.

В группе, отлетающей в Соединенные Штаты Америки, кроме нас — южноуральцев, москвичи, ленинградцы, киевляне. В основном журналисты. Мы летим в эту

страну в гости — по приглашению молодежной организации «Интернациональный студенческий центр». Нам предстоит немало дней жить среди американцев, ездить по их дорогам, ходить с ними по улицам и работать, работать — наблюдать и писать, беседовать, спрашивать, спорить и доказывать, удивляться и возмущаться, заполнять свои блокноты записями, цифрами, фактами.

О Соединенных Штатах мы наслышаны и много читали. Это страна мощного технического прогресса, где рядом с богатством — нищета, дискриминация людей черной и желтой кожи. Мы знали об антивоенной активности молодежи и милитаристском угаре бизнесменов, политической безрассудности американской администрации и борющейся за мир, демократию и человеческие права трудовой Америки. Все это предстояло увидеть и осмыслить непосредственно. Хотелось разобраться во всем детально. Нас особенно интересовало молодежное движение. Оно в ту пору дошло до определенного накала. Именно весну 1970 года в Америке следующим образом охарактеризовал с трибуны XVI съезда Ленинского комсомола в Москве один из представителей американской молодежи.

— Тяжелая весна в Америке. Полиция стреляет в студентов Кента, Джорджии. Льется кровь. Слезоточивые газы, полицейские дубинки, тюрьмы и репрессии... и, несмотря на это, передовое студенчество, молодежь снова и снова поднимаются на борьбу за свои права, свободу, демократию и прогресс.

Но об этом мы узнаем позднее.

 А пока последние минуты в московском аэропорту.

Мы в салоне самолета. Просторно, уютно. Как пушинка, легко «ИЛ-62» поднимается за облака и летит настолько ровно, что кофе в чашечке, налитой до краев, даже не вздрагивает.

Где-то за Ригой кончились наши земли, наше небо, наши облака. Незаметно пробежали еще несколько минут, и самолет — над океаном. За иллюминатором, покрывшимся мелкими стрелочками мороза, белели льдины, перекатывались барашки волн, а над самолетом чернело фиолетовое небо. Знакомимся. Мы летим в США впервые и, конечно, осаждаем вопросами своих спутников — дипломатов.

С девушками-стюардессами — полный контакт. Они уже знали и читательские интересы своих пассажиров, и любимые напитки, которые заботливо предлагают каждому, и конечно же, как и при каждом другом рейсе, рассказали и нам, как пользоваться спасательным жилетом, вручили бумажные тапочки... для шествия через океан. Мы несколько раз спрашивали, который час. Стюардессы вначале серьезно, а потом уже улыбаясь отвечали:

— За бортом восемь утра.

В восемь утра мы вылетели из Москвы, в восемь утра — пролетали над Англией, в восемь утра — пронеслись над Канадой, в восемь утра — приземлились в Монреале. Это было самое длинное восьмичасовое утро в нашей жизни. Дело в том, что разница во времени между Москвой и Монреалем равна одной трети суток. И наш самолет летел вместе с восходом. Новый день словно на крыльях «ИЛ-62» мчался над планетой...

 Дождь моросил в Монреале. А когда мы взяли курс на

Нью-Йорк, Америка была в тумане. За иллюминатором — белесая плотная масса до самой посадки в аэропорту. Лишь когда снизился самолет, мы увидели залитую дождем посадочную полосу.

Аэропорт Кеннеди. Спустились по вертикальному трапу в дождь и почти бегом, следуя за полицейским, добрались до здания. Нас никто не встречал. Парадный вход в Америку оказался неуютным. Часть здания аэровокзала ремонтировалась. Откинув несколько серых брезентовых занавесей, перекрывавших неширокий коридор, мы вошли в зал. Чиновник, взяв наши паспорта и всматриваясь в фамилии, переносил свой взгляд в одну из толстых книг на столе. Не найдя в ней чего-то, передал документы другому. Позже мы узнали: он искал, нет ли среди нас людей, которым запрещен въезд в Соединенные Штаты Америки. Невольно подумалось, как много врагов у Америки, если ее администрация завела солидную библиотеку для регистрации «неблагонадежных».

Но неприятность нас не миновала. Один из чиновников обнаружил: в наших бланках не указан отель, где мы намереваемся остановиться в Нью-Йорке. Нет адреса — нет въезда. Коротко и ясно. Мы пытались доказать, что нас должны встречать представители американской молодежной организации, гостями которой являемся. Но чиновник был неумолим — предложил покинуть зал.

Помощь пришла неожиданно. Симпатичная женщина — представитель советского «Аэрофлота»,— разыскала тех, кто прибыл нас встречать, узнала у них название и адрес отеля.

Нас окружило около десятка американцев, среди кото-

рых трудно было сразу различить молодых и пожилых. Одеты они были разнообразно, с нашей точки зрения, не по возрасту—кто в «мини», кто в «макси», в большинстве волосатые и бородатые. Как оказалось, это в основном представители организации «Интернациональный студенческий центр» — наши хозяева. Они приветствовали нас восторженно—жали руки, хлопали по плечам.

Сели в длинный, старый автобус. Втискиваясь в бесконечный поток машин, он как бы вползал в глубь каменного сердца Нью-Йорка — Манхэттен.

Видимо, нестерпимое желание сопровождающих нас американцев сразу же наставить своих гостей в Штатах на путь истины, побудило одного из них изречь основную сакраментальную мысль.

— А вы почувствовали, как по-дружески, тепло вас встретили американцы?

Заметив на наших лицах растерянность и удивление, он несколько секунд помолчал, затем тихо, с иронией, спросил:

— Вы же все коммунисты?

— Да, коммунисты,— подтвердили мы.

— А мы вас встретили как своих друзей, совершенно свободно!

ЗНАКОМСТВО

20 апреля 1970 года в нью-йоркском отеле «Пенн-Гарден», где мы остановились, состоялась первая встреча с официальными представителями «Интернационального студенческого центра». Среди них были господин Беккер — организатор нашей поездки в США, Том Байер — ответственный руководитель, которому было по-

ручено сопровождать нас по стране, Ромуальд Мизюнес — его помощник и Тоби Тристер — переводчица. Это — молодые люди, вежливые, сносно разговаривающие по-русски, несколько раз бывавшие в Советском Союзе.

Программа знакомства со страной, подготовленная заранее и врученная каждому из нас, на первый взгляд, была интересной. Предусматривалось посещение ряд городов, редакций газет и журналов, телевизионных студий, музеев, театров, университетов, Капитолия, Белого дома, ООН, различных организаций. К сожалению, не были запланированы встречи с молодежью на предприятиях, со «средними американцами», с видными политическими деятелями, деловыми людьми Америки, на что мы обратили внимание г-на Беккера. Он любезно обещал помочь, если это будет возможно. Как оказалось впоследствии, возможности были не очень большими.

21 апреля. Нью-Йорк. Бродвей. Дом № 291. Здесь расположен «Интернациональный студенческий центр». Его директор г-н Маккормик в беседе с нами особеннный упор делал на то, что «Центр» независим от правительства, что он действует, своего рода, на «ничейной земле».

— Мы приглашаем в Америку студентов из всех стран мира. Организуем поездки наших студентов за рубеж, проводим выставки о жизни студенческой молодежи в различных странах, помогаем молодым американцам изучать иностранные языки...

— На какие средства существует «Центр»?

— Он содержится за счет фондов и частных пожертвований.

— Каких фондов?

— Фонда Форда, например.

— Выставки о жизни студентов каких стран вы делали за последний год?

— Японии, Греции, Таиланда, Кореи.

— Как организуются поездки американских студентов в другие страны?

— Студенты приходят в «Центр» или присылают письма о своем желании поехать в ту или иную страну. Мы собираем информацию об этих странах и посылаем ее нашим заявителям. Если их информация удовлетворяет, они платят деньги и едут.

— Есть ли какая связь в работе «Центра» и Госдепартамента?

— Очень небольшая, господа, совсем маленькая. Они обычно нам рекомендуют, советуют, как лучше сделать программу поездки по стране.

После коротких ответов г-на Маккормика у нас почему-то совсем выветрились из памяти его слова о «Центре» как ничейной земле.

ВОЗДУШНЫЕ ДОРОГИ

Свое путешествие в Америке мы начали по воздуху. Это один из самых массовых видов пассажирского транспорта. Здесь на взлетной полосе аэродромов самолетов так же много, как и автомашин на автостраде. Аэропорт по форме чем-то напоминает аквариум. Как правило , это приземистое здание из стекла и металла. Оно все залито огнем. Внутри прохладный воздух, завидная чистота, много фонтанов. Бесшумно работают эскалаторы. Звучит приглушенно музыка. Снуют носильщики с тележками. Делается все, чтобы привлечь

людей использовать воздушный вид транспорта. Изобретательность некоторых авиакомпаний удивительна. Пассажиров встречают сотрудницы аэропорта — они в красных шапочках. Провожают другие — в голубых косыночках. Третьи — в зеленых беретиках — шефствуют над мамашами с детьми.

В самолет поднимались по гофрированному, как огромная трубка противогаза, туннелю и, только что покинув мягкое кресло в аэропорту, не выходя из здания, оказались в кресле самолета.

Замечаем, как много среди пассажиров-американцев высоких и крепких людей, в том числе немало солдат и офицеров, чопорных старушек. Зайдя в самолет, многие энергично занялись гимнастикой. На наши недоуменные вопросы ответили:

— Ну как же, ведь предстоит два или три часа сидеть без движения.

Пассажиры-негры появились в салоне самолета последними, расселись в кресла также последними.

Красиво смотрятся в небе и на взлетной площадке самолеты. Они самых различных расцветок — голубые, красные, серые. Перед взлетом все пассажиры привязывают себя к креслам ремнями. Американцы это занятие любят. Они и в автомобиле ездят, привязавшись ремнями к креслу. Так безопасней при высоких скоростях.

Живое воплощение рекламы — стюардессы. Они первыми усаживаются в специально отведенные для них кресла. Перехватывают себя ремнями, кладут руки на колени и мило улыбаются. Рядом с ними — кислородные маски и куча рекламных журналов. Самолет на-

бирает высоту стремительно. Через каких-то пять минут стюардесса приступает к своей работе.

В самолетах американцы чаще, чем на земле, едят кукурузу, мороженое с клубникой и распивают малюсенькими флакончиками виски.

Потянулись томительные часы перелета. Над нами синее небо. Самолет летит неустойчиво, вибрирует. На поднос не поставишь бокал кока-колы. Переводчик объяснил, что пилот, очевидно, старается найти воздушные потоки, попасть в них и, используя попутные ветры, на 10—15 минут раньше прийти в аэропорт — важно сэкономить некоторое количество горючего.

Читать и писать в самолете трудно. Смотрим вниз — там, где земля не покрыта туманом, мелькают то громады зданий, то маленькие домики, дороги, леса. Америка густо застроена, вся перепоясана отличными автострадами.

Разговариваем со стюардессой. Она молода. Безукоризненно выполняет свои обязанности. Узнав, что мы из России, высказала свою сокровенную мечту — побывать в нашей стране. Авиакомпания, в которой она служит, пока не разрешает девушкам-стюардессам выходить замуж. Вот и делай выбор: или теряй работу, или оставайся старой девой. Выбор, прямо скажем, для молодых тружениц Америки не из легких.

Самолет идет на посадку также стремительно, как и поднимается. Появляется трап. По привычке у женщин-американок мы берем чемоданы и несем в аэропорт и затем с великим трудом отказываемся от долларов или каких-то сувениров, которые они предлагают как услуга за услугу.

О ЗЕМНЫХ ДОРОГАХ

У каждого аэропорта — стоянка машин. Водители моментально разбирают пассажиров и, обгоняя друг друга, стремятся выбраться на городскую автостраду.

В начале века в США полиция штрафовала водителя, который мчался со скоростью 70 километров в час. Теперь почти втрое выросла скорость на загородных дорогах, и она считается обычной. На заре автомобилестроения машину заводили в гараж лошадью. Сейчас мощный лифт вздымает ее на любой этаж многоярусного гаража. В начале века бензин продавали в аптеках. Сегодня бензоколонки на каждом шагу автострады.

На изготовление автомобилей в США в 1970 году ушло 18 процентов производимой в стране стали, 64 процента резины, затрачивается труд 12 миллионов рабочих. Ежегодное производство их — около 10 миллионов. Ведущее место в этом занимают объединения — «Дженерал моторс», «Форд», «Крейслер».

Дороги в Америке созданы для автомобилей. А создан ли автомобиль для человека? Судите сами. На центральных улицах Нью-Йорка машины движутся сплошным потоком, зажимая пешеходов на узких тротуарах, выбрасывая в воздух невероятное количество отработанных газов. А как движутся? Со скоростью 13,6 км/час, почти на 5 км/час медленнее, чем двигалась лошадиная упряжка в 1907 году. Такси в городе 18 тысяч. И нельзя сказать, что за ними на стоянках не собирается очередь. Небезынтересная деталь. На некоторых машинах таксиста от пассажира отделяет пуленепробиваемое стекло. Рядом с рулем водителя установлен металлический ящик-касса. Тут же счетчик.

Вот в таком такси нам довелось однажды добираться в отель. По своей наивности, на переднее сиденье уложили книги. Подъехав к отелю, начали расплачиваться, естественно, за двоих. Но таксист потребовал заплатить за третьего — наши книги.

Но вернемся к прекрасным автомобильным дорогам Америки. Так ли безопасна езда по ним? Нет. Здесь ежегодно гибнет свыше 40 тысяч человек. Причины разные. Об одной из них напоминают плакатики на автострадах: «Тот, кто мешает виски с бензином, пусть помнит, что этот коктейль ведет прямо на тот свет». Но чаще всего мелькают надписи: «Сначала плати, потом спеши». Через определенное количество километров дороги перекрыты шлагбаумами. У этих постов, а также у туннелей надлежит расплатиться, чтобы поехать дальше. И сумма приличная. Так, дорога из Нью-Йорка в Вашингтон стоит 9 долларов 50 центов.

Таковы воздушные и земные трассы страны. Они пересекают ее во всех направлениях. Придают определенный ритм, неповторимое своеобразие. Трудно сказать, какой из способов передвижения здесь самый распространенный: по воздушным дорогам — на самолете или по земным — на автомобиле. Нам пришлось испытать тот и другой. Поезда здесь используют меньше. Не довелось в них ездить и нам.

Но вот метро... Забегая вперед, скажем о нем несколько слов. Когда идешь по улицам Нью-Йорка, вздрагиваешь от того, что под тобой дрожит земля. Это значит, что здесь проходит подземка. Сейчас метро в 28 городах мира. В Нью-Йорке оно появилось в самом начале века. Протяженность его 600 километров и на счету

полтора миллиарда пассажиров в год. Но оно исключительно грязное и запущенное. На станциях только металлическая арматура, несколько автоматов кока-колы, какие-то лавчонки, огромное количество бумажек, исписанные стены, облупленные скрипучие вагоны. Проезд в метро очень дорогой — в шесть раз дороже, чем в нашем, московском. Разговаривать в вагоне метро бесполезно: не перекричишь лязга и скрипа поезда. Вагоны сплошь заклеены различными листовками, в том числе и такими: «Будь рыцарем хоть один день». Однако место никто никому не уступает — не принято.

НЕБОСКРЕБЫ И ЛЮДИ

Знакомство с городами и людьми Соединенных Штатов Америки началось с Нью-Йорка. Окинем этот город небоскребов с высоты 102-этажного великана — «Эмпайр стейтс билдинг».

Наблюдательная площадка, с которой открывается вид на 50-мильное расстояние, на 86-м этаже. Мы были сюда доставлены на лифте в одно мгновение, заплатив предварительно за вход по полтора доллара. Сверху Нью-Йорк не производит впечатления города сплошных небоскребов. Местами зеленые оазисы парков и скверов, много воды и ... дыма. Нью-Йорк — огромный город с 8-миллионным населением. За сутки сюда приходит 21 вагон писем. Раскинулся он широко — на площади 315 квадратных миль. Расширяться больше некуда — кругом вода, расти можно только вверх.

В направлении океана, куда указывает гид, районы богатого Нью-Йорка.

— Там,— говорит он, делая широкий жест рукой,— Нижний Манхэттен: статуя Свободы, Уолл-стрит, «Чэйз

Манхэттен бэнк», Бруклинский мост; здесь средний Манхэттен: второй по высоте небоскреб фирмы «Крейслер», Рокфеллер-центр, издательство «Тайм-Лайф», комплекс зданий ООН...

— А Гарлем? Район ночлежек Бауэри? Гринвич Виллидж?

Гид внимательно посмотрел в сторону спросившего.

— Гарлем... Это там... Но там, господа,— поспешно добавил он: — ничего нет, и я вам не советую туда ездить.

Любезное предостережение гида нам не показалось случайным. Он хорошо знал Нью-Йорк, он работал, делал свое дело. Но только ли свое? То, в какой последовательности он все показывал, заставляло думать, что хозяева «Эмпайра» платят «небоскребному» гиду не зря.

О статуе Свободы гид говорит много и вдохновенно.

— Нью-Йорк — это статуя Свободы. Как известно, ее сделал парижский скульптор Бартольди. Скульптура несколько лет лежала, пока американцы собирали деньги на установку ее. Высота статуи вместе с пьедесталом сто метров. Длина указательного пальца — три метра.

Мы заглядываем в путеводитель, в котором, между прочим, значится стоимость обзора Нью-Йорка с разных площадок статуи, в том числе, «глаза», «короны», «пальца». Нигде не значится, к сожалению, одна любопытная деталь — статуя Свободы выкована из уральской меди, в свое время выплавленной мастерами-умельцами по заказу французов для этой статуи.

Мы на нью-йоркских улицах. Здесь легко сориентироваться. 14 авеню и свыше 300 стритов прорезают Манхэттен. Лишь Бродвей непослушно пролег по диагонали

почти через все улицы. Полтора километра идем по 7-й авеню, чтобы выйти на Бродвей. По обе стороны громады небоскребов, которые, словно состязаясь в высоте, заполняют центр города. В последнее десятилетие на месте старых, прокопченных небоскребов и рядом с ними выросли новые — из стали, алюминия, стекла и бетона.

Строительство небоскребов — несомненное достижение американской индустрии, своеобразный гимн творчеству инженеров и труду рабочих. И все-таки они являют собой что-то редкое, исключительное по своей угрюмости. Квадраты, кубы... На улицах-ущельях — ни деревца, ни цветочка, асфальт и кирпич. Сюда не долетают свежая капля дождя, луч солнца и отблеск луны.

Небоскребная лихорадка, подгоняемая невероятно высокими ценами на землю и большими прибылями, получаемыми от городского строительства, серьезно меняет облик городов. Небоскребы — олицетворение американского капитала. В них гнездятся банки, конторы, оффисы. Чем больше мошна, тем выше у хозяина небоскреб. А чем выше каменный великан, тем неуютнее чувствует себя человек на улицах-ущельях. Небоскребы прижимают человека к земле, ежеминутно давят на его психику, постоянно напоминая, как он мал и слаб перед капиталом.

— Смотри вниз, смотри под ноги,— как бы диктуют небоскребы. Номер в высоком отеле стоит 80—90 долларов в сутки, поднимись, если есть деньги. Получить место в банке «Чейз Манхэттен» — для избранных, работать в страховой компании «Метрополитэн Лайер» — недосягаемо для простого смертного...

M

Правда, в небоскребах, которые сгрудились в таких местах, как Нижний Манхэттен, американцы, обладающие капиталом, не живут.

Они предпочитают жить в Нью-Джерси, Квинсе или в других пригородах.

Город наполнен своеобразными звуками. Он весь гудит, шумит, вздрагивает, как перед взлетом. И так круглые сутки. Его нельзя представить без постоянного воя сирен пожарных, «скорой помощи», полицейских машин. Вой не затухает ни на одну минуту, постоянно висит в воздухе. Иногда потрясают слух и звуки стрельбы из огнестрельного оружия. Это и не удивительно — на руках у американцев более 200 млн. единиц этого оружия.

Американцы — энергичные люди. Все куда-то торопятся. Но, впрочем, не все. Не спешат полисмены у входа в банк и оффисы компаний. Два шага в одну сторону, два шага в другую. Не спешат нищие. Они неподвижно стоят, повесив на грудь плакат. Один предлагает купить карандаш, другой продает кисточку для бритья. В США попрошайничество запрещено. Нищие «продают» всякую всячину, хотя хорошо знают, что никому их «товар» не нужен. Зато, может быть, кто-нибудь даст цент.

Не спешат многие молодые люди — юноши и девушки, стоящие у входов в отели, рестораны. Не имея профессии и постоянной работы, они с готовностью делают все, что подвернется — поднесут чемодан, услужат. То

←
НЬЮ-ЙОРК

там, то здесь многие группками лежат или сидят прямо на тротуаре, на ступеньках лестниц. Одни старательно выдувают мыльные пузыри; другие, обнявшись, раскачиваются, напевая в такт тягучую песню; третьи просто смотрят на прохожих. Молодые люди торгуют, предлагая безделушки, газеты, журналы.

22 апреля у входа в публичную библиотеку города Нью-Йорка, где было расставлено более десятка столов, юноши и девушки в синтетических передниках, на которых красовались названия газет, фирм и разных организаций, бойко торговали — доллар за штуку — большими круглыми значками с надписью «22 апреля — День земли».

При всем том, что улицы центра Нью-Йорка, как правило, заполнены людьми, здесь никого не волнует судьба отдельного человека, ничто не заставит прийти ему на помощь, если вдруг он упал, если его грабят, затаскивают в автомобиль, насилуют. Это забота полицейских.

Интерес пешеходов на улицах нередко вызывают сцены, подобные той, что нам пришлось наблюдать на 5-й авеню, недалеко от Рокфеллер-центра. Внимание толпы привлекло сборище сионистов. Шесть мужчин и одна девушка в белых длинных одеяниях, как у куклукс-клановцев, под звуки, напоминающие популярный шейк, танцевали и пели, инсценируя какой-то ритуальный обряд. Неожиданно двое из них, бросившись в толпу зевак, стали энергично впихивать им в руки сионистские журналы, брошюры, проспекты. Тут же работала невесть откуда появившаяся кинокамера и толпа рассеялась. Сионисты, сбросив реквизит, уложив

SHOE
CLARKS
REGAL

VEHICLES TOWED
AWAY
NO
STANDING
ANY TIME

инструменты, как ни в чем не бывало двинулись дальше.

И вот мы на Бродвее. Это яркая улица. Она днем и ночью многолюдна, полыхает морем рекламы, которая беснуется, переливается, мельтешит в глазах. Дрессированное электричество рекламирует курево, жевательную резинку, кока-колу и многое другое. Здесь расположены десятки мелких кинотеатров и театров, ресторанов, кафе и закусочных, сотни магазинов, торгующих всевозможными товарами. Это очень тяжелая улица для нормального человека. Сколько здесь людей с потухшими глазами, с опущенными плечами?! Сколько зрелищ, травмирующих психику здорового человека?! И не удивительно. Только в Нью-Йорке насчитываются многими тысячами профессиональные гадальщицы и гомосексуалисты, «учреждения» которых с богатой рекламой занимаются специфическим бизнесом. На Бродвее установлены киноавтоматы, напоминающие подзорную трубу. Опусти 25 центов и прокручивай пятиминутный ролик кровавых и сексуальных фильмов. Здесь наркоманы хотя и скрытно, но имеют возможность заполучить порцию наркотиков, насильники — заработать на грабеже. Огненная реклама нью-йоркского Бродвея горит и в солнечный день. И это символично. Здесь идет прожигание жизни многих людей.

Мы у здания ООН. Его проектировали 400 крупнейших архитекторов мира. Строительство небоскреба обошлось в 67 миллионов долларов. Нам это здание близ-

---

←
НЬЮ-ЙОРК. МАНХЭТТЕН

ко тем, что в нем установлен советский спутник. У входа скульптура Вучетича «Перекуем мечи на орала». На фоне небоскреба развевается 126 флагов стран — членов ООН.

■ ■ ■

Чикаго. С этим городом связаны наши представления о рождении праздника международной пролетарской солидарности — дне 1 Мая, наиболее активных революционных выступлениях американского рабочего класса. Чикаго символизирует бурное развитие американской промышленности в середине XIX века. Здесь зарождался и окреп промышленно-финансовый капитал США, формировался пролетариат.

Чикаго в своем облике сохранил много черт рабочего города. Здесь выплавляется ежегодно 25 миллионов тонн стали, функционирует самый большой железнодорожный узел, вбирающий 21 крупную магистраль, аэродром Охар, принимающий и выпускающий наибольшее в мире количество самолетов в день.

В Чикаго самая длинная в мире улица — красавица Мичиган-авеню, широкая как площадь.

В этом городе нам пришлось встретиться с представителями прогрессивных молодежных, в том числе негритянских, организаций. Но произошла и следующая любопытная встреча, так сказать, индивидуальная... с внуком Форда. Парнишка, на вид лет пятнадцати, в заношенной майке, в коротких штанишках, на которых дыр было больше, чем материи, войдя к нам прямо в номер гостиницы, с достоинством представился:

 — Я внук Форда. Приехал, чтобы пригласить вас посе-

тить заводы в Детройте. Наш дед сейчас в Москве. Мы хотим, чтобы вы были у нас.

— В другой раз выбирай шутки понадежнее,— посоветовали мы, смеясь, и выпроводили посетителя за дверь. Но минут через десять на пороге нашего номера вновь появился паренек, на этот раз в сопровождении пожилого мужчины, одетого с иголочки. Зазвучала родная речь. И русский эмигрант, работающий у Форда, подтвердил сказанное младшим Фордом. А на одежду его посоветовал не обращать внимания.

— Это показуха. Пусть, мол, дети рабочих видят простоту и доступность детей и внуков миллионеров.— И, очень по-русски махнув рукой, заключил: — Все они тут артисты, все они тут кого-то играют.

■ ■ ■

Вашингтон. Столица США отличается от других городов Америки по своей архитектуре. В нем не построено ни одного здания выше Капитолия. Здесь много зелени, скверов, парков, воды, мрамора, статуй, памятников. Особую окраску придают вишневые деревья, завезенные в 1912 году из Японии. Во время цветения они белым снегом устилают столицу. Так было и этой весной. Монументальные памятники воздвигнуты президентам Джефферсону, Вашингтону, Линкольну.

По признанию самих американцев, в Вашингтоне почти нет учреждений культуры. Запомнилась фраза , сказанная кем-то из собеседников: «На капитолийском холме нет места для артезианского колодца культуры». Зато в городе строится огромный аквариум для дельфинов.

ПОСЛЕ ВОСЬМИ ВЕЧЕРА

Мы были наслышаны об американских гангстерах. И все же никак не думали, что преступность в Соединенных Штатах Америки приобрела огромный размах. По свидетельству газеты «Нью-Йорк таймс», 90 процентов всех преступлений в Штатах совершается на улицах крупных городов с наступлением темноты. Подтверждение этому мы слышали везде: в сенате, редакциях газет и журналов, на телевидении, в организациях, семьях.

В столице США, Вашингтоне, мы оказались около восьми часов вечера. Нас поразили улицы. Они были почти безлюдны. Город словно вымер. Том Байер после ужина умолял нас не ходить к Капитолию, хотя мы жили всего в восьмистах метрах от него.

— Вас могут застрелить,— говорил он,— ограбить. Я не могу гарантировать вашу безопасность. Пожалуйста, не выходите после девяти часов вечера из отеля!

Но нам не терпелось посмотреть вечерний Вашингтон. А когда мы гуляли в центре города, то, к изумлению своему, заметили, что находимся под надежной охраной дюжины полицейских.

Неизвестно, то ли наша группа вызвала у американской полиции подозрение, то ли господин Байер позаботился о нас.

В другой раз, правда, случилось то, от чего нас предостерегали. Как-то наш товарищ из группы, не пожелав вместе со всеми пойти в кинотеатр, один возвращался в отель. Не успел он отойти и на сотню шагов от нас, как его схватили два дюжих молодых верзилы. Тот, у которого был пистолет, навел оружие, другой, обшарив у своей жертвы карманы, вытащил паспорт, в котором лежали две пятидолларовые бумажки. Взяв, как ни

странно, лишь одну бумажку — пять долларов, карманники деликатно удалились. С тех пор, однако, желающих ходить вечером в одиночку по улицам американских городов в нашей группе не было.

О растущей преступности в городах США свидетельствуют характерные цифры: 43 процента американцев, проживающих в крупных городах или пригородах, с наступлением темноты не выходят на улицу; 21 процент — в это время избегают ходить пешком; 35 процентов — даже в дневное время предпочитают не разговаривать на улице с незнакомыми. Свыше 90 процентов американцев, проживающих в пригородах, держат в доме по одной-две собаки и огнестрельное оружие. В стране через каждые семь секунд совершается одно серьезное преступление; через каждые 39 секунд — убийство; через каждые 19 минут — изнасилование; через каждые 30 секунд — хищение имущества; через каждые 48 секунд — кража автомобилей; каждую минуту — ограбление людей.

«Насилие растет» — так озаглавил одну из своих статей журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», посвященную проблеме преступности в Соединенных Штатах. Вот данные, которые приводятся в ней. Рост числа преступлений с применением насилия с 1960 по 1969 год в десять раз обгонял рост населения в стране. Население увеличилось на 13 процентов, количество преступлений — на 131 процент. За десять лет число убийств возросло на 60 процентов, изнасилований — на 115 процентов, краж со взломом — на 180 процентов; ограблений с применением оружия — на 103 процента. В той же статье приведен и следующий печальный итог — пре-

ступлений с применением насилия было в 1960 году — 285200, а за первые девять месяцев 1969 года — 660000.

«Обществом всеобщего процветания» называют США буржуазные идеологи вопреки фактам, характеризующим их как общество всеобщего преступления. Не снижается преступность, хотя в последние годы значительно увеличилась численность полиции, ужесточаются меры наказания.

Американцы объясняют рост преступности различными причинами. Везде, по мнению одних, существуют завистливые и ленивые люди, которые не умеют и не хотят работать.

— А разве нет таких людей и у вас? — подступили они с расспросами к нам.

Другие оценивают положение более трезво. В Чикаго одного из авторов этой книги пригласили в семью адвоката Кестера. В числе гостей были две американки, побывавшие в 1969 году в Советском Союзе.

— Вы знаете, что нам особенно понравилось у вас, в России? Это полная безопасность вечером,— разговорилась одна из них. И поведала, очевидно, уже много раз рассказанную в этой семье историю.

— Со мной в Ленинграде произошел нелепый случай. Я заблудилась. Вышла не на той станции метро. Было около 12 часов ночи. Ко мне подошли двое молодых людей. Я думала, что наступили мои последние минуты жизни. Представляете, они меня довели до моего отеля!

Кестер был серьезен.

— Да, русские в этом деле, видно, не намерены нас до-

 гонять. И правильно делают. Преступность, ее рост — это

2 Зак. 2582

позор Америки! — с грустью заключил он. Ему эта тема, видимо, была неприятна.

И все-таки вот какой разговор завязался у советского гостя с хозяином дома.

— Господин Кестер, вы адвокат и, очевидно, часто сталкиваетесь по своей работе с преступностью и преступниками...

— Нет, нет. Я адвокат промышленной фирмы.

— Все равно, вы мыслящий человек и вас волнует эта проблема. Скажите, где причины большой преступности в Америке?

Кестер улыбнулся и развел руками:

— Растет контраст между богатством и бедностью, черными и белыми, молодым и старшим поколением, между словами и делами. У вас, в Советском Союзе, ведь тоже есть проблема молодого и старшего поколения? — попытался повернуть разговор в другом направлении Кестер.

— Проблемы в таком плане, как у вас в Америке, у нас нет... Так, значит, вы утверждаете, что причина растущей преступности — социальная причина?

Кестер громко рассмеялся.

— Вы, русские, слишком прямолинейны. Вы хотите знать «да» или «нет». А ведь может быть ни да и ни нет, а где-то посредине, понимаете? — улыбнулся хозяин.— И я ничего не утверждаю, я просто думаю.

— Как вы думаете, насилие и бандитизм, которые совершают безнаказанно американцы во Вьетнаме, не способствуют ли росту насилия и преступности внутри Соединенных Штатов?

 Кестер уже не смеялся.

— Наверное,— выдавил он из себя.

Подобного рода дискуссия завязалась в редакции филадельфийской газеты «Бюллетень».

— Почему ваша газета в каждом номере подробнейше описывает грабежи, насилия? — задали мы вопрос главному редактору Диккенсону.

— Это привлекает наших читателей.

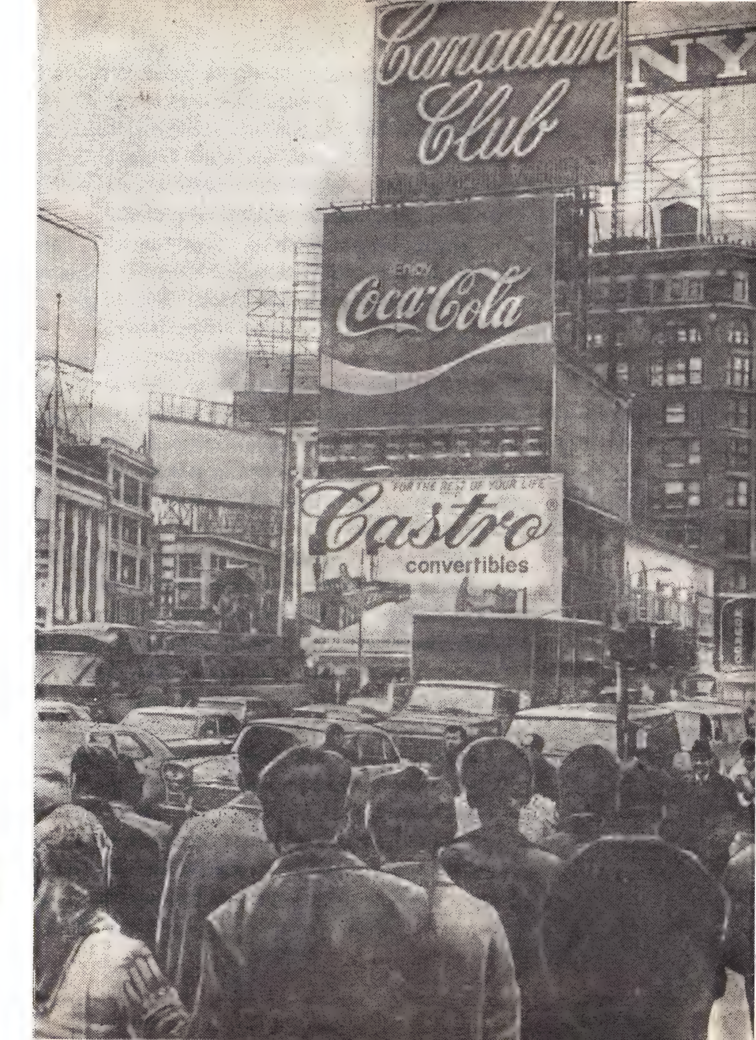
— Но одновременно и развращает! Газета, описывая подробности той или иной кражи, убийства, фактически учит, особенно молодежь, как надо совершать насилие.

— Это уже не наша забота,— совершенно серьезно заявил Диккенсон.— Если газета хочет увеличить свой тираж, она должна давать публике сенсационный материал. Это закон свободной прессы.

Редактор газеты по экономическим вопросам Дж. Левингстон, как видно, счел, что настало время выручить своего шефа.

— Господа! Чтобы разобраться в причинах роста преступности в США, я прошу вас обратить внимание на следующие обстоятельства: в центрах наших городов, в небоскребах люди почти не живут. Здесь мы работаем днем, а вечером уезжаем к себе домой в пригородную зону, где проживает подавляющая часть богатых и зажиточных американцев. На ночь город отдается в руки веселящейся молодежи и хулиганствующих элементов. Они и определяют тонус ночной жизни его. Ясно, господа? — торжественно заключил он.

Мы ему, конечно, заметили, что все это скорее следствие, а не причина. Тогда он с жаром начал доказывать, что вся беда идет от увлечения наркотиками.

НЬЮ-ЙОРК.
БРОДВЕЙ

— Наркомания,— заключил Левингстон,— захлестывает нас.— Наркотики стоят больших денег, поэтому наркоманы не останавливаются ни перед каким преступлением, лишь бы достать деньги!

Разумеется, мы представляли себе в общих чертах проблему наркомании в США, но сказанное самими американцами показало, что она одна из самых страшных здесь проблем.

Вот что писал 16 марта 1970 года журнал «Тайм».

«Ральфу Джезус всего 12 лет. Весит он 30 килограммов. Небольшой рост — 4 фута. У Ральфа нежные глаза и бледные тонкие руки. Невозможно поверить, что его руки могут взять иглу. Однако он наркоман. Играет в карты и продает героин. Ральф попал в клинику для молодых наркоманов. Его пытались убедить, что если он уйдет домой, ему не выбраться из порочного круга наркомании. И все же он ушел домой. Мальчик попал сюда из госпиталя, заболев гепатитом из-за грязной иглы. Он, вероятно, самый молодой из пациентов. Но рассказывают, что другой 12-летний мальчик умер в декабре из-за сильной дозы наркотиков. У Ральфа спросили, что он думает об этом: «Это мое дело».

Никто точно не знает, сколько наркоманов в США. Американская пресса свидетельствует, что в Нью-Йорке их зарегистрировано 50 тысяч, главным образом из числа молодежи. Осторожные федеральные деятели считают, что наркомания среди людей до 25 лет прыгнула за 1969 год на 40 процентов. В том же году в Нью-Йорке от наркотиков погибло 224 ребенка.

Многие американцы считают, что беда разрастается.

 Раньше героин был распространен только среди жите-

лей гетто. Сейчас он проник и в богатые семьи пригородов. В стране создано бюро по борьбе с наркотиками. Но результаты деятельности его пока ничтожны. В американскую печать проскальзывают объяснения причин роста наркомании. Например, госпожа Бентамен в журнале «Лайф» пишет: «Юноши и девушки из семей средних американцев употребляют наркотики из-за разочарования в жизни!»

Эту социальную причину идеологи американского образа жизни, как правило, затушевывают. Но факты нагляднейшим образом свидетельствуют, что преступность — это плоды американского образа жизни, капитализма, который преступен по своему существу.

Книги, изданные в США, служат этому подтверждением. Вот одна из них — «Насилие». В ней 39 глав, которые идут под названиями: «Век убийства», «Обучение детей насилию», «Торговля игрушками насилия», «Оружие молодежи», «Улицы насилия», «Язык насилия», «Насилие в юношеских группах», «Организованное насилие» и т. д. В другой книге приводится полный официальный доклад государственного комитета о причинах насилия и даются сведения о банковских грабежах, которые за последнее десятилетие, начиная с 1960 года, увеличились на 248 процентов, о нападениях с оружием, возросших за пять лет на 84 процента.

В чикагской газете «Сантаймс» изображен тигр, который с крыши здания готовится к прыжку на людей. Под рисунком лаконичная подпись: «Преступность». Газета

RICO

пестрит заголовками «Страх», «Джунгли», «Наркомания», «Раздвоенность», «Разложение общества» и советами: «Не раздражайте грабителей!», «Если на вас напали, не паникуйте и не сопротивляйтесь. Всегда носите при себе хоть немного денег, чтобы не вызвать раздражение у грабителя. Ходите по хорошо освещенным улицам, ходите, высоко подняв голову, ибо если вы выглядите, как жертва, вы можете ею стать».

Итак выход один: не раздражать грабителя.

ЧЕРНАЯ АМЕРИКА

Черное и белое всегда контрастно. Но когда это касается людей черной и белой кожи, живущих в буржуазном государстве, контрастность цвета превращается в острую социальную проблему. В США в 1962 году после многолетней борьбы негров за свои права почти везде исчезли таблички с надписями: «Только для белых», «Только для черных». Однако это совсем не означает уничтожения в стране расовой дискриминации. Еще и сегодня в Нью-Йорке, Вашингтоне, Атланте, Филадельфии на улице встречаются надписи на машинах: «Блэк такси», «Вайт такси». Белый старается избегать такси, где водитель черный, состоятельный белый не будет жить в негритянском районе. Черный избегает заходить в те рестораны, где питаются или веселятся белые, редко кто из черных осмелится поселиться в белом отеле, послать своего ребенка, например, в южном штате Джорджия, в белую школу.

Нас интересовала проблема расовой дискриминации в сегодняшней Америке. С этой целью мы посетили в Атланте солидную организацию, которая ведет борьбу с сегрегацией,— «Южный региональный совет» (ЮРС).

Создан «Совет» в 1955 году, с целью защиты негров на юге США, обеспечения равенства в экономических, политических и моральных правах черных и белых. Это своего рода научно-исследовательский институт, сотрудники которого собирают факты о расовой дискриминации, обобщают и доводят свои выводы по назначению. Ежегодно представляют объемистый доклад президенту страны о положении негров на юге. ЮРС существует за счет прибылей от изданий, консультаций, сборов и пожертвований.

Беседу с нами провели Полл Энтони — директор, Эмери Виа — руководитель отдела по использованию ресурсов, Артур Кэмпбелл — руководитель отдела жилищного планирования, Рэйс Клегорн — редактор ежемесячника, который издается «Советом».

Высказывания руководителей «Совета» проливают свет на характер деятельности и возможности этой организации.

— За последние годы,— говорил Полл Энтони,— мы добились очень больших успехов в борьбе с расовой дискриминацией на юге. В этом районе произошла социальная революция в колонии негров. Черные имеют такие же права, что и белые. Но еще остались нерешенными две проблемы. Во-первых, у белых очень много предрассудков против черных. Они не против общений с некоторыми черными на улицах, на работе, в кафетерии, но в действительности интеграции нет, особенно в школах. Более 65 процентов белых детей учатся отдельно от черных.

Во-вторых, значительная часть черных страдала от сегрегации в течение столетий. Это в основном жители

сельскохозяйственных районов. Они не получали образования и квалификации. Не получили этих благ и их дети. Сейчас в сельском хозяйстве Америки все меньше рабочих, их труд заменяется машинами. Негры, придя из села в город, оказываются неприспособленными к новой жизни. Безработица среди черных в городах в 3 раза больше, чем среди белых. «Совет» помогает неграм готовиться к школе, строить жилье, найти работу.

— Мы видим свою цель,— сказал в заключение Энтони,— в разрешении проблемы расовой дискриминации на путях борьбы с предрассудками белых и обеспечения цветного населения работой.

Нам хотелось непосредственно из уст деятелей «Совета» услышать, как практически ущемляются права негритянского населения.

— Вот если негр приехал в Атланту из другого района страны. Приходит в отель, у входа видит объявление, что свободные номера есть. Поселят его или нет?

— Если это богатый отель — могут отказать. В таком случае он может позвать полицейского. Полицейский — это закон, а закон запрещает дискриминацию и тогда, с помощью полицейского, его могут поселить. Но всякий знает, что лучше этого не делать, так как с ним может произойти бог знает что в этом отеле: его могут избить, запереть в номере и обрезать телефон, выбросить вещи на решетку второго этажа. Он позовет полицейского, будет долгое расследование. И в другой раз он сам не зайдет в этот отель и закажет своим друзьям.

— А в школах?

 — В школах очень просто. Контроль за образованием

отдан на откуп штатам. В каждом штате к закону о совместном образовании черных и белых приняты десятки поправок. Например, в штате Джорджия поправка гласит, что дети должны обучаться в школах по месту жительства. Дети черных, как правило, живут в гетто и учатся в переполненных школах этих районов, а дети белых — в просторных светлых школах белых районов.

— Сколько жилья в метрах в среднем приходится на белого и черного в Атланте?

— Такой статистики нет,— ответил Артур Кэмпбелл.— Но вы понимаете, разница огромная. Все зависит от индивидуального дохода. Есть богатые черные и бедные белые. В негритянских районах, в домах, как правило, нет кондиционера, плохие кухни, устаревшая мебель, маленькие комнатки.

— Все ли черные имеют право голосовать, г-н Энтони?

— По закону — все, но в действительности осуществить это право могут лишь 50—60 процентов взрослого негритянского населения, но и из них далеко не все голосуют, так как боятся преследований.

— Связан ли «Южный региональный совет» с другими негритянскими организациями, в том числе с «Черными пантерами»?

— Мы сотрудничаем с любой организацией черных, если она выступает за равенство черных и белых, за легальные формы борьбы. Поддерживали организацию Кинга «Южных христиан», сотрудничаем со студенческим «Комитетом ненасильственных действий». С «Черными пантерами» не имели и не хотим иметь контактов. Они за насилие. Мы считаем, что «черная революция»

уже проведена, теперь нужно бороться против предрассудков.

Напрашивался вопрос, чего же эта организация все-таки добилась и может ли добиться, стоя на такой позиции.

— Господин Энтони, вы, очевидно, признаете, что в основе идеологии, морали, предрассудков лежат экономические условия. Вы сказали, что экономическое положение негров во много раз хуже, чем даже бедных белых рабочих. Следовательно, ликвидация расовой дискриминации зависит прежде всего от радикального изменения социально-экономических условий жизни, а не предрассудков?

— Нет, мы за метод реформы, поскольку считаем, что главное сейчас — покончить с предрассудками.

Беседа с руководством ЮРС давала обильный материал для размышлений. Эта организация, несомненно, делает не мало полезного. В то же время, отрицая необходимость контактов с ведущими прогрессивными организациями, сводя расовую проблему только к предрассудкам, с которыми призывает бороться, не добиваясь изменения социально-экономических условий, эта организация в какой-то мере выполняет роль буфера, уводит черное население от социальных проблем.

Нас заинтересовала другая негритянская организация — «Бредбаскет» («Хлебная корзина»), лидером которой является Джесси Джэксон.

Вечером 24 апреля нам сообщили, что на следующий день в негритянском районе Чикаго, в кинотеатре «Кэпитол», после шестимесячной болезни впервые будет выступать Джесси Джэксон. Мы постарались попасть на это выступление.

Выдалось хорошее субботнее утро. Американцы торопились покинуть город. Основные магистрали были запружены автомобилями. Бизнесмены готовили к полетам свои личные самолетики на свайном аэродроме. По безбрежному Мичигану носились катера.

Наш маршрут — в негритянский район. Промелькнули великолепные новенькие коттеджи, наполненные утренним солнцем. Начался чикагский Гарлем. Кирпичные закопченные домики. Старые, побитые автомобили. Негритянские дети возятся в пыли. Молодые негры дежурят у входа в кинотеатр «Кэпитол», бойко торгуют газетами.

Входим в зал. Пахнет жареной кукурузой. Ее здесь продают на каждом шагу. Это совсем дешевое кушанье. Митинг уже идет. Но Джесси Джэксон пока не выступал. На сцене под аккомпанемент джаз-оркестра хор исполнял одну за другой негритянские песни. Раздавались горячие аплодисменты.

На фанерной трибуне — лист бумаги. На нем рисунок — навстречу тянутся руки — черная и белая. Они хотят объединиться в рукопожатии. Но расстояние между ними все еще большое. Неожиданно музыка оборвалась. На сцену вышла женщина. Ее представили — мать Фреда Хемптона — одного из лидеров «Черных пантер». Полицейские застрелили его в декабре 1969 года. Участники митинга стоя, овациями приветствовали женщину. Оркестр подарил ей чудесную мелодию Армстронга.

К микрофону подошел Джесси Джэксон, 27-летний пастор, бывший близкий друг и сподвижник Мартина Лютера Кинга. У него на руках умер Кинг. Сейчас Джэксон в какой-то мере продолжает дело, начатое им, возглавляя негритянскую организацию «Бредбаскет». Цель этой

организации — борьба за улучшение экономического положения негров. Она в те дни проводила кампанию по сбору денег, продовольствия и одежды для голодающих.

Джесси Джэксон изложил программу борьбы негров:

— Негры по закону получили свободу. Но это не все. Кинг призывал нас идти дальше. Негры должны наравне с белыми получать работу, деньги, жилье, образование! Все перед богом равны? — спрашивает Джэксон.

— Равны! — тысячеголосым эхом вторит ему зал.

— Мы — люди?

— Люди!

— Теперь мы должны сделать 10 трудных шагов по лестнице завоевания экономического равенства черных и белых:

— равное право на получение работы;

— равенство в оплате труда;

— равенство в продаже товаров;

— равенство в выборе местожительства;

— равное право во всех сферах управления;

— равное право на обучение...

— В Чикаго 600 тысяч негров голодают. Вчера умер еще один негритянский мальчик от голода, а мэр говорит, что в городе нет голодающих! На одну гориллу в зоопарке он отпускает шесть тысяч долларов в год, голодающему негру — ни цента! Мы требуем от правительства 500 тысяч долларов для самой первой помощи голодающим!

— Требуем! Требуем! Требуем! — клокочет зал.

 Где-то в середине своего выступления Джесси Джэк-

сон объявил, что в зале присутствует группа советских журналистов. Нас высветили прожекторами. Несколько секунд стояла тишина. А затем как-то враз грянул гром аплодисментов...

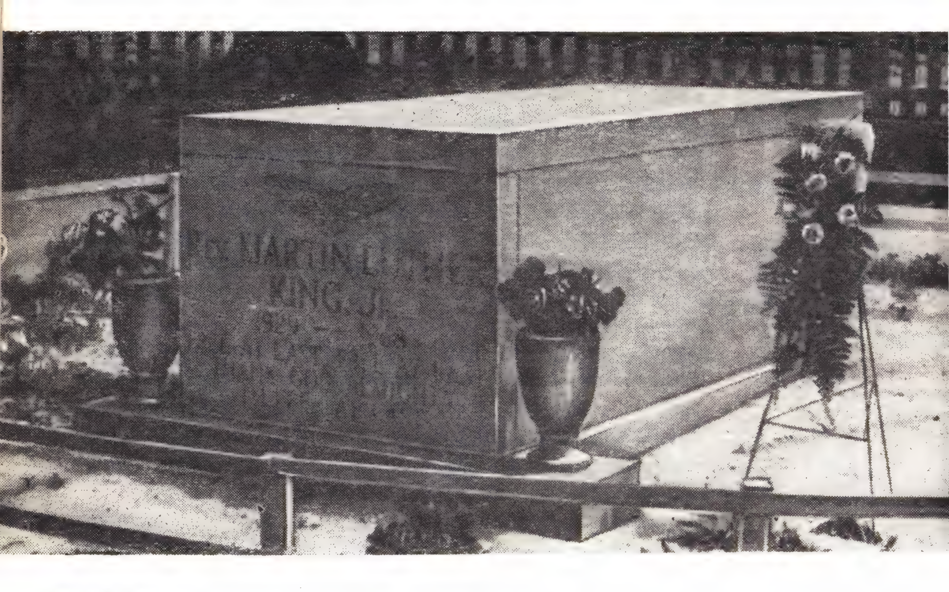
Дальнейшее ознакомление с деятельностью «Бредбаскет» показало, что в программе ее предусматривается создание особых условий для черных, что она несет на себе печать противопоставления трудящихся белой и черной кожи. Вот почему, несмотря на ряд положительных моментов, она наносит ущерб единству рабочего класса.

Великое имя Кинга, которое широко использует Джэксон, притягивает к нему сотни и тысячи обездоленных негров. Но в его деятельности очевиден отход от духа идей Кинга, игнорирование программы Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки по экономическим вопросам.

В замаскированной форме защищая концепции «черного капитализма», он вносит раскол в действия негритянских организаций.

В Атланте мы пришли на могилу Мартина Лютера Кинга. Небольшое белое надгробие. Вокруг забор из некрашенного штакетника, некоторые планки держатся на одном гвозде, кое-где отвалились. Присматриваемся. Все гвозди загнуты, ни один не вошел по шляпку. Трудно, ох как трудно было негру заколачивать их, слезы мешали, молоток не слушался. И слова надгробия, как расплавившиеся капли металла на сердце: «Свободен наконец! Свободен наконец! Благодарю всемогущего бога — я свободен наконец!».

 Горькие лица негров у оградки. Над могилой два де-

МОГИЛА МАРТИНА ЛЮТЕРА КИНГА

рева. Одно сразу же после похорон Кинга зачахло. Другое буйно-зеленое. Надолго ли? Выстоит ли оно? Хватит ли солнца ему в этой жаркой стране?

Негров обманывали своими обещаниями все американские президенты. На выборах они обещали многое, и прежде всего работу. На самом же деле подарили им не работу, а выставку о работе. Это огромная фотовыставка в шокирующем сопровождении полицейских, радио-тележурналистов движется по штатам. На ее полотнах показана райская жизнь негров. На заглавном стенде безобидный снимочек: белый и черный пингви-

ны рядышком в белом безмолвии Антарктиды. Вот, мол, люди, внемлите уроку природы.
Негры бойкотируют эту выставку.
Сегодня, как никогда, актуальны слова В. И. Ленина, что положение негров в Америке недостойно цивилизованной страны.

ДВА ПОЛЮСА

Контрасты особенно остро проявляются в экономической жизни Америки.
США — богатая страна. Она имеет мощную техническую базу, высокомеханизированное сельское хозяйство, развитую сферу обслуживания, отличные дороги. Магазины полны разнообразных товаров, респектабельные банки и конторы крупных компаний как бы невольно должны вызывать представление о солидности и незыблемости силы капитала.
Рекламные шоу на экранах телевизоров и на страницах газет создают у неискушенных иностранцев впечатление, что в Америке все прекрасно. Этому подчинена гигантская пропагандистская машина, которая, не уставая, днем и ночью наводит блеск на зияющие трещины фасада американской экономики. Изобретаются десятки различных «теорий» и «программ» типа «общества всеобщего благоденствия», «великого общества», «общества равных прав и возможностей». Все это направлено на то, чтобы скрыть неразрешимые противоречия капиталистического способа производства, исказить реальные процессы, происходящие в экономике этой страны.
 Но стоит поговорить с американцами, на шаг проник-

нуть за блестящий фасад, как открывается другая Америка — Америка глубочайших социальных контрастов.

— Мы создали «Общество всеобщего благоденствия!» — кричат платные идеологи Уолл-стрита. Но в «благоденствующей» Америке более пяти миллионов человек не имеют работы.

По сообщению министерства труда США, в стране насчитывается 933 «района бедствия». Это те районы, где почти не развивается промышленность и закрываются ранее функционировавшие предприятия. Уровень безработицы здесь в 4—5 раз превышает средний по стране. Даже по официальным данным, в Америке насчитывается сегодня 35 миллионов бедных людей — почти 20 процентов населения страны. Прогрессивные социологи называют более высокую цифру — 40—50 миллионов. Это низкооплачиваемые рабочие, безработные, пенсионеры, лица не американского происхождения, подвергаемые дискриминации в оплате труда.

Да, в Америке есть люди, которые благоденствуют. Это те, кто живет за счет присвоения чужого неоплаченного труда — крупнейшие монополисты: Говард Хьюз — младший, чье личное состояние оценивается в два миллиарда долларов; Поль Гетти с состоянием в 1,2 миллиарда долларов; семейство Рокфеллеров, которому принадлежит личный капитал более чем в 3,5 миллиарда долларов. Это они говорят: «прибыль следует поставить впереди таких почитаемых понятий, как семейный очаг или мать».

Их благоденствие обеспечивают десятки миллионов наемных рабочих и служащих. Каждый из двухсот тысяч рабочих, занятых на заводах семейного клана Фордов, за час

приносит своим хозяевам один доллар 47 центов прибыли. Ежегодный доход П. Гетти только от нефтяного бизнеса — 84 миллиона долларов, платит же он своим рабочим ровно столько, сколько нужно, чтобы поддержать их работоспособность. По подсчетам экономистов, каждый рабочий нефтяных промыслов Ближнего Востока отрабатывает свою годовую зарплату в течение 3—5 дней.

Буржуазные философы, социологи, психологи много пишут теперь о важности «вложений в человека», без которого невозможно увеличение инвестиций в заводы и оборудование. Они приходят к убеждению, что главным фактором экономического прогресса является не капитал, а знания и способности людей, их отношение к труду. Так, американский социальный психолог Ф. Херцберг обращает внимание на то, как важно, когда работник считает: что хорошо для фирмы, то хорошо и для него. Но этот же исследователь откровенно признает, что добиться такого практически невозможно, поскольку интересы фирмы и работника противоположны.

Утверждаемый современной буржуазной идеологией принцип «единства интересов» рабочих и предпринимателей каждодневно опровергается самой капиталистической действительностью. Рабочие не желают трудиться на капиталистов с той энергией и самозабвением, как хотелось бы хозяевам. Не уменьшается, а углубляется процесс классовой дифференциации, идейно-политического размежевания сил труда и капитала.

А вот еще одно любопытное свидетельство Дж. Гэлбрэйта из его книги «Новое индустриальное общество».

— Америка — страна равных прав и возможностей! — восклицает Дж. Гэлбрэйт.

Так ли это? Вот официальные данные, взятые из этой книги. Один процент населения США владеет 76 процентами всех богатств страны. В это же время десятки миллионов американцев имеют годовой доход ниже двух тысяч долларов.

Э. Хансен, ведущий идеолог американской монополистической буржуазии, вынужден признать: «В США развиваются две нации — нация изобилия и разоряющаяся нация. К нации изобилия относится преобладающее большинство, вероятно 85 процентов людей, к разоряющейся нации — 15 процентов, хотя эта доля, несомненно, увеличивается».

Получается, что в государстве «равных прав и возможностей» все-таки существует «разоряющаяся нация»: безработные, молодежь, не находящая работы, расовые группы, страдающие от дискриминации, 8,3 миллиона неграмотных взрослых, 7,7 миллиона человек, живущих только на пособия. По признанию Хансена, эта группа обездоленных непрерывно растет и представляет «социальный динамит американского общества».

Весна 1970 года застала американскую экономику на стадии глубокого спада: около 20 процентов производственных мощностей в мае бездействовало. Армия безработных росла, как снежный вал, достигнув рекордного уровня за последние восемь лет — 5,3 миллиона человек. «Нынешнее состояние экономики не имеет прецедента в нашей истории за последние 35 лет»,— утверждает газета «Нью-Йорк таймс». По более поздним оценкам, страна пережила в 1970—1971 годах настоящий экономический кризис.

 Многим американцам мы задавали вопрос о причинах

столь большого спада в экономике страны. В большинстве случаев ответы были маловразумительными и путаными. Лишь ответ редактора журнала «Форчун» — теоретического фундамента американского бизнеса — Чарльза Виттенгейма оказался четким.

— Это связано с системой правительственного регулирования. Белый дом сознательно ведет линию на сокращение производства продукции ряда отраслей промышленности, чтобы приостановить инфляцию.

— Почему развиваются в экономике США инфляционные процессы.

— Причин много. Главное — это то, что у нас довольно быстрыми темпами растет производство. Вместе с тем растет и спрос на промышленные и потребительские товары, а если растет спрос — растут цены. Все просто!

Однако в действительности все далеко не так просто. Впервые в США сложилась такая ситуация, когда одновременно уживаются и развиваются два противоположных явления — инфляция и безработица. Но господин Виттенгейм отказался от дальнейших объяснений.

В Америке, конечно, есть мыслящие люди, которые реально оценивают происходящие в экономике этой страны процессы. В течение трех дней одному из нас пришлось жить в Филадельфии в семье профессора экономики. Дискуссируя по вопросам экономического развития капиталистических стран и стран социализма, от него пришлось услышать следующее откровенное высказывание об американской экономике.

— Поймите,— говорит профессор,— у нас сейчас растут не вообще производство, не общий спрос на потребительские товары, а изделия военного производства,

спрос на военную продукцию. К этому привела нас грязная война во Вьетнаме!

Милитаризация американской экономики возросла.

В последние пять-шесть лет на войну в Индокитае правительство США ежегодно затрачивало 30 миллиардов долларов. Львиная доля этих ассигнований пошла в сейфы крупных монополий, производящих оружие. В 1970 году только 5 самых мощных компаний тихоокеанского побережья получили 27 процентов от общей суммы военных заказов. Норма прибыли 65 крупнейших военно-промышленных монополий в 1965—1968 годах была на 21—45 процентов выше средней нормы прибыли 500 промышленных корпораций, а у названной пятерки военных поставщиков это повышение составило 45—88 процентов!

К росту цен, инфляции ведет, прежде всего, спрос на военную продукцию. Американская администрация, стремясь осуществить регулирование, сдерживает главным образом развитие невоенных отраслей, а это вызывает рост безработицы. Так, производство легковых автомобилей сократилось в 1970 году на 25 процентов. На улицу были выброшены более 80 тысяч рабочих. Многие отрасли переведены на неполную рабочую неделю.

Предприимчивый Дж. Гэлбрэйт в данной ситуации не теряется. Выдавая желаемое за действительное, он рассуждает следующим образом: «Авиационный инженер в случае падения спроса на самолеты может испытывать затруднение, подыскивая работу по специальности. Но после несложного обучения и немного поступившись гордостью, он станет превосходным агентом по продаже бытовой техники».

Государственное регулирование осуществляется за счет трудящихся, последствия спада экономики ложатся прежде всего на плечи рабочего класса Америки. А груз этот немалый. Трудящиеся массы испытывают двойной пресс. С одной стороны, урезывают их доходы непрерывно повышающиеся цены и налоги. Только в 1970 году цены в США подскочили на шесть процентов. По заявлению председателя финансовой комиссии палаты представителей, федеральные, штатные и местные налоги отнимали в 1969 году 40 центов из каждого доллара, заработанного американцем. В 1970 году, по подсчетам прогрессивного экономиста В. Перло, налоги, выплачиваемые из карманов трудящихся, в три с половиной раза превысили налоги, выплачиваемые монополиями, и почти вдвое — сумму налогов, собранных с монополий и капиталистических элементов, вместе взятых. С другой стороны, в результате перехода около 25 процентов всех занятых в промышленности США на укороченную рабочую неделю у трудящихся резко снизилась денежная зарплата. Но в то же время в связи с дальнейшей механизацией и автоматизацией производства гигантски возросла интенсивность труда.

Мы побывали на двух промышленных предприятиях США и убедились в этом воочию. Буквы «ДМ» в Америке встречаются часто — «Дженерал моторс». Это могущественная фирма. Ее выручка в 1969 году была в 50 раз больше доходов штата Невада, в 8 раз — штата Нью-Йорк и составила чуть меньше одной пятой доходов федерального правительства.

Огромный автосборочный завод фирмы «Дженерал моторс» в Атланте в час выпускает 47 машин. Производст-

венный процесс в основном механизирован и автоматизирован. Корпус имеет подземные, наземные, воздушные конвейеры. Здесь трудятся более пяти тысяч человек.

Производство организовано так, что в течение восьмичасового рабочего дня люди не имеют специального обеденного перерыва. В цехах установлены платные питательные автоматы, состоящие из 3—4 секций: в одной может быть сок, в другой — сосиски, в третьей — булочка, в четвертой — кока-кола. Существует группа подсменных рабочих. Подсменщик на 10—15 минут в течение смены заменяет рабочего. За эти минуты рабочий должен подойти к автомату, купить что-то поесть, перекурить, если в этом есть потребность, и опять встать к конвейеру. Количеством подсменных рабочих регулируется очередь у питательных автоматов. Нет здесь перерыва и между сменами. Рабочие второй смены приходят, становятся рядом с теми, кто занят у конвейера, одновременно делают шаг в сторону и начинают сборку. Конвейер, который не просто движется, а мчится, не должен простаивать ни минуты — таково требование фирмы.

Глядя на эту четко организованную систему эксплуатации рабочих, не трудно заметить, что человек, работающий за автоматами, сам превращен в автомат. Работа изматывает силы и нервы человека до предела, но что до этого предпринимателям. Упадет кто — выбросят за ворота, замена найдется сразу—там стоят сотни жаждущих получить работу.

Мы попросили сотрудника, который сопровождал нас по заводу, познакомить с молодым рабочим. Подозвали

мужчину. Он, оказывается, самый молодой у конвейера. Ему 35-й год... Конвейеры, цеха, стройки — и почти нигде никогда не увидишь молодого лица, молодых глаз. И, как бы угадывая вопрос, атлантские администраторы бойко объяснили свою антимолодежную концепцию: «А нам невыгодно брать молодых. Считайте: их надо учить — раз, они допускают больше брака — два, они трудно привыкают к темпу конвейера — три. К тому же некоторые из них еще опаздывают на работу, прогуливают. Увольте! У нас каждое утро у проходной выстраивается до 200 человек. Там есть мастера, спецы, и мы как-нибудь обойдемся без молодежи».

Какие же дороги в жизни выбирают молодые американцы?

Конечно, дети богатых идут учиться в университеты, колледжи; из среднего класса получают место на заводе, в конторе — родители выкупят ту или иную должность. Ну, а для остальных выбор один — посудомойкой, официантом, продавцом, одним словом, в сферу обслуживания. Можно попасть еще на строительство дорог, лесоразработки, и, может быть, годам к 30-ти, 35-ти, когда появляются какие-то деньги и рабочий навык, человек подойдет к воротам машиностроительного завода. И опять — может быть...

Системы профтехобразования, подобной нашей, не существует. Хочешь учиться, получить профессию — плати. Правда, в последние годы все чаще и чаще раздаются голоса американских ученых, представителей фирм о необходимости создания государственной системы подготовки квалифицированной рабочей силы. Причина таких требований — боязнь оказаться в хвосте научно-тех-

нического прогресса. Однако, несмотря на некоторый рост ассигнований на эти цели, государственной системы профтехобразования не создано.

В 1970 году 26 миллионов молодых людей хотели получить работу. Причем 8 миллионов среди них — это юноши и девушки, бросившие школу. Миллионы новичков становятся ежедневно в хвост очереди перед бюро найма. Но на предприятиях для них нет места. Они лишние в своей стране.

Белый дом, форсируя гонку вооружений, связанную с войной во Вьетнаме и поддержкой агрессивных устремлений сионистских кругов Израиля, сократил и без того мизерные ассигнования на просвещение, здравоохранение и социальное обеспечение трудящихся.

Несметные богатства и безысходная нищета, пресыщенность праздной элиты и необеспеченность существования значительной доли населения — таковы два полюса социально-экономической жизни современной Америки. Они красноречиво свидетельствуют: империализм эпохи общего кризиса капитализма не устраняет, а наоборот, усиливает антагонизм между классом имущих и трудящимися.

Мы видели американцев в работе и хотим сказать об этом несколько слов.

Американец работает быстро, но не торопливо, размеренны и четки движения, заметны навыки автоматизма. Рабочая одежда очень удобна — в ней много карманов на молниях и мало пуговиц. Деловые встречи состоятся в точно назначенный срок и длятся ровно столько, сколько на них отводится времени. Никаких переговоров, лишних слов, веселых рассказов.

Мы обратили внимание, как в больших городах идет реконструкция старых зданий. Площадки обнесены высоченным забором, но на уровне глаз есть окошки. Около них толпы людей. Американцы любят наблюдать, как рушат старое, как роют фундамент, как ведут монтаж. Строители работают под наблюдением сотен зевак. Обязательно на стройке проводятся экскурсии. К ним американцы приучены с малых лет. Эта служба работает безукоризненно.

Девять маршрутов, по которым на школьных автобусах путешествуют дети, обязательны.

Вооруженные радиотехникой гиды нас встретили на пивном заводе в Сент-Луисе. Это своего рода рекламное предприятие. Цехи сверкали аптечной чистотой, были наполнены горным воздухом и... сотнями вопросов к нам.

Расспрашивали о заработках наших рабочих, о том, могут ли они строить себе собственные домики, имеют ли автомобили, ловят ли рыбу, занимаются ли охотой, могут ли, например, разводить кроликов, держать собак, выращивать цветы и т. д. и т. п.

На американских заводах нет таких понятий, как передовик, лучший рабочий. О рабочих не говорят в своих выступлениях представители фирм, их портреты не увидишь в городе. О человеке труда не прочтешь в газете.

Некоторые американцы вполголоса поведали нам о том, что в последние годы выветривается американская деловитость. Стоэтажный небоскреб в Чикаго стал оседать — слабый фундамент. В Атланте мы ожидали два часа самолет. Никто перед нами даже не извинился. А когда

поздней ночью мы прилетели в Филадельфию, на нас навели телекамеры и задали миленький вопрос: «Почему вы опоздали? Мы уже решили, что вы угнали самолет!»

ЧЕГО БОЯТСЯ АМЕРИКАНЦЫ?

В США не обнаруживается явных следов социального обеспечения. Оно существует для небольшой категории людей. Страхованию по болезни подлежат только 6,4 процента населения. Закон о пенсиях не охватывает значительной части сельскохозяйственных рабочих, различных категорий низкооплачиваемых работников, сезонных рабочих, домашней прислуги. У более чем 80 процентов работников наемного труда размер пенсий составляет лишь 20 процентов средней заработной платы. Пособий по безработице, размеры которых не превышают 30 процентов средней зарплаты, в настоящее время лишены 50 процентов безработных.

Американские трудящиеся из года в год отчисляют из собственной зарплаты деньги на будущую свою пенсию. Это снижает их реальную заработную плату, которая после выплаты налогов и без того резко сокращается.

Мы встречались со многими американцами. У 120 из них мы спросили: «Чего вы больше всего боитесь?». Восемьдесят ответили: «Боимся медицины». Плата за медицинское обслуживание из года в год растет.

Еженедельник «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» сообщает: «За последние пять лет стоимость медицинского обслуживания возросла в целом на 32 процента». Посмотрите на приводимую ниже таблицу и вы убедитесь, как возросли расходы американцев на лечение.

Изменение стоимости медицинского обслуживания за последние 5 лет (по данным Бюро трудовой статистики США — 1964—1969 гг.)

	Стоимость возросла
Больничная плата	на 88 проц.
Прием у детского врача	на 44 проц.
Прием у терапевта	на 39 проц.
Роды	на 35 проц.
Пломбирование зубов	на 31 проц.
Прием у психиатра	на 30 проц.
Удаление зуба	на 28 проц.
Зубной протез	на 28 проц.
Удаление гланд	на 28 проц.
Рентген, включая диагноз	на 24 проц.
Операция грыжи	на 24 проц.
Осмотр глаз и очки	на 21 проц.
Лабораторные анализы	на 18 проц.
Снотворное	на 15 проц.
Микстура от кашля	на 11 проц.
Таблетки от простуды	на 9 проц.
Аспирин	на 7 проц.

Растущая высокими темпами инфляция в еще большей степени повысила стоимость медицинского обслуживания, в 1970 году — на 15 процентов. Один день пребывания в больничной палате стоит более ста долларов. Операция аппендицита обходится в 600 долларов, желудка — около трех тысяч, визит к врачу, рентгенограмма и рецепт — 180 долларов. В конце 60-х годов американцы заплатили врачам около 50 миллиардов долларов. Вдобавок ко всему — больному нелегко попасть на прием. В США на одного врача приходится примерно две тысячи человек.

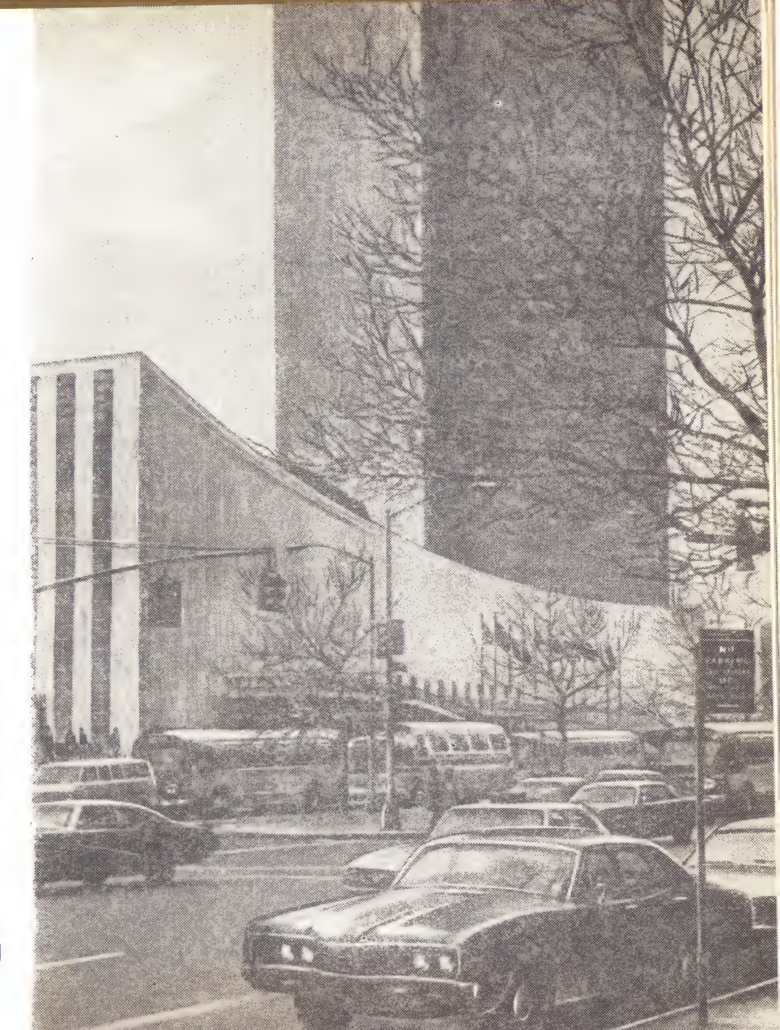
Есть ли бесплатные больницы в Америке? Да, есть. В каждом штате их несколько. Но такие больницы всегда заполнены, и в них можно находиться не более пяти суток. Если человек по болезни вынужден продолжать курс лечения, то за каждый день после пяти — рассчитывается наличными.

Дж. Кеннеди во время выборов в Нью-Йорке на грузовиках установил рентген и бесплатно просвечивал желающих. Это было эффективным средством привлечения на свою сторону избирателей.

Или такая деталь. Ни один народ на нашей планете так не страдает от бессонницы, как американцы. Подавляющее большинство засыпает с помощью снотворных. Самые популярные темы бесед в США: автомобиль, процесс пищеварения и борьба с бессонницей. Самая ходовая фраза, которой вас встречают американцы: «Как выспались?»

Американцы, прекрасно зная цену медицинского обслуживания, стремятся всевозможными способами укреплять свое здоровье. Удивительно аккуратно выполняют они все советы врачей, в том числе и совет побольше смеяться, памятуя, что смех — полезная функция для организма. Но далеко не у всех людей этой страны смех бывает веселым. 75 процентов самоубийц — люди пенсионного возраста. Предприниматели стремятся уволить человека с работы, когда ему переваливает за 45 лет. Поэтому человек всегда работает под страхом, что его могут в любую минуту выбросить на улицу, лишить работы, а следовательно, и обеспечения в старости.

Сейчас средняя рабочая неделя в США близка к 42 часам с огромной переработкой сверхурочных. Ритм ра-

НЬЮ-ЙОРК.
ШТАБ ООН

боты исключительно напряженный. Производительность труда рабочего самая высокая в мире. Она на 40 процентов выше производительности труда рабочего в Швеции, которая занимает по этому показателю второе место. Поэтому и зарплата американского рабочего может быть довольно высокой.

Например, пивной завод в Сент-Луисе, где мы побывали, выплачивает рабочему 4,47 доллара в час. Это плата за тяжкую, изнурительную работу на конвейере, который выпускает 22 тысячи баррелей пива в день. Как правило, на конвейере трудятся малоквалифицированные рабочие и являются по существу придатком машины.

Интересно сравнить систему жилищного обеспечения в США и СССР. В нашей стране жилищное строительство осуществляется в основном за счет государства. Плата за квартиру минимальная.

Иное дело в США. Арендная плата двухкомнатной квартиры в Вашингтоне составляет 200—300 долларов в месяц. Еще труднее приобрести дом или собственную квартиру. На оплату кредита у семьи с еженедельным доходом в 100—120 долларов уходит много лет и даже десятилетий.

Вот почему, наряду с респектабельными домами в тихих зеленых пригородах, в Америке существуют и районы трущоб. Нам приходилось их видеть в Нью-Йорке, Вашингтоне, Филадельфии.

Несколько слов о гостиницах. Их много. Там вас встретит швейцар, проводит в номер. Он будет ухаживать за вами, как за маленьким ребенком. Но за оказанную помощь попросит чаевые. В некоторых отелях швейцары не получают жалования у хозяина, они живут на чаевые.

Без швейцара можно обойтись, но не всегда. Вероятно, по какой-то договоренности, такси остановится у гостиницы только по его свистку, только по его сигналу. Если же попробуете сами кричать, выбегать на дорогу, оно промчится мимо. За услугу, садясь в машину, вы должны платить чаевые.

Один из нас как-то собрался в парикмахерскую и было уже открыл дверь, но переводчица рассоветовала: «Вы что, миллионеры, у вас много лишних долларов?» Американская парикмахерская — особое заведение. Клиент ложится в кресло, его лицо покрывают пеной. И пока брадобрей творит свое дело, из карманов вынимаются платки, снимается галстук. Все это или стирается, или гладится.

Клиенту вычистят туфли, заменят шнурки, пришьют петельки на пиджаке и пальто, снимут очки, протрут их. Одним словом, делают с ним что хотят, а он, лежа под бритвой, только может молча возмущаться. Затем все возвращается на свои места, и с чеком в солидную сумму долларов вы покидаете парикмахерскую. Это сервис по-американски!

СЛУЖЕБНАЯ УЛЫБКА

«Тот, кто заметит в любом из наших магазинов неулыбающегося продавца, немедленно получит премию в один доллар». Такие объявления мы видели в витринах многих больших американских магазинов. И напрасны попытки получить премию—улыбка не сходит с уст американского продавца.

Многие крупные магазины сверкают чистотой, наполнены ароматным воздухом Звучит тихая музыка. На полках — обилие всевозможных товаров. Доступ к ним от-

3 Зак. 2582

крытый. Американцы любят заходить в магазин без цели: просто поглазеть. И это хорошо знают продавцы. Но стоит кому-либо из покупателей потянуться в карман за кошельком, как тут же появится улыбающийся продавец, готовый выполнить любое желание.

В этой стране почти нет встроенных крупных магазинов. Как правило, они сосредоточены группами 10—12 магазинов в центре города. В них можно купить все: от иголки до трактора, от искусственных ногтей до живой черепахи.

Есть уже и такие магазины, в которых, не выходя из автомобиля, можно приобрести все, что необходимо. Делается это так. Покупатель подъезжает к магазину со двора, берет микрофон и заказывает. Через 10—15 минут в багажнике автомобиля появляется бумажный мешок, наполненный покупками, а кошелек становится заметно тоньше. В США широко пользуются кредитом. И сейчас каждый житель этой богатой страны должен в среднем по две тысячи долларов. Цены на промышленные товары здесь довольно высокие.

Кое-кто у нас считает, что некоторые американцы каждый день меняют костюм. В этом, конечно, есть доля правды. Весь вопрос в том, что это за костюм. В витринах магазинов выставлены манекены, одетые в мужские костюмы по цене 20—30 долларов. Мы привезли в Челябинск перечень того, чего нельзя делать в этом костюме. Это недельный костюм, то есть его можно одеть шесть раз, на седьмой — выбросить. В нем нельзя делать резких движений, долго стоять на солнце, попадать под дождь, находиться у газовой плиты.

 Видели мы костюмы и стоимостью 40—50 долларов для

месячной носки, с таким же длинным перечнем: «нельзя делать...»

Американцы не любят свою обувь. Она груба, жестка. Поэтому предпочитают английскую, французскую, итальянскую. Здесь много изделий из синтетики. Они яркие и недорогие, но не все американцы их покупают. Часто здесь можно услышать такую фразу: «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи». В кругу более или менее состоятельных американцев-мужчин сейчас считается дурным тоном появиться в нейлоновой рубашке. В ходу — хлопчатобумажные, весьма дорогие.

Не дешево стоят и продовольственные товары. Стакан молока стоит в пересчете на наши деньги 25 копеек, килограмм мяса — 4—5 рублей. Хлебные изделия очень часто выпекаются маленькими булочками, размером чуть больше нашего пряника, и продаются не на вес, а штучно. Однофунтовая булочка стоит 23 цента. В магазинах много молочных продуктов, в том числе и в таком сочетании, как ряженка с малиновым джусом, кефир с яблочным вареньем и т. д.

Весьма распространена окраска продуктов. Яблоки, помидоры часто дозревают в газовых камерах. В ходу мясная краска. Дело в том, что в магазинах нередко продается мясо после трех-, четырехлетнего хранения в ледниках, потерявшее естественный вид, и торгаши его красят под цвет крови. Колбаса окрашивается в желтый и красный цвета.

Американцы стараются быть очень точными в приеме пищи. Второй завтрак — с двенадцати до часу, обед — с шести до семи часов вечера после работы. Обычно завтракают и обедают в кафетериях, у автоматов. Очередь

движется быстро, везде самообслуживание. В последнее время входит в практику отпуск обедов и ужинов с доставкой на дом. Пища доставляется в упаковке, напоминающей самолетные подносы: в углублениях — первое, второе, холодные закуски и дессерт. Поднос сделан из плотной фольги. Остается только поставить его в духовку, и все готово. Американцы много пьют фруктовых и овощных соков, постоянно едят фрукты. У служащих часто под рукой чашечка с крепким кофе. На заводах автоматы за 50 центов выбрасывают бутерброды, кока-колу, сигареты, мороженое.

На семейных ужинах преобладают мясные блюда. Хозяйки любят украшать стол огромным куском мяса или запеченной птицей.

На официальных встречах к столу подаются различные закуски и напитки, из которых каждый сам берет то, что приглянулось и тут же, стоя с тарелкой и бокалом в руках, спорят, дискуссируют, решают проблемы.

На молодежных вечеринках еще более непринужденная обстановка. Участники их сидят или лежат на полу. Кто-то разносит закуску, кто-то разливает напитки. Веселье идет своим чередом.

Америка — страна, где реклама является главной движущей силой торговли. Она повсюду, и без нее здесь не представляют жизни. Мы часто слышали классическую шутку, когда американский школьник, впервые увидевший радугу, сказал отцу: «Красивая эта штука, а что она рекламирует?».

Реклама бывает самая различная. В ресторане, например, можно прочесть такую афишу: «Посетители старше 80 лет обслуживаются бесплатно, если они приходят со

своими родителями». В другом месте — у входа в кафетерий — огромный аквариум. На дне ползают раки. Заходи, вылавливай любого рака. Здесь же тебе его сварят и через несколько минут подадут на стол. Приманка удалась, в кафе всегда полно народу. А вот другие рекламы: «Поцелуй ваш покажется особенно сладким, если вы будете употреблять зубную пасту...» и дается ее название. Или: «Если ты хочешь иметь вес в обществе, приобретай утюги новой модели».

С любопытной разновидностью американской рекламы мы столкнулись в Атлантик-Сити — небольшом курортном городке на побережье Атлантического океана. На набережной — сотни всевозможных магазинчиков. Чуть не в каждом — бойкий зазывала с микрофоном. На столах товары: транзисторные приемники, телевизоры, швейные машины, женское белье и т. д. Посетителям радиозазывала энергично впихивает большие бумажные пакеты и клянется, что через пару часов они будут полные и притом почти... бесплатно. Участвующие в этом аттракционе могут всего за несколько долларов получить эти товары-приманку. Механизм выкачивания долларов прост. Радиозазывала берет коробку и спрашивает, кто даст за нее доллар. Кто быстрее поднимет руку и отдаст доллар, тот становится владельцем коробки. В ней может быть набор карандашей, игрушек, зажигалок. Обладатель доволен — у присутствующих возникает любопытство. Опять в руках зазывалы коробка. Кто даст за нее доллар? Все поднимают руки. Кто два? — чуть меньше. Три? — пять человек. Десять? — один. Ему вручается коробка, в ней транзисторный приемник.

 Страсти разгораются. Опять предлагается приобрести ко-

робку. Цена, как на аукционе, поднимается до 15 долларов. Вручается тому, кто заплатил, но она оказывается с дешевой безделушкой.

Изредка, раз в полмесяца, таким образом разыгрывается и дорогая вещь. Фирма в конечном счете не остается в убытке. Кроме того, на таких аттракционах, как правило, подсовывается покупателю залежалый товар.

Да, в США умеют сбывать товар. Делают это ловко, используя страсти людей к прибыли. Разумеется, в таких аттракционах не участвуют миллионеры и средний класс американцев. Мелочи — это удел тех, кто перебивается с доллара на доллар, кто не может платить, не считая каждый цент.

РАЙСКАЯ ЖИЗНЬ. ДЛЯ КОГО?

В Америке мы убедились в несоответствии поговорки «собачья жизнь» ее истинному смыслу. Здесь по улицам городов прогуливают одетых в нарядные попонки собачек. Обутые в сапожки, с пестрыми шарфиками или бриллиантовыми ошейниками, они производят впечатление существ, опека над которыми не идет ни в какое сравнение с условиями, в которых прозябают тысячи негритянских и белых детей, бросающих школу, чтобы заработать семье лишний грош.

Культ собак — занятие праздной элиты, особенно женской ее части. Бизнес делают в основном нанятые «менеджеры». Прибыль течет в карманы хозяев заводов, фирм, корпораций.

Для собак созданы специальные отделы в магазинах — «Собачьи закуски». Их могут доставить домой в нарядных упаковках. Были случаи, когда иностранцы, не знавшие языка, принимали их за человеческую пищу.

Выходящий в США журнал «Форбс», читаемый деловыми кругами, дал недавно понять своим подписчикам, что бизнес, обслуживающий прихоти богатых и супербогатых собаковладельцев, сулит колоссальные и, главное, гарантированные прибыли тем, кто вознамерится вложить в него свои капиталы. «В настоящее время,— пишет журнал,— владельцы очень многих собак постоянно водят их в салоны красоты, одевают у лучших модельеров, нанимают им лакеев для прогулок и кормят по-королевски. Филе в винном соусе — это тонкое удовольствие для пса, который готовится к встрече со своим психиатром». А без психиатра, по мнению журнала, собаке богатого американца жить теперь просто невозможно, ибо окружающая действительность «губительно сказывается на ее нервной системе». И так далее, и тому подобное... Журнал сообщает также о том, что в Соединенных Штатах существует сейчас специфическая отрасль бизнеса с годовым оборотом в 2 миллиарда долларов.

В Филадельфии одному из нас пришлось три дня провести в обществе человека, который делает бизнес на собаках. Он имеет пять небольших заводов по производству собачьих блюд. Доход у него приличный. География заводов с каждым годом расширяется.

В США 27 миллионов собак, в том числе 20 собак-миллионеров. Наш знакомый замышляет создать фирму по обслуживанию собак и кошек, открыть ателье, где будут шить модные одежды по собачьей фигуре, собачьи парикмахерские, кондитерские, стать монополистом издания литературы о собаках.

 В Нью-Йорке с 1896 года существует кладбище собак.

Над могильными статуэтками горделиво развевается государственный флаг, а под ним, например, такие трогательные слова: «Спи спокойно, мы скоро встретимся вновь».

В Лос-Анжелесе торжественно открыли родильный дом для кошек. Для каждой роженицы отведены кабинки. Кондиционеры подают в них свежий воздух. В кабинке имеется мягкая постель, установлен телевизор.

А в день отъезда из Нью-Йорка по радио мы услышали сообщение об основании в Соединенных Штатах Америки специального института для установления знакомств между собаками. Возглавляет этот институт правление из 19 человек — солидных предпринимателей.

Контрасты Америки не парадокс, не случайность. Они непреложно вытекают из самого характера социальной системы, построенной на эксплуатации человека человеком.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АВАНТЮРЫ ВЗРЫВАЮТСЯ

Контрасты Америки весны 1970 года ярче всего проявились в ее внутриполитической жизни. Антагонизм между капиталом и трудом не только не ослабевает, как пытаются утверждать буржуазные идеологи, а еще усиливается. Даже президент Р. Никсон в послании к конгрессу вынужден был отметить, что 60-е годы Америки были периодом «самых крупных социальных волнений за последние сто лет».

Продолжавшаяся война во Вьетнаме, и особенно расширение в апреле—мае американской агрессии на Камбоджу всколыхнули буквально все слои населения Соединенных Штатов. Поднялась небывалая для этой стра-

ны волна антивоенного движения. Американский разбой в Юго-Восточной Азии осудили многие общественные организации, видные политические деятели.

Первыми выступили прогрессивные силы страны. Коммунистическая партия США резко осудила расширение агрессии на Камбоджу и потребовала незамедлительного вывода американских войск из Южного Вьетнама. Она разоблачила продажность южновьетнамского марионеточного правительства, поддерживаемого американскими штыками.

В интервью корреспонденту газеты «Санди стар» лидер демократического большинства в палате представителей К. Альберт подчеркнул, что вьетнамский конфликт — это «наихудшая война», которую когда-либо вели Соединенные Штаты. Он выразил тревогу по поводу того, что эта непопулярная война ведет к большому расколу в США.

— Решение президента о вторжении в Камбоджу является национальной трагедией,— заявил сенатор У. Фулбрайт.

Почти половина выпускников колледжа в Патии (штат Вермонт) заявила об отказе служить в американской армии в знак протеста против индокитайской авантюры. В заявлении студентов, зачитанном на выпускном вечере, подчеркивалось, что они не хотят участвовать «в незаконной и аморальной войне против жителей Юго-Восточной Азии».

— Пожалуй, никогда еще наша страна не испытывала такого кризиса доверия нашим институтам, как в эти дни,— заявил сенатор Эдвард Кеннеди студентам Бостонского университета.

 Мы находились в те дни в Америке, когда Р. Никсон 30

апреля 1970 года, выступая по телевидению, объявил американскому народу о вторжении войск Соединенных Штатов Америки в Камбоджу.

Многие американцы прямо заявляли, что им стыдно за свое правительство, за свою страну.

Далеко не все, даже крупные, фирмы участвуют в военном бизнесе и наживаются. А производство, не связанное с гонкой вооружений, с каждым новым годом замедляет темпы своего развития. Это вызывает недовольство военной политикой США определенных кругов крупного капитала и тех конгрессменов, чьи интересы они защищают. В еще большей мере по этой причине выступает против войны средний класс американцев: относительно мелкие и средние предприниматели, врачи, адвокаты.

Помимо всего прочего, они еще потеряли во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе своих сыновей.

Многих американцев поразило, с какой легкостью правительство нарушает конституционные формы управления страной.

Объявление войны другому государству по конституции США — дело конгресса. А что происходит в действительности? Трумэн не спрашивал согласия конгресса на американскую вооруженную интервенцию в Корею. Джонсон втянул Соединенные Штаты Америки в войну во Вьетнаме, тайком, за спиной конгресса.

О вторжении американских войск в Камбоджу узнали по телевидению.

В США подрываются самые основы гражданской власти. Военщина, разведка, охранка, «специальные советники» президента, различные «управления» и тому подобные

органы, выражающие волю монополистической олигархии,— вот кто в действительности сегодня вершит судьбу, жизнь и смерть американцев.

Закономерно, что столь опасное развитие событий вызывает протест миллионов граждан Соединенных Штатов. Именно страх потерять некоторые конституционные права, страх перед лицом все более наступающего и диктующего свою волю военно-промышленного комплекса заставляет широкие круги американцев объединиться в союзы протеста, в оппозицию правительству. Небывалый отпор военной авантюре Белого дома дает молодежь Америки, в первую очередь, студенчество. И это не случайно. На все, как говорится, есть свои причины и обстоятельства.

ПРЕЗИДЕНТЫ И ОФИЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА О МОЛОДЕЖИ

В Соединенных Штатах люди в возрасте до 25 лет составляют половину населения.

Американская молодежь, по признанию официальных представителей Белого дома, находится в самом тяжелом положении из всех остальных групп населения. Зарплата, как правило, самая низкая. Постоянная работа не гарантирована. Почти каждый десятый молодой американец безработный, не имеет права на получение пособия. Молодые рабочие часто не члены профсоюза. Они почти все входят в состав так называемого неорганизованного рабочего класса страны, работают на мелких предприятиях, в сфере обслуживания, то есть там, где зачастую вообще отсутствуют профсоюзы. Но даже в тех отраслях промышленности, на тех предприятиях, где существуют профсоюзы, отношение

молодых рабочих к вступлению в них отрицательное. Это объясняется тем, что многие американские профсоюзы не занимаются такими жизненно-важными вопросами, как забота о повышении профессиональной подготовки, борьба с бедностью, безработицей, расовой дискриминацией, за прекращение войны во Вьетнаме и т. д. и т. п.

Нищета и бедность — удел американского молодого рабочего. Бывший президент США Джонсон вынужден был признать, что «бедность одной пятой наших семей вынуждает многих наших детей жить без возможностей и устремлений». В соответствии с официальной американской статистикой от 11 до 15 миллионов детей, то есть одна четвертая часть всех детей в США живет в бедности, а включая подростков — до 23 миллионов человек. Таким образом, молодежь США составляет по крайней мере больше половины всех живущих в бедности.

А нищета, по определению вашингтонской газеты «Ивнинг стар», «это беременные женщины, которые изо дня в день питаются только крахмалом или картофельными отбросами, это смертность младенцев в два раза выше средней нормы, это ранняя смерть подростков. Нищета — это дети, которые к концу первого года жизни весят меньше, чем при рождении. Это дети, которые ложаться спать голодными и плачут от голода по ночам». Нужда заставляет родителей устраивать детей на работу. Около 300 тысяч детей кочующих сельскохозяйственных рабочих в США в возрасте от 14 до 16 лет работают на уборке урожая, овощей и фруктов.

 Особенно трагично положение негритянской молодежи.

С самого своего рождения обречены на нужду и безнадежность дети американских негров, мексиканцев, пуэрториканцев и индейцев. Американский ученый Хаарт, занимающийся проблемами воспитания детей, на вопрос о том, какие перспективы открываются перед десятилетним ребенком-негром его родного города в штате Техас, ответил так: «Эти перспективы весьма незавидны. Если даже подростку-негру удастся закончить школу, то в лучшем случае он сможет мыть посуду в ресторане, станет грузчиком или лифтером, при этом платить ему будут значительно меньше, чем платят белому».

В одном из посланий президента конгрессу говорилось: «Негритянский ребенок, родившийся сейчас в Америке, независимо от района или штата, в котором он рождается, имеет по сравнению с белым ребенком, родившемся в том же месте, в тот же день, примерно половину шансов закончить среднюю школу, одну треть шансов закончить колледж, одну треть шансов приобрести какую-то квалифицированную профессию, вдвое больше шансов стать безработным».

Американские президенты систематически направляют конгрессу послания, в которых приводят одни и те же вопиющие цифры. Вот некоторые из них. Один из каждых трех учеников, занимающихся в 5-м классе оставляет школу, 4 миллиона американцев не умеют ни читать, ни писать. 13 миллионов молодых людей имеют образование ниже 8 классов. Только два из десяти американских юношей и девушек получают образование в колледже. И без того высокая стоимость университетского образования в США неуклонно растет из года в

В АМЕРИКЕ „ЗАПРЕЩЕНО“ ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО. ЭТОТ БЕЗРАБОТНЫЙ „ПРОДАЕТ“

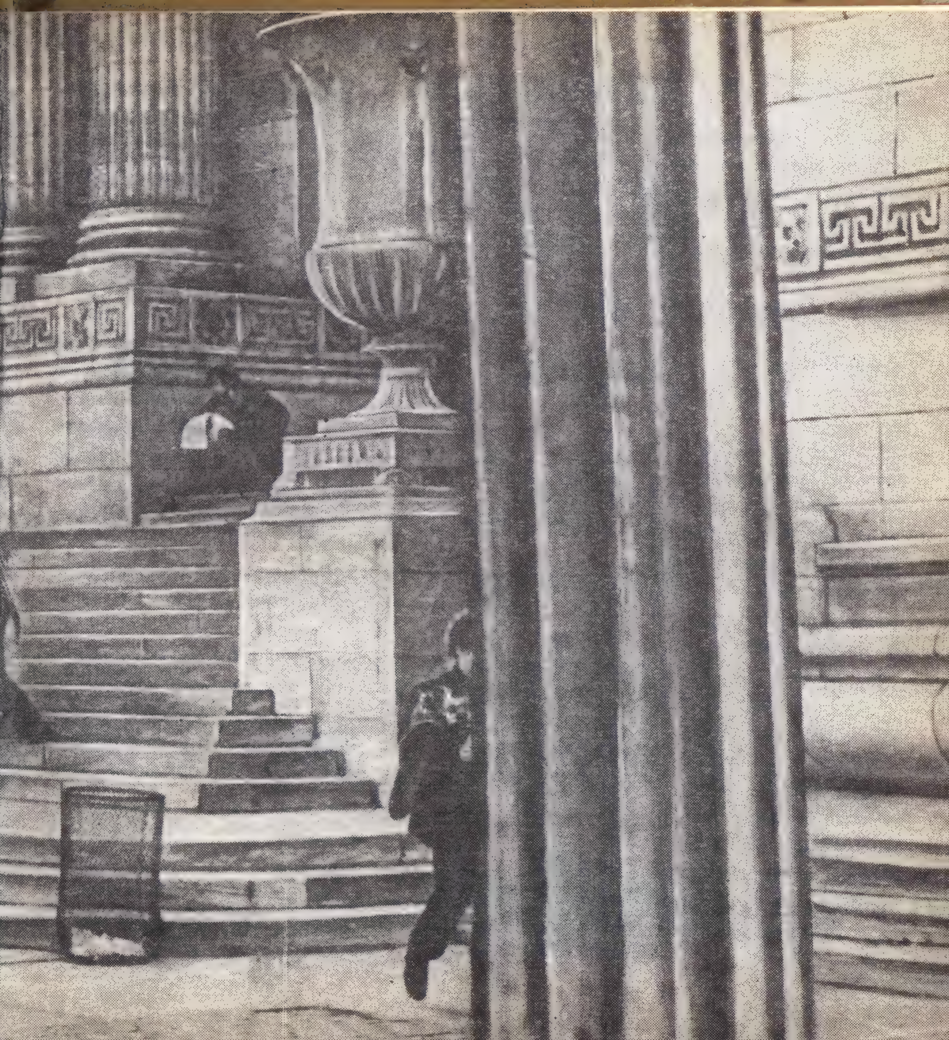
год. Средняя плата за обучение в частных университетах составляла в 1966 году 3200 долларов в год, в 1970 году — более 4 тысяч долларов.

Нельзя сказать, что высшая администрация страны не уделяла внимания проблеме молодежи и особенно ее занятости. В качестве средства решения этой проблемы в рамках «Великого общества» в Соединенных Штатах были созданы и широко разрекламированы «рабочие корпуса», «местные рабочие корпуса» (программа «сосед помогает соседу»), программа «учись и работай», предназначенная для студентов, вынужденных совмещать работу с учебой в колледжах. Кстати сказать, ничего путного из этих программ не вышло. Через них прошло всего 142 тысячи молодых американцев.

Американские эксперты констатируют, что хотя за последние годы на обучение и воспитание молодежи в США затрачивается значительно больше средств, чем это делалось раньше, тем не менее проблема молодежи остается одной из наиболее острых внутриполитических проблем и имеет тенденцию к дальнейшему обострению. На смену «потерянному и забытому поколению» 40-х и 50-х годов пришла молодежь, политическая активность которой мешает нормальному — по буржуазным понятиям — функционированию капиталистического государства и сильно беспокоит власть имущих.

Покойный кандидат в президенты США Роберт Кеннеди в своей книге вынужден был признать, что капиталистическое общество не может зажечь молодежь. Вот что он пишет: «В глазах молодежи мы слишком часто измеряем ценность человека размером его жалованья или состояния... Еще более ненавистна молодежи, как

была ненавистна моралистам на протяжении тысячи лет мораль, определяющая ценность вся и все прибылью. Они знают, что руководители крупнейших корпораций вступают в сговоры, чтобы фиксировать цены, на тайные совещания собираются, чтобы красть по грошу в месяц у миллионов американцев».

И далее: «Мы теряем молодежь в пользу экстремистских движений или общественного безразличия, ибо она не находит ответа на свои опасения и ожидания в прошлой политике. Мы теряем старшее поколение, которое утрачивает веру в возможность защитить будущее и примыкает к консерваторам, консервативным движениям, надеясь, по крайней мере, сберечь то, что имеет радикализм и реакция. Новые правые и новые левые отражают одно — желание найти индивидуальное значение, приняв участие в достижении широкой общей цели».

Встревоженно пишет и Дж. Гэлбрэйт в нашумевшей книге «Новое индустриальное общество»: «Среди молодежи наблюдаются сильно выраженные, хотя и довольно расплывчатые и зыбкие оппозиционные настроения. Многое в этих настроениях является отражением недовольства целями, столь бесцеремонно утверждаемыми индустриальной системой и ее защитниками. Эта оппозиция руководству до тех пор, пока она не образует ру-

←

НА СТУПЕНЬКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ. СТУДЕНТЫ ПУСКАЮТ МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ

ководство, останется расплывчатой и не принесет результатов.

Четко обозначились настроения отчужденности молодежи. Они проявлялись в демонстративном отказе от общепринятых взглядов на труд, карьеру, одежду и внешнюю политику. Но это недовольство наблюдалось не только среди молодежи. Оно было распространено и в широких кругах педагогов и ученых».

Комментарии здесь, как говорится, излишни.

ДОВОЛЬНЫ ЛИ АМЕРИКАНЦЫ СВОЕЙ ШКОЛОЙ?

Общую картину жизни американской молодежи мы хотели бы детализировать прежде всего рассказом о школах и школьниках.

Незадолго до нашего приезда в США в журнале «Форчун» была опубликована статья адмирала Риковера о постановке школьного образования. Она нас заинтересовала. Читаем: «Я считаю трагичным, что так много американцев, окончивших среднюю школу, не обладают даже тем багажом, который в других странах соответствует начальному образованию. Они не умеют правильно читать, не способны излагать свои мысли и писать без ошибок. Я не говорю уже о том, что 10 процентов американцев совершенно неграмотны».

Любопытное признание. Пытаемся выяснить причину. Оказывается, в США нет единой школьной системы. Во многих школах не преподавались до последнего времени точные науки. Вместо них были введены такие предметы: жизнь в семье, физическое и моральное здоровье, жизненная мудрость. Факультативно и теперь проводятся занятия на темы: как узнать, что вы влюблены; как хорошо организовать деловое свидание и т. п.

Мы побывали во многих школах, беседовали с учителями и учениками. Темы бесед — самые различные. Вспоминается посещение школы в Атланте. Она представляет собой двухэтажное длинное помещение с мастерскими, спортзалом. У входа справа высится металлическая мачта с американским флагом.

Перед началом занятий школьники выстраиваются у флагштока. Исполняется национальный гимн, лучшие спортсмены поднимают флаг. После этого директор делает короткое сообщение о важнейших событиях в стране и за рубежом.

Американские флажки над классной доской, в библиотеках, на преподавательских столиках — они всюду.

В атлантскую школу мы прибыли 30 апреля. Заходим в класс. На доске — стихи о любви, о верности друг другу. Две девочки в очках, наверно пятиклашки, с зелеными веревочками в косах вместо лент переписывают стихи.

В учительской нас встретил директор, в красной рубашке, с огромными баками, обросший. Нам показалось странным, что директор не пригласил нас сесть. А узнав, кто мы, тут же куда-то исчез.

В школе 1700 учащихся. 78 основных преподавателей. Дети изучают 18 предметов. Занятия начинаются в восемь часов утра. Длятся они до 3-х, с часовым перерывом на обед.

На свое попечение нас взяли две женщины с какими-то черными повязками на шее, обутые в громоздкие туфли, от которых шел гул по коридорам. Кто они — мы не знаем. Следуем за ними. На каждом этаже — металлические шкафчики для одежды, как у нас в бытовках на за-

водах. Двери в классы открыты. С одной стороны коридора — классы, с другой — лаборатории и мастерские.

Заходим в класс. Ученики сидят по одному за маленькими столиками. Под сиденьем — место для книжек. В центре восседает на стуле учительница в мини юбке. Она забросила ногу на ногу. Курит и медленно потягивает кока-колу.

Зашли в мастерскую. Пыль на дряхленьких станках. Пояснений учителя не слышно. Рядом гремит и гудит стадион. Ученики болеют за свою бейсбольную команду.

По расписанию каждый класс раз в неделю проводит один урок в библиотеке. Здесь ученики бродят между книжными полками, сидят в уголках, лежат на диванах, на ковриках. В одиночку листают книжки, рассматривают журналы. Гудят вентиляторы.

В библиотеке 106 книжек об СССР. Нам протягивают книги Шварца, Фишера о нашей стране. Брать их не хочется. Здесь же мы впервые увидели учебник по антикоммунизму. Это массивная, хорошо изданная книга. Открываем первую страницу, читаем: «Юный друг! Ты часто слышишь разговоры в семье о нехватке долларов. Вам бы хотелось купить новый автомобиль, новый костюм, новую мебель. Но не хватает долларов. А знаешь ли ты, что каждый шестой доллар твои родители тратят на борьбу с коммунизмом, на строительство атомных подлодок, стратегических ракет. Борись с коммунизмом и ты станешь богаче».

Вот из такой стряпни и состоит весь учебник. Цель ясна. Его авторы (их несколько) соревнуются во лжи. Они беспардонно льют грязь на нашу страну.

В последнее время пропаганда антикоммунизма приобрела широкий характер. Для учителей издано специальное руководство. В школы разосланы рекомендательные списки литературы. Вот лишь некоторые названия учебных пособий: «Угроза коммунизма», «Что ты должен знать о коммунизме и для чего», «Коммунистический мир». Все эти, с позволения сказать, учебники пронизаны ненавистью к странам социалистического лагеря и, в первую очередь, к СССР.

В одном из учебников бывший глава Федерального бюро расследования Гувер заявляет: «Наши школы — это одна из самых основных сил в борьбе с коммунизмом».

Мы присутствовали на уроке. На нем шел разговор об итогах второй мировой войны. Учитель ловко жонглировал цифрами. Если бы взять сумму долларов, как говорил он, затраченных на вторую мировую войну, и разделить между всеми людьми земного шара, то каждый мужчина, женщина и ребенок получили бы по 600 долларов. А затем перечислил то, что можно купить на эти деньги. Учителя, как и его слушателей, вовсе не интересовал такой вопрос, какие беды принес фашизм людям, какой ценой удалось его сокрушить.

Ученик, закончивший школу, получит аттестат зрелости только при условии, если по антикоммунизму у него пятерка. В противном случае ему выдается справка. Переэкзаменовка по этому предмету не допускается. Таким образом заставляют молодого американца подчеркивать свое отношение, свою преданность американскому образу жизни.

В одной из лабораторий школы собрались рослые парни и девушки. Они накрыли стол. Девочки преподнесли

нам печенье, бисквиты, кофе, кока-колу. Мальчики выстроились у стенки по росту и по порядку стреляли в нас вопросами.

— Вы — коммунист?

— Да.

— Вы умеете говорить по телефону?

— Да.

Тускнеют лица учеников, среди них — смятение. Их на уроках убеждали, что у нас нет в быту телефонов. Телефоном пользуются лишь крупные начальники. Большинство людей не умеет пользоваться телефонным аппаратом.

После небольшой паузы ободряющие взгляды учителей. Снова посыпались вопросы. Мы начинаем отвечать, и через несколько минут ребята увлекаются и забывают о том, что они под присмотром. Теперь спрашиваем мы.

— Чем гордится ваша школа?

— Бейсбольной командой и газетой.

Нам представляют долговязых парней. Показывают номер своей бесшабашной газетенки.

Нас просят пообедать вместе с учителями. Проходя через столовую, окунаемся в уже знакомый рев. Где мы слышали этот шум? На бейсбольном матче. А теперь в столовой. Дети бросают друг в друга кусками хлеба. Пол завален газетами. Протискиваемся в малюсенькую комнатку под лестницей. Небеленые железобетонные блоки, два столика. На подносе нам подают крошечные порции салата, кукурузы, маргарина. Никто на нас не обращает внимания. Каждый молча занят своим делом, разве что худенькая полячка, знающая несколько сла-

вянских слов, предлагает нам соль и какие-то специи. Любопытен микроклимат в школе. Способные ученики, увлекающиеся математикой, носят кличку «яйцеголовые».

Самый же популярный человек в школе — капитан бейсбольной команды. Выходим из школы. Еще раз смотрим на здание, читаем лозунг: «Человек не остров». Хороший лозунг. Но даже намека на воспитание коллективизма, взаимопомощи мы в американской школе не нашли. Да этого и не может дать капитализм, тем более в США.

Всю дорогу наш гид рассказывал, что самая дешевая школа берет с родителей за восемь лет обучения всего лишь четыре тысячи долларов. В США немало богатых частных школ. В них обучение ребенка стоит еще дороже. В школах не хватает учителей.

Чтобы как-то выйти из положения, создаются специальные бригады из старшеклассников. Они преподают в начальных классах.

В Нью-Йорке 860 школ, но их не увидишь: они занимают несколько комнат в деловых конторах, жилых домах. Самые старые дома, общественные здания отдаются под школу. 16 сентября, когда начинается учебный год, ко многим школам ученики идут с родителями. Но в руках старших не цветы. Отцы и матери суровы. В их руках — плакаты: «Школы для детей, а не для крыс». Сейчас, когда мы вспоминаем американскую школу, то, чему учат там детей, снова встают в памяти встречи, картины, которые трудно забыть.

И вот результат. Ученик шестого класса, отвечая на вопрос корреспондента газеты «Чего бы ты хотел до-

стичь?», заявил: «Я хочу быть военным, когда вырасту, вступлю в армию и буду убивать людей, нет, не людей, а русских».

Читаем журнал «Лайф». В нем опубликован снимок, а под ним подпись: «1- я в мире школа для занятий во время атомной войны». Тут же под фотоснимком мальчуган, он изрекает: «Теперь, когда у нас такая школа, атомная война была бы для нас интересным развлечением».

Вспоминаем сцену в одной семье в Филадельфии. Наша хозяйка бранит своего сына Боба за то, что он много времени сидит у телевизора.

— Ну подожди, мама,— отвечает Боб,— я не могу сейчас идти спать. Ведь до сих пор были ужасно скучные убийства.

Американский ученый Артур Трейс-младший в своей книге «Что знает Иван и чего не знает Джон» пишет, что советский словарь родной речи для четвертого класса содержит около 10000 слов, аналогичная же американская хрестоматия — всего 1800 слов. Ученый объясняет это тем, что советская хрестоматия составлена из классических серьезных произведений, а американская— из ремесленных поделок, в которых действия не выходят за пределы семьи.

В 1970 году в нашей стране выпущено полтора миллиона учебников по алгебре, геометрии, физике, химии, в США — около 100 тысяч.

Американцам не нравится их школа. Они считают, что она мало дает знаний в области точных наук. По признанию самих педагогов, даже двенадцатиклассники знают очень мало.

Вместе с тем в американской пропаганде, особенно направленной на другие страны, школа занимает ведущее место. Красивые здания, умные учителя, примерные ученики... Рекламируют не стандартную массовую школу, а отдельные, единичные школы для богатых американцев.

В школе всячески культивируется спорт. Для спортивных игр, как правило, используются перемены. Включается проигрыватель, слышится ритмичная музыка, и дети начинают играть, петь, танцевать.

Нас заинтересовала работа клуба четырех «Эйч». С этой буквы начинаются четыре слова: голова, сердце, руки, здоровье. Это популярный клуб, в котором ребята состоят до 21 года. В основном, это сельские мальчики и девочки. Раз в месяц они собираются и отчитываются о своей работе.

Каждое занятие в данном клубе заканчивается клятвой. Она звучит примерно так: «Верю, что работа в клубе сделает из меня полезного гражданина. Моя голова научится планировать и размышлять. Мое сердце будет добрым и верным, руки ловкими и сильными. Я буду здоровым, чтобы радоваться жизни и хорошо работать. Я верю в США и в свою ответственность за процветание моей страны».

Мы заметили, что многие родители заинтересованно следят за работой клуба. Ведь он помогает детям учиться выращивать скот, обрабатывать землю, изучать технику, вести журналы доходов и расходов.

В США много и других школьных клубов. Есть клуб скаутов. 12 заповедей скаутской организации знает каждый школьник. Тут и обещание делать хотя бы од-

но доброе дело в день, помогать старикам и детям, повиноваться властям. Скаут должен всегда улыбаться, никогда не выражать неудовольствия.

...Пасмурным утром в Нью-Йорке мы побывали на окраине Бруклина в детском музее. Музей разместился в бывшем гараже. На стенах здесь висят детские рисунки, в клетках мечутся зверушки.

На втором этаже комнаты для работы кружков. Здесь учатся играть на пианино, трубе, гитаре. И везде — пыль, грязь, ветхая мебель.

Наш приход был сенсацией. Музей впервые посетили иностранцы, да еще из СССР. Здесь никогда не были ни журналисты, ни государственные чиновники.

Запомнился директор этого музея. Пуэрториканец. Средних лет человек. У него нет идеала, а точнее сказать — он разочарован в тех, кому верил в молодые годы. Он ненавидит войну во Вьетнаме, но не из политических соображений, а сугубо личных, боится, что и его туда пошлют. Его больше всего удивляет то, как много сделано в нашей стране за годы Советской власти. Пуэрториканец знает имена советских космонавтов. Смотрел два-три фильма, читал кое-кого из наших поэтов. Беседуем с посетителями музея. Из-за шкафов выглядывают любопытные мальчишки. Мы спрашиваем 14-летнего паренька: «А чем ты гордишься?» — «Я уже два года езжу на машине, и у меня «железные нервы».

БУНТ МОЛОДЫХ

Наше знакомство со студенческой Америкой началось за несколько дней до «грандиозной битвы», как окрестила американская печать бурные выступления студентов в мае 1970 года.

Удалось встретиться со студентами разных университетов. Что их волнует? Многое. И постановка высшего образования в стране, и развитие форм студенческого самоуправления, и растущая плата за обучение.

Молодежь не стоит в стороне от борьбы против расизма, засилия милитаризма и вьетнамской войны. Отрадно, что студенты не только дискуссируют, но и действуют. В Чикагском университете они добились ликвидации призывного пункта на территории кампуса. На плакатах, призывающих юношей вступать добровольцами в американскую армию, мы видели надписи протеста против грязной войны, призывы уничтожать повестки в армию.

Чикагский университет — один из крупных в стране. Его корпуса, расположенные на дымной окраине города, окружены зеленью. Узкие асфальтированные дорожки ведут к двух-, трехэтажным коттеджам. Всюду валяются листовки.

Здесь прошла оживленная беседа со студентами, выпускающими университетскую газету «Мароон». Беседа вначале не клеилась. Но вскоре молодые американцы все чаще начинают вынимать тоненькие карандашики, что-то торопятся записать в свои блокноты. Многие из них откровенно заявляют о своем несогласии с грубостью и насилием, царящими в стране.

— Война,— говорят они,— это ужасно. Мы протестуем, боремся, но мало кто нас поддерживает.

Тема беседы серьезная, животрепещущая. И вдруг одна студентка переключает разговор на проблемы гомосексуализма. Они вызывают повышенный интерес у

 значительной части американской студенческой моло-

дежи. И это не удивительно. Ее всеми средствами стремятся отвлечь от горячих проблем современной политической жизни страны. Толкают в омут разврата.

Интересуемся условиями поступления в университет. Никаких конкурсов в нашем понимании не существует. Хочешь учиться — пожалуйста. Но к заявлению прикладывается вступительный взнос — две тысячи долларов.

В дальнейшем студент, например, Пенсильванского университета платит 100 долларов—за консультации, 150—за пользование книгами университетской библиотеки, 150 — за посещение лабораторий, 100 — за общежитие, 200 — за бытовые услуги и т. д.

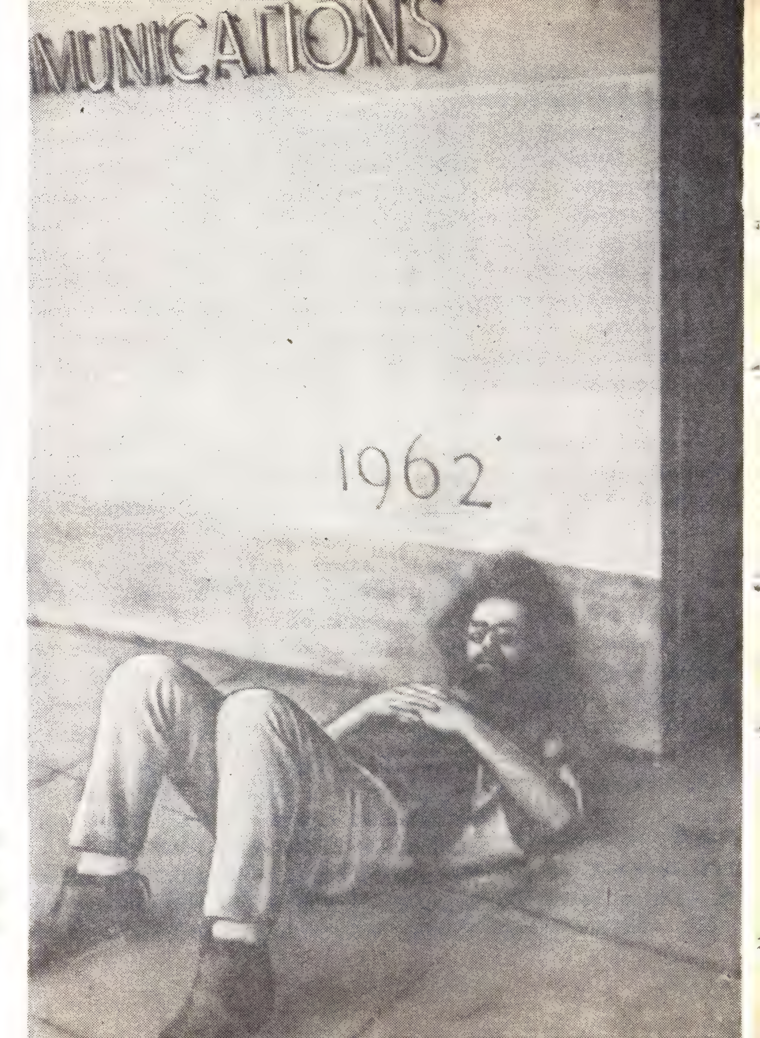
За экзамены также платят. Зная, например, что по литературе экзамен стоит 25 долларов, студент оплачивает чек в банке и вручает его преподавателю. При пересдаче следует вторично оплатить чек на ту же сумму.

Таким образом, чтобы получить специальность педагога или врача, человек должен обладать кругленькой суммой долларов.

Мы не удивились, когда на «Рэдио-сити мюзик-холл» — у этого центра американского шоу, встречали парней с плакатами на груди и на спине: «Я хочу учиться в колледже. У кого есть доллары и доброе сердце — помогите!». Но им никто не протягивает и цента.

В университетах Америки оригинальные условия защиты диплома. Студент может, например, защищаться по фотографии или похоронному делу.

Нас немало удивили внешний вид студентов, нормы поведения. Многие одеты неряшливо, обросшие. В Чикагском университете студенты слушали лекцию про-

ПЕНСИЛЬВАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. В ПРИЕМНОЙ РЕКТОРА

фессора физики, развалившись на полу, на войлоке.

— Почему студенты лежат?

— А нам так удобней,— ответил, не поворачивая головы, детина, лежавший в ногах своей подружки.

В Пенсильванском университете у двери с табличкой «Ректор» возлежал тип. Через него переступали, его фотографировали, с ним пытались заговорить — он безмолвствовал. Ректор, с которым мы вместе выходили из приемной, бойко перепрыгнул через студента.

— А почему студент лежит здесь? — спросили мы ректора.

— Да он, по-моему, уже несколько суток валяется. Недоволен. Ему третий раз ставят двойку по физике.

В Атланте в университете Эмори у нас состоялась встреча со студентами на семинаре, который вел молодой профессор Блаксвелл. Договорились с ученым, что вопросы будем задавать по очереди, по принципу «фифти-фифти». Первый вопрос задали мы.

— К какому виду деятельности вы себя готовите?

— К работе в государственных, а может быть, и частных организациях. Там будет видно. Не знаем. Вначале надо отслужить в армии и сохранить голову!

Вслед за тем студенты задали не один, а сразу десяток вопросов:

— Правда ли, что у вас обучение бесплатное? Каков размер стипендии? Сколько студент платит за общежитие? Есть ли студенческое самоуправление? Правда ли, что русские студенты не могут критиковать своих профессоров и у них нет газет и журналов?

Были и такие вопросы, которые свидетельствовали о серьезном желании разобраться в потоке разноречи-

вой «информации», каждодневно обрушивающемся на голову молодого американца.

Наши ответы для многих были откровением.

Нас интересовало, что читают студенты, знают ли произведения В. И. Ленина. Из 30 человек пять назвали: «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Материализм и эмпириокритицизм», «О государстве».

Еще два-три вопроса, заданные в расчете на политическую осведомленность студентов, остались без ответа. Юноши и девушки молчали. Это обстоятельство вынудило профессора нарушить принцип «фифти-фифти». Один за другим он задал несколько вопросов нам: о чехословацких событиях, культе личности, экономической реформе. Блаксвелл торопился выговориться:

— У вас нет свободы! Партия защищает народ, профсоюз защищает народ. От кого они его защищают? От самих себя? — Ему показалось, что он нашел «веский» аргумент и заулыбался. Студенты явно «болели» за своего учителя.

Пришлось подробно объяснить студентам и профессору в особенности преимущества социалистического строя и советской демократии.

— А что касается свободы, профессор Блаксвелл, то позвольте вам задать один вопрос?

— Пожалуйста.

— Вы читали Достоевского?

— Да! Это один из моих любимых писателей.

— Так вот послушайте, что он писал о свободе:

«Свобода.

Какая свобода? — Одинаковая свобода делать все, что угодно в пределах закона.

— Когда можно делать все что угодно?

— Когда имеешь миллион!

— Дает ли свобода каждому по миллиону?

— Нет!

— Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно!» Вот у вас свобода существует только для миллионеров. Человек, не имеющий приличной суммы долларов, не закончит университет. А у нас любой гражданин может поступить в высшее учебное заведение. За учебу он ни копейки не платит. Ему государство предоставляет общежитие, стипендию.

Профессор поморщился, как от зубной боли, но не собирался отступать.

— Вы, коммунисты, будоражите весь мир,— выкрикнул он, взмахивая руками.

— Да, мы поддерживаем борьбу угнетенных народов за свои права, свободу и независимость. Но порождена эта борьба не нами, а капиталистической системой, эксплуатацией человека человеком, расовым неравенством.

— Это пропаганда!

— Пропаганда? Это факты, профессор. Столь же неоспоримые факты, как и американская агрессия во Вьетнаме. Вторжение американцев во Вьетнам — не что иное, как откровенное вмешательство в дела другого народа. Не так ли, профессор?

— Вы, русские, всегда хотите быть правыми,— раздраженно махнул рукой Блаксвелл.

По улыбкам, кивкам головы, отдельным репликам чувствовалось, что некоторая часть студенческой молоде-

жи становилась на нашу сторону или, по крайней мере, уже не так безоговорочно поддерживала своего преподавателя.

Прозвенел звонок. В перерыве нас обступили студенты и засыпали вопросами уже такого характера: как живет советская молодежь, как она обеспечена работой, какая существует система государственного распределения выпускников высших учебных заведений, продолжительность лекций и количество экзаменов, как юноши и девушки проводят свободное время, какие танцы особенно популярны, что дает членство в комсомоле, где студенты работают в каникулы и т. д. и т. п.

На второй час семинара нас... не пустили, ссылаясь на недостаток времени. Усадили в автобус и отвезли в институт приматов, где около двух часов с мельчайшими подробностями рассказывали о жизни обезьян и опытах, которые на них проводятся.

Но вскоре стала понятна истинная причина той поспешности, с какой, мягко выражаясь, выпроводили нас из университета и отвезли к обезьянам. В перерыв до студентов дошла весть о выступлении по телевидению президента Никсона. Он объявил о вторжении армии США в Камбоджу. Новость молниеносно облетела университет и взбудоражила студентов. Комитет студенческого самоуправления срочно вызвал своих активистов на совещание.

На другой день местные газеты сообщили о том, что 120 университетов страны выступили с протестом против расширения правительством войны в Индокитае. Через три дня к ним присоединилось еще 148 университетов. Причем в 42 из них студенты выступили вме-

сте с преподавателями. А на четвертый день в Кентском университете прозвучали первые выстрелы в студентов. Четверо убитых и двенадцать раненых — таков был ответ правительства на протест молодежи.

Что происходило в студенческой Америке в последующие 15—20 дней — трудно пересказать. Это надо было видеть своими глазами. Студенты 268 университетов бойкотировали занятия и вышли на улицы городов. В 30 учебных заведениях были разрушены учебные корпуса, где проходили подготовку офицеры запаса. Около 100 студентов объявили голодовку. Многие сели на ступенях Капитолия, перед окнами Белого дома. В парке Лафайетта мы встретились с одним из объявивших голодовку, попросили рассказать, что его побудило пойти на такой крайний шаг.

— Я не одинок. Наша акция протеста направлена против внешней и внутренней политики правительства. Мы будем здесь сидеть с четырех часов ночи ежедневно до тех пор, пока не уберутся все американские войска из Камбоджи!

Полиция арестовала более 400 студентов. Многие из них были осуждены на различные сроки тюремного заключения. Свыше двух тысяч юношей и девушек в результате жестоких схваток с полицией, национальной гвардией и регулярной армией оказались в больнице. Несколько тысяч студентов были исключены из университетов и колледжей. Подверглись арестам руководители таких молодежных студенческих организаций, как «Студенты за демократическое общество», «Новый студенческий мобилизационный комитет», «Новое левое движение».

Президент США в спешном порядке объявил о создании специальной комиссии по изучению причин беспорядков в американских университетах и колледжах. Вскоре появился доклад, в котором отмечалось: «42 процента молодежи считают необходимыми радикальные изменения в государственной системе и политике США». Ушел в отставку помощник министра здравоохранения, просвещения и социального обеспечения Джеймс Аллен. Срочно была мобилизована вся черносотенная реакция во главе с вице-президентом Спиро Агню. Выступая на республиканском обеде в Форт-Лодердейле (штат Флорида), Агню говорил:

— Давайте не будем настолько наивны, чтобы верить, что в восстании, которое радикальная молодежь называет «Движением», не таятся семена революции. Давайте будем достаточно откровенны и взглянем прямо в лицо тому факту, что убежищем и рассадником «Движения» служат американские университеты... Существует группа студентов, стремящихся к радикальным переменам насильственным путем. Некоторые из них, быть может, неисправимы. Все они нуждаются в твердой узде. Эти преступные левые должны жить не в общежитиях, а в тюрьмах. Есть одно скромное предложение для моих друзей в академических кругах. В следующий раз, когда толпа студентов начнет размахивать своими неприемлемыми требованиями, действуйте соответственно.

В ход было пущено все. Выступая по телевидению, С. Агню обозвал студентов «бамз» (бродяги) и пригрозил прибегнуть к самым решительным действиям. Таким образом, в начале мая официальная, то есть во-

енно-промышленная, Америка объявила открытую войну студенческой Америке.

Дубинка полицейских и пули национальных гвардейцев открыли глаза многим молодым американцам. Рассеялись их последние надежды на «очищение» Америки путем реформ. Вторжение «джи-ай» в Камбоджу и кентское побоище многое сказали даже тем, кто вчера был далек от политики.

Забастовали учащиеся не только тех учебных заведений, которые давно известны своими бунтарскими традициями. Забастовали даже образцовые «питомники», где учатся выходцы из богатых буржуазных семей. И на это официальная Америка ответила репрессиями.

Наша группа посетила Пенсильванский университет в Филадельфии и Джорджстаунский в Вашингтоне. Здесь мы как раз и столкнулись с двумя типами университетов — «бунтарским» и «тихим». Студентов Пенсильванского университета мы не нашли в аудиториях, кабинетах и библиотеках. Не было их и в общежитиях. Они собрались в кампусе на огромной поляне. Студенты бастовали.

Это было впечатляющее зрелище. Сотни лозунгов, плакатов и карикатуры весьма острого содержания — с требованиями о выводе американских войск из Вьетнама и Камбоджи. Облив себя красной краской, на столах неподвижно лежали три юноши и одна девушка. Они символизировали студентов, убитых в Кенте. На импровизированной трибуне один оратор сменял другого. Студенты, внимательно слушая, одних поддерживали бурными аплодисментами, других под свист, не церемонясь, стаскивали с трибуны, кричали им в до-

гонку: «Долой!». Мы подошли к группе молодежи. Представились. Завязался разговор.

— Что заставило вас выйти сегодня на забастовку? — задали мы первый вопрос.

— Мы собрались здесь, чтобы выразить протест против грязной войны Никсона в Камбодже,— ответил один студент.—Завтра мы будем драться с полицией и, может быть, многих из нас убьют. Вот сейчас спорим,— он махнул рукой в сторону трибуны. Помолчав, видимо, раздумывая, говорить все или нет, добавил: — Кое-кто не хочет этого, боится.

— Вы лично решили бастовать?

— Да! — твердо ответил он.— Мы это решили с ребятами еще пять дней назад.

— Но это же риск?

— Не все ли равно, где рисковать,— усмехнулся парень,— здесь или во Вьетнаме? Здесь стреляют и там стреляют.

— Но вам отправка во Вьетнам не грозит, пока вы студент?

— Эта война затянется на десять лет, и мне придется после окончания университета в ней участвовать.

В этот момент тысячи студентов в один голос начали скандировать: «Вьетнам — нет», «Камбоджа — нет!»

Наши собеседники присоединились к тем, кто кричал. Через несколько минут, когда все умолкли, мы вновь спросили студентов:

— А какие у вас цели, чего вы хотите?

— Уничтожить все, что нам не нравится, а там посмотрим.

 Было ясно: студенты Пенсильванского университета, как

и других, не хотели иметь ничего общего с военными авантюрами американского правительства и были полны решимости бороться. Бороться... За что?

Участники нынешнего американского студенческого движения борются за прекращение войны. Почему? Да потому, что война своим черным крылом может коснуться каждого из них.

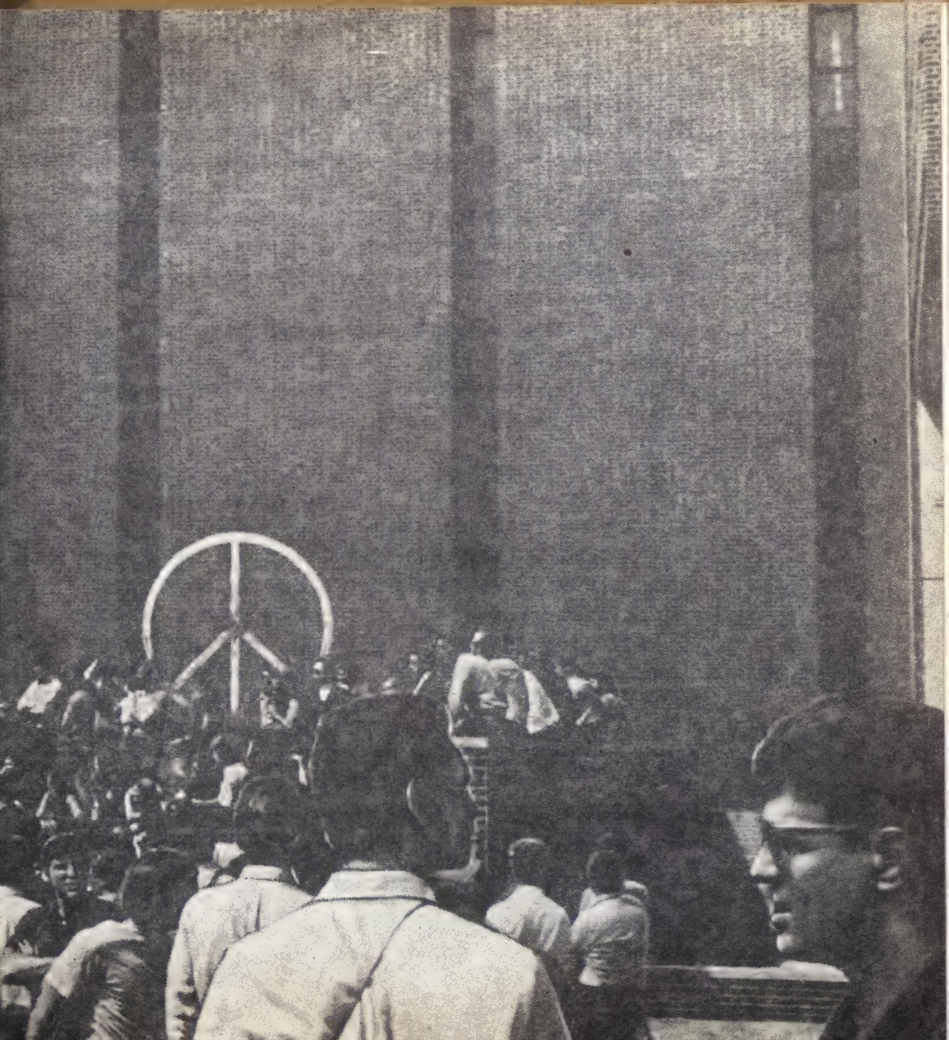
Вместе с тем масса американской молодежи не дошла пока до понимания необходимости радикальных социально-экономических изменений в стране. Она более или менее представляет и понимает, что «плохо» в Америке, но очень туманно осознает, что надо сделать для того, чтобы было «хорошо».

Это противоречие в американском студенческом движении имеет свои причины. Одна из них — организационная и идеологическая слабость массовых студенческих организаций.

В 1962 году в США возникла прогрессивная молодежная организация под названием «Студенты за демократическое общество». В настоящее время в ней насчитывается более 35 тысяч человек. Многие студенты разделяют взгляды организации. Однако, боясь быть зачисленными в списки «неблагонадежных», предпочитают не говорить об этом открыто.

30 марта 1970 года в городе Остин (штат Техас) состоялся съезд участников организации «Студенты за демократическое общество» (СДО). На нем присутствовало около 1000 активистов со всей страны. Исполнительный секретарь Майк Клонски в своем докладе заявил, что первостепенной задачей организации является создание «марксистско-ленинского движения» в США.

Выступающие употребляли такие термины, как: «империализм», «рабочий класс», «эксплуатируемые классы», «освободительные войны». Это очень отрадный сдвиг, так как еще два-три года назад ни один студент не обращался к марксизму. Однако при всем этом очевидны были большая политическая незрелость, явный налет левацкого радикализма, в основе которого лежат мелкобуржуазные теории, слабая связь с рабочим движением.

В организации «Студенты за демократическое общество» имеется целый ряд фракций: «Альянс рабочих-студентов», «Правые», «Левые». Фракции ведут борьбу между собой. Есть здесь и троцкистские группы.

В другой молодежной организации — «Национальная студенческая ассоциация» (НСА) — после разрыва с центральным разведывательным управлением, которое на 90 процентов ее финансировало, резко сократилось число членов. Она начала перестраивать свою работу среди студентов, переносить центр тяжести с международных на внутренние проблемы страны. Прежде всего НСА пытается создать в своих рамках каолицию негритянских организаций, особенно в южных штатах. Для расширения своего влияния среди молодежи она на средства фонда Форда намерена осуществить мероприятия под названием «Бесплатное университетское образование» на уровне программы колледжа. Выпущен каталог с перечислением 350 учебных заведений,

←

СТУДЕНТЫ БАСТУЮТ

на базе которых будет претворяться эта программа. Но пока только добрые пожелания.

«Национальная студенческая ассоциация» направляет свою деятельность на реорганизацию системы народного образования. Ее руководители намерены вести борьбу за осуществление целей легально, без применения насилия. Она выступила против войны во Вьетнаме. В конце апреля 1970 года ею было сделано заявление о том, что более 250 лидеров студенческих организаций ведущих учебных заведений страны подписали декларацию об отказе вступать в вооруженные силы США до тех пор, пока правительство будет продолжать войну во Вьетнаме.

Решительная поддержка этой организацией протеста против расширения войны в Индокитае в последнее время привлекла в ее ряды большое число студентов. Однако она не делает попыток опереться на марксистско-ленинское учение, не имеет перспективных целей. Эти и некоторые другие студенческие организации, ведя борьбу за расширение своего влияния среди учащейся молодежи, подчас применяют недозволенные приемы — демагогию и буффонаду, чем фактически раскалывают студенческое движение, ослабляют его.

Другой не менее важной причиной, ослабляющей ряды и мощь студенческого движения в США, является преднамеренная попытка правительства и военно-промышленного комплекса создать своего рода аристократические университеты и колледжи. Оказывая им щедрую финансовую поддержку, они создают условия, при которых большинство студентов обеспечивается стипендиями, дешевыми общежитиями, библиотеками, кафете-

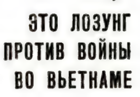
риями. Тщательный отбор в приеме студентов и их привилегированное положение делают такого рода университеты «тихими», маловосприимчивыми к социальным и иным бурям сегодняшней Америки.

К такого рода учебным заведениям относится Джорджстаунский университет в Вашингтоне. Это один из самых солидных частных католических университетов страны. Созданный в 1784 году, он, по словам ректора, «ни разу за свою историю не запятнал честь своей страны». В стенах этого университета слушают лекции члены семей президентов, сами президенты выступают с лекциями.

Джорджстаунский университет нас заинтересовал тем, что здесь имеется самый крупный в стране русский факультет. Его выпускники работают, как нам рассказывали, в ЦРУ, госдепартаменте, в посольствах, на выставках, преподавателями русского языка. Нас сопровождали Том Байер и Тоби Тристер — выпускники этого университета. К каждому из нас был прикреплен в качестве гида один студент со старшего курса. Все они неплохо владели русским языком.

Мы провели в университете почти целый день. Были в аудиториях, лингафонных кабинетах, библиотеках, общежитиях и даже в «могилах» — так называются здесь маленькие студенческие ресторанчики, расположенные

→

ЭТО ЛОЗУНГ
ПРОТИВ ВОЙНЫ
ВО ВЬЕТНАМЕ

TERN
EGE
SUPPO
CAN
TRIK

в низких подвальных помещениях. Потом мы узнали, что такого рода общение с нами входило в программу практики студентов — «вживаемость в русских».

Университет огорожен со всех сторон высокой металлической изгородью. Обстановка здесь была действительно спокойная. В аудиториях шли занятия, в библиотеках, на лужайках, под развесистыми каштанами студенты читали, листали конспекты или просто разговаривали. По аллеям степенно прогуливались в черных сутанах священники-преподаватели.

— Как студенты относятся к решению президента Никсона об эскалации войны в Индокитае? — спросили мы.

— Многие недовольны, но молчат...

— Почему?

— Как вам сказать? По-русски это будет... вышибут из университета...

Потом, будучи в общежитиях, мы видели немало карикатур, разного рода надписей на маленьких бумажках, прикрепленных на стенах холлов, в лифтах, свидетельствующих о недовольстве определенной части студентов политикой Белого дома.

В «могиле» заговорили о Вьетнаме, Камбодже, расовой проблеме, о многом, что волнует студенческую молодежь.

— В этом году я заканчиваю университет и должен пойти служить. Не служить нельзя. Пошлют во Вьетнам — крышка. Надо что-то делать, чтобы не попасть на эту бойню.

— Что ты предлагаешь? — спросил его сосед.

— Может, сжечь призывную карточку?! — неуверенно заметил кто-то.

— Тогда тоже крышка. Они этого не простят...— послышалось с другого конца стола.

— Я думаю, надо поступить в офицерскую школу. Два-три года проучимся, а там, может быть, кончится эта грязная война, наконец?

— Нет, лучше поступить в «корпус мира» и куда-нибудь уехать.

— В Россию этих ящериц из «корпуса мира» не пускают,— съязвил один из парней.

Все громко засмеялись.

В пылу этих откровений «гиды», кажется, забыли про русский язык, и нас, русских, сидящих с ними рядом. Проблема войны была для многих из них личной проблемой, и каждый хотел найти выход из нее. Это тоже весьма важный штрих в жизни молодой Америки.

Индивидуализм воспитывается у американцев с молоком матери, прививается самой американской системой: «свободного предпринимательства», всем образом жизни и, естественно, дает о себе знать в развитии студенческого движения Америки. Как бы ни был ярок огонь студенческих выступлений весной и летом 1970—1971 годов, как бы глубоко ни оценивались их последствия, не стоит забывать, что около двух миллионов американских студентов из семи не участвовали в «битве столетия».

Поздно вечером студенты отвезли нас в отель. Здесь в одной из комнат уже мы принимали гостей. Минут через пятнадцать от скованности, которая чувствовалась вначале, не осталось и следа. Разгорелся спор. Оказалось, что несколько студентов были в Советском Союзе в Ленинградском университете на стажировке.

Они в восторге от Москвы, Ленинграда, Киева, наших театров, кинофильмов. Они были поражены Пискаревским кладбищем.

— Это ужасно, что вы, русские, переживали во время войны! Мы совершенно не представляли, какой урон вам нанесли фашисты.

— А разве то, что делают сейчас американские войска во Вьетнаме, чем-либо отличается от того, что творили фашисты на нашей земле?

Наступило тягостное молчание.

— Мы против войны и войн вообще, только бороться у нас здесь не так просто...

— Но ведь студенты многих ваших университетов борются, выходят на демонстрации, бойкотируют занятия, объявляют голодовку?

— У них есть свои причины.

— Какие же?

— Разные. Кое-кого забирают в армию, не дав окончить университет. Кое у кого убит или искалечен брат на войне и всякое другое...

Потом, посещая американские семьи, редакции газет, университеты, мы старались узнать мнение самих американцев о причине нынешнего бунта. В Атланте профессор Джордж Соверс, у которого мы были в гостях, говорил:

— Бунтуют студенты университетов, а не технических институтов.

— Почему же бунтуют студенты университетов?

— Политика — это не наука, а шарлатанство. Все это изучают в университетах. Молодежь многого не понимает в нынешней политике, многое ей кажется ошибоч-

ным. Студенты же технических институтов и колледжей знают, зачем они пришли в институт — учиться, чтобы в будущем занять достойное место в нашей системе.

— Значит, по-вашему, в Белом доме сидят шарлатаны. Ведь они только политикой занимаются?

— Может быть.

Профессор Соверс, как видите, разрешает проблему студенческого движения очень просто. Он видит корень зла в «ошибках» правительства и стоит, по его мнению, их исключить, как все будет хорошо. Отчего происходят эти «ошибки», вроде войны во Вьетнаме и Камбодже, да и ошибки ли это, а не преднамеренные действия правительства, подталкиваемого военно-промышленным комплексом, его не интересует.

Профессор Гербнер из научно-исследовательского института коммуникативных связей при Пенсильванском университете на наш вопрос заявил:

— В Америке слишком долго и много проповедуется «коммерческая культура». Суть ее заключается в том, что реклама, радио, телевидение, печать, весь наш образ жизни изо дня в день призывают американскую молодежь лишь к получению потребительских благ, личных удовольствий: покупайте, приобретайте, копите деньги, чтобы купить! — вот наш лозунг. Наши средства массовой коммуникации формируют у молодых американцев психологию: «Наслаждайтесь сейчас, пока молоды — платить будете потом!» Мы никогда не давали и не даем молодежи никаких идей, целей и перспективы в жизни. Пресыщенная в потреблении, обалдевшая от современной массовой культуры, развращенная так называемой свободной моралью молодежь

5 Зак. 2582

сегодня отрицает все существующее в Америке: богатство и культуру, нравственность, политику отцов. Она хочет чего-то иного, а чего — сама не знает. Отсюда — усиление активности, появление «хиппи», увлечение сексом.

Госпоже Кэстер, жене богатого адвоката из Чикаго, мы не задавали вопросов. Во время ленча она сама запричитала и заохала, показывая на потолок, где выше в комнатах жили ее двое взрослых детей-студентов.

— Это ужасно. Что творится с ними! Они целый день, с утра до вечера митингуют. Чем это кончится — одному богу известно.

— Понимаем ваши волнения и беспокойство,— поддержали мы хозяйку.

— Все это начали голоштанники, студенты из бедных семей и черные. Зачем только их пускают в университет?!

Господин Хаммер, немец по происхождению, судья из города Сент-Луиса, о проблеме молодежи говорил долго. Говорил, не столько, кажется, нам, его гостям, сколько своим друзьям-американцам, которых собралось на встречу с нами более сорока человек.

— Молодежь везде сейчас одинакова — необузданна и отчужденна. Это — трагедия нашего индустриального века. Мы, старшее поколение, создавшее богатство и величие Америки, не понимаем молодежи, она не понимает нас. Разрыв поколений—вот что я вижу! У вас, в России, ведь тоже существует проблема молодого и старшего поколения, не так ли? — неожиданно обернулся он к нам.

 Мы собирались слушать, но пришлось отвечать.

— Противоречие между новым и старым всегда существует,— начал один из нас.— Это диалектика развития. Но в нашем обществе нет проблемы поколений...

Видимо, наш ответ не совпадал с канонами теории господина Хаммера, и он начал понемногу кипятиться:

— Как это нет у вас проблемы? Есть! Тысячи ваших молодых людей уезжают от родителей в холодную Сибирь. Есть? — он загнул палец на руке.

— Уезжают — осваивать Сибирь,— подтвердили мы.

— Женятся, выходят замуж, не спрашивая разрешения родителей? Есть? — согнул второй палец.

— Бывает.

— Выбирают часто работу, не следуя профессии отца? — загнулся еще один палец.

— Не хотят помогать старикам-родителям! Не уживаются в одном доме! — Кулак господина Хаммера победоносно замаячил над столом.

Честно говоря, этот кулак нас разозлил. Ни один из фактов, которые привел Хаммер, не свидетельствовал о том, что в СССР есть проблема поколений.

— Господин Хаммер, давайте загибать пальцы на другой руке,— предложили мы.

— Вся молодежь у нас имеет право на труд? Имеет! В СССР нет безработицы. В Америке больше всего безработных среди молодежи. Так? У ваших юношей и девушек есть силы, желание трудиться, а приложить их негде? Негде! Это уже проблема для человека. В СССР 100 национальностей и народностей. Юноша-татарин, узбек, якут и русский юноша имеют одинаковые права и возможности. А у вас расовая дискриминация и ответственны за нее те, кто держит в своих

It's a good thing we
the Hudson River.

There are more rats in New York
than people.

April 22 is Earth Day. The beginning of the end of

Newsweek

NEWSWEEK

руках богатство и мощь Америки! Мы даем высшее образование и профессию бесплатно и всем, кто хочет. У вас надо платить. А платить могут далеко не все. Это тоже проблема для молодежи, так как от образования зависит будущее человека. Мы не посылаем наших юношей в другие страны умирать за чужие ей интересы, как это делается у вас. А чтобы убедиться в том, что это проблема для молодежи Америки, достаточно посмотреть за окно вашего дома.

Наша молодежь имеет цельную и стройную программу действий на десятки лет вперед. Юноши и девушки изучают марксистско-ленинскую теорию — науку о законах развития общества. Они знают, за что бороться, что делать. Поэтому у нас нет «хиппи», «битников».

Господин Хаммер улыбался.

— Вы прочитали нам настоящую лекцию, мы даже все устали,— перешел он на шутливый тон.

Мы не ставили себе задачу дать подробный анализ социально-экономических и идеологических причин активизации молодежного движения в США. Об этом у нас уже много написано.[1] Здесь лишь некоторые штрихи,

---

[1] См. А. Брычков. Молодая Америка. М., «Молодая гвардия», 1971; И. Кон. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений». — «США», 1971, № 3; Н. Юлина. Бунтующая молодежь в поисках идеологии.— «США», 1971, № 9; Бизнес и молодежное движение.— «США», 1972, № 2.

←

ПОЧТИ КАЖДЫЙ СТУДЕНТ ПРИРАБАТЫВАЕТ.
ЭТИ ТОРГУЮТ ГАЗЕТАМИ, ЗНАЧКАМИ

впечатления от знакомства с этими проблемами. К тем, что мы слышали от самих американцев, хотелось бы добавить следующие. Прежде всего, молодежь Америки очень незначительно представлена в сфере материального производства. Она преимущественно занята в сфере обслуживания, непроизводительных отраслях. А здесь не требуется высокой квалификации. Зато ценятся такие качества, как услужливость, лакейство, угодничество. Квалифицированный рабочий на промышленном предприятии, стройке в США получает сравнительно высокую зарплату — 7—9 тысяч долларов в год. А в сфере обслуживания она не превышает 5 тысяч долларов в год.

Американский образ жизни день и ночь насаждает «коммерческую культуру». Радио, телевидение, газеты неустанно призывают молодежь наслаждаться жизнью, благами богатой Америки. Но она, не располагая достаточными средствами, не может использовать в полной мере эти блага. На ее глазах ими пользуются толстосумы.

Таким образом, молодежь все больше осознает конфликт между тем, что твердит пропаганда, и реальным экономическим положением.

Технический прогресс породил высокий спрос на квалифицированную рабочую силу, особенно инженерные кадры. Это обстоятельство, в свою очередь, усилило приток молодежи в высшие и средние технические учебные заведения, в университеты из среды высокооплачиваемых рабочих, семей клерков, лавочников, фермеров, учителей. Студенческая масса по социальному составу стала очень пестрой.

Недовольство архаической системой образования проявляют почти все студенты, но выходцы из низших социальных слоев — особенно остро. Многие разуверились в том, что правительство сможет когда-нибудь разрешить такие проблемы, как антагонизм богатства и нищеты, расовую дискриминацию. Студенты, выходцы из рабочих семей, убеждены, что нужно не ждать, а действовать. Это именно их обозвал бродягами вице-президент Спиро Агню.

— Имеется гораздо меньшая группа студентов, склонных к радикальным изменениям путем насильственных действий. К ним надо подойти со всей жестокостью, так как они могут дать опасный пример для неучащейся молодежи.

Но в силу разношерстности социального состава, как уже говорилось, проявляются и слабые стороны студенческого движения — неорганизованность, политическая незрелость, налет левацкого радикализма, отсутствие связи с рабочим классом.

В молодежном движении США, конечно, есть силы, которые дают ему прогрессивную направленность. Это — марксистская организация «Союз молодых рабочих за освобождение». «Союз» родился в Америке в 1970 году и осуществляет свою деятельность под руководством Коммунистической партии США, имеет четкую структуру, ясную и привлекательную для молодежи программу. Авторитет этой организации растет очень быстро. Ее представители сейчас находятся во всех более или менее прогрессивных студенческих и молодежных организациях страны. Они борются за идейную направленность этих организаций, за укрепление дис-

циплины в них, выступают против левацкого радикализма и псевдореволюционности. Молодежное движение Америки набирает силы, крепнет.

Мы радуемся тому, что лидеры американских коммунистов пользуются большим уважением среди простого народа. Генеральный секретарь Коммунистической партии Г. Холл и руководитель «Союза молодых рабочих за освобождение» Дж. Тайнер, выдвинутые на минувших выборах в США кандидатами на пост президента и вице-президента, получили не мало голосов избирателей.

Вспоминается встреча с Джарвисом Тайнером во время нашего пребывания в США. Она состоялась в день отлета в гостинице «Пенн-Гарден». Встреча была короткой, но оставила неизгладимый след в наших сердцах. Джарвису нет и тридцати лет. Это высокий, худощавый негр. Рабочая куртка, темный свитер, в руках плоский чемоданчик. Таким предстал перед нами этот замечательный рабочий парень — вожак прогрессивной молодежи Америки.

Его трудовая жизнь началась с тринадцати лет. Работал в типографии, на заводах, стройках. С помощью старших товарищей-коммунистов изучал труды Маркса, Энгельса, Ленина.

Мы о многом переговорили тогда. Запомнилось его горячее слово о том, что в Америке будет боевая молодежная рабочая организация. Жизнь подтверждает это.

Последние минуты в аэропорту. Крепким рукопожатием отвечает нам Джарвис, когда мы прикрепили к его куртке октябрятскую звездочку, ту самую, что один

из нас принял от сына-школьника перед отлетом в США.

— Ленин?!

— Ленин! — ответили мы. И обнялись.

...Самолет катится по бетонному полю. Прильнув к иллюминаторам, посылаем Джарвису прощальный привет. И видим его руки, сжатые над головой.

Рабочие руки Америки, мы верим в их силу!

МОЛЧАЛИВЫЙ ЗАГОВОР

Платные пропагандисты Белого дома и военно-промышленного комплекса США на все лады расхваливают жизнеутверждающие «устои» среднего американца, безоговорочно поддерживающего правительственные решения. «Это те,— пишет «Таймс»,— кто создает богатство и платит, кто решает и направляет, служит и исполняет». Средний американец, по словам нынешнего президента США,— символ Америки, опора государства бизнесменов.

Нам, естественно, захотелось познакомиться со средним американцем, «молчаливым большинством» страны.

Но это оказалось не так-то просто. Дело в том, что в Америке к среднему американцу относятся довольно широкие слои населения. Основным признаком здесь служит размер дохода. Американская пропагандистская машина к среднему американцу относит и тех, кто в год зарабатывает 10—12 тысяч долларов, и тех, кто имеет годовой доход в 50 и более тысяч долларов. В действительности, граница очерчивается значительно четче. Средний американец — человек, зарабатывающий в год 10—12 тысяч долларов. К нему нас не пустили. За исключением одного случая в Ганнибале.

Зато американская сторона предоставила широкую возможность познакомиться с категорией людей, относящихся к так называемому «среднему классу» и находящихся по своему материальному положению между верхушкой общества и основной массой населения. Поэтому, когда мы говорим «средний американец», то имеем в виду прежде всего его верхний этаж — представителей «среднего класса».

Наша группа в общей сложности посетила в США 68 семей. Мы были гостями адвокатов, врачей, инженеров, профессоров, менеджеров, крупных фермеров, репортеров газет и телевидения.

Чтобы выявить семьи, желавшие принять членов нашей группы, местные газеты давали сообщение о прибытии ее в тот или иной город накануне, за день-два. В других случаях местные отделения «комитета дружбы» с иностранными студентами сами предлагали отдельным семьям принять одного или двух советских граждан.

В одних местах хозяева нас встречали на аэродроме и отвозили в отель, а оттуда к себе домой. В других — мы собирались вместе с американцами на коктейль у кого-то в доме и после общего знакомства разъезжались по семьям. В третьих — американцы, у которых мы должны были гостить или жить, приезжали вечером в отель и увозили нас домой. В красивом пригороде Филадельфии Морестаун мы прожили в семьях подряд три дня. Вместе завтракали и ужинали, уезжали с хозяевами в город и приезжали обратно, разговаривали и спорили до поздней ночи, вместе провели «уик-энд» и прощальный вечер «закрытых блюд».

Разные были встречи, как различны и сами американцы. В одних семьях категорически отказывались вести разговоры на политические и международные темы. В таких случаях обычно нам говорили: «Оставьте, господа, политику в покое. Мы люди маленькие, и все равно ничего не сможем изменить. Давайте беседовать о работе, быте, отдыхе». В других же семьях, наоборот, велись жаркие споры о войне и мире, политике, экономике, демократии, литературе.

С американцем «среднего класса» не трудно спорить. Хотя он привык разговаривать с миром на «ты», но под напором убедительных фактов и аргументов он из спорщика превращается в прилежного слушателя. В Атланте нас пригласил к себе в гости врач-хирург Дэвид Крауз. Вечером он на машине приехал за нами в отель. По дороге разговорились. Мы спросили его, знакомо ему имя доктора Спока. Мистер Крауз ответил, что слышал о нем, и тут же добавил:

— Это плохой человек! Он мутит молодежь, настраивая ее против войны во Вьетнаме.

Мы хотели возразить, но мистер Крауз тут же перевел беседу на другую тему. Он начал жаловаться на то, что стало очень трудно ездить по улицам города. Много дорожных происшествий и несчастных случаев.

— Вы, как хирург, не останетесь без работы никогда,— пошутили мы.

— Да,— вполне серьезно заявил он,— мне это приносит хороший доход.

— Сколько же вы зарабатываете?

 Дэвид Крауз бурно расхохотался:

— У американских мужчин есть два секрета: сколько они зарабатывают и сколько имеют женщин...

За столом мы решили возобновить разговор о докторе Д. Споке.

— Скажите, мистер Крауз, какая профессия является самой гуманной на земле?

Наш собеседник, немного подумав, ответил:

— По-видимому, врач.

— А какая самая антигуманная? Наверное, у тех, кто стреляет в людей. Не так ли?

Крауз кивнул головой в знак согласия.

— Значит, если врач выступает против войны, уничтожения людей, он делает вдвойне доброе дело?

Крауз согласился, не сообразив, куда мы клоним.

— Почему же вы плохо думаете о докторе Споке?

Крауз, разведя руками, ответил:

— Я так думаю о докторе Споке, как и большинство американцев.

Со словами «большинство американцев» мы встречались десятки раз в день. Когда нас хотели в чем-то убедить — говорили: большинство так думает, что-то похвалить — это нравится большинству американцев, что-то осудить — осуждается от имени большинства. В действительности за этим большинством стоит не массовый средний американец, а относительно немногочисленный «средний класс», но выступающий от имени большинства средних американцев. Эта метаморфоза выгодна официальной пропаганде, так как создается среднее благополучное большинство.

Несмотря на разнообразие вопросов, которые поднимались в беседах с американцами, в центре внимания

всегда были такие, как война США в Юго-Восточной Азии и положение на арабском Востоке. У нас сложилось впечатление, что большинство американцев даже «среднего класса» настроены против грязной войны Соединенных Штатов во Вьетнаме. Они осуждают агрессию в Камбодже.

— Поймите, мы не хотим войны еще в Камбодже,— возбужденно убеждал нас адвокат Кестер из Чикаго.— Я делаю маленький бизнес и не хочу, чтобы он лопнул, как мыльный пузырь!

— Кто же в вашей стране хочет войны?

— Генералы и крупные компании, производящие оружие!

— Почему?

— Это для них бизнес!

Нам, конечно, было давно понятно «почему»,— но хотелось услышать мнение американцев.

— Господин Кестер, расширяя войну в Индокитае, президент говорит, что он действует так от имени большинства населения Америки...

— Это лицемерные слова! — резко сказал адвокат Кестер.

— Вы против войны, а почему не выходите на улицу, как студенты, молодые ветераны войны с протестом?

Адвокат расхохотался.

— Это же глупо, чтобы я пошел на улицу! Нет, вы совсем плохо знаете американцев! Я потеряю «паблисити», меня выгонят с работы и упрячут в сумасшедший дом!

— Но у вас же свобода мнений, свобода высказываний, свобода объединений и организаций,— возразили мы.

Кестер вдруг серьезно посмотрел на нас. Мы ждали, что он скажет, но господин Кестер перешел на другую тему:

— Почему в вашей стране растет дискриминация евреев?

— У вас есть факты? Может быть, у нас евреи получают меньшую заработную плату за одну и ту же работу, что и русские, или не имеют права поступить на работу наравне с украинцами, в институты и университеты наравне с белорусами? Тогда не могли бы вы сами объяснить, как же у нас появились евреи-врачи, евреи-инженеры, евреи-академики, евреи-директора предприятий? Все ваши разговоры о дискриминации евреев в СССР — выдумка досужих сионистов, которую почему-то охотно поддерживают в США.

— Не знаю, но еврейская нация очень обиженная...

— Уж не арабы ли ее обидели, у которых израильтяне силой оружия отхватили территорию во много раз большую, чем собственная территория?

— И арабы.

Это было уже чересчур.

— Значит, вы поддерживаете те круги в Америке, которые ежегодно посылают «обиженному» Израилю на огромные суммы оружие, чтобы силой удержать захваченные арабские земли. Где же логика? Вы против войны во Вьетнаме, но за войну на Ближнем Востоке?

Логика у господина Кестера есть. Она диктуется тем, что его акции, хотя и не на столь большую сумму, вложены в одну из американских нефтяных компаний, функционирующих на арабском Востоке. А если учесть, что в последние годы арабские страны проявляют все

большую решительность взять в свои руки природные богатства, то станет понятно, почему так печется «средний американец» господин Кестер об Израиле — ударной силе империализма на Ближнем Востоке.

Как противоречив господин Кестер в своих рассуждениях, мыслях и делах, так же противоречиво и все «молчаливое большинство» Америки. Вырвавшись из тисков нужды, имея чуть выше средних доходы, оно кажется самому себе свободным, получившим право на безоблачное существование. Но это мираж. Даже американцы «среднего класса» намертво зажаты в тиски крупных монополий.

Собственный дом, машина, мебель — вот то, чем особенно гордится средний американец в широком смысле слова и что составляет неотъемлемую часть его «паблисити». Но все это куплено в рассрочку, взаймы у торговых фирм. Внешняя солидность и респектабельность на деле оборачивается для среднего американца мучительной головоломкой, как выйти из положения при наступлении сроков по платежам, взносам в качестве налогов, платы за обучение детей и медицинское обслуживание.

Американцы слывут людьми, умеющими хозяйничать, считать деньги. Об этом они любят говорить сами. В семьях мы слышали расчеты хозяина — ремонт дома своими силами обошелся в 6 тысяч вместо 10 тысяч долларов, если бы обратились к подрядчику; жена научилась стричь детей — сэкономлено 100 долларов; муж чинит электроприборы — 300 долларов. Все это хорошо. Но неужели только любовь к физическому труду толкает американца многое делать самому.

Не от хорошей жизни принялись даже далекие от бедности американцы сами ремонтировать дом, пылесосы, стричь детей. Стремительный рост цен на товары и услуги — причина этому.

«Чувство тревоги, вызванное войной, гражданскими беспорядками, инфляцией, растущей безработицей, охватило всю страну,— пишет журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт».— Люди становятся более осторожными, неуверенными. Их заботит, как бы отложить на черный день, но у них нет уверенности, что растущая дороговизна не съест их сбережения».

Американцы «среднего класса» не любят говорить о сумме своего дохода. Правда, один из тех, у кого мы гостили, открыл нам свои карты, но попросил не называть его фамилию.

Назовем его условно мистер Икс. Он занимается частной практикой, что приносит ему 40 тысяч долларов в год. Супруга работает по 3—4 часа, получает 3 тысячи долларов в год. Таким образом, семья в течение года получает 43 тысячи долларов. Это приличная сумма. Но мистер Икс из нее вынужден уплатить ни мало, ни много 15 тысяч долларов налога! Сюда входит федеральный — 8 тысяч, штата — 5 тысяч и муниципальный — 2 тысячи долларов. Мистер Икс в 1967 году купил в пригороде дом из шести комнат за 39 тысяч долларов с рассрочкой на 25 лет. Ежегодно взнос без процентов составляет 1650 долларов, плюс 350 долларов по процентам, плюс страховка. Итак, выплачивая ежегодно более двух тысяч долларов за дом, он лишь через 25 лет станет полновластным хозяином дома. Кстати сказать, к тому времени дом ему уже будет стоить

не 39, а почти 46 тысяч долларов. Но это не все. В рассрочку куплены машина, мебель.

— На питание уходит более одной трети нашего бюджета,— сетует на дороговизну супруга мистера Икса.— А цены с каждым месяцем растут.

В продуктовых магазинах то и дело слышны панические восклицания домохозяек, хватающихся за сердце перед новыми табличками с ценами. Только в 1969 году цены на продукты питания подскочили на 8,7 процента. Подобная картина и в промтоварных магазинах. Журнал «Ньюсуик» приводит следующую выдержку из интервью покупателя с корреспондентом:

— Три года тому назад, я покупал костюм за 48 долларов. А на прошлой неделе я заплатил за такой уже 110 долларов. Это невероятно!

Несколько лет тому назад проезд в вашингтонском автобусе стоил 15 центов, сейчас — 32. Стоимость проезда в нью-йоркском метро возросла в 2,5 раза и составляет 33 цента. В два раза возросли цены на воздушный транспорт и жилье.

Знакомство с американцем «среднего класса» показывает, что его круг интересов очень узок, он в основном сводится к деньгам, дому, семье. Собственный дом где-нибудь в зеленом пригороде — мечта. В каждой семье дом гостю покажут в первую очередь, все его комнаты и кладовые, бар и гараж, ванную и кухню. Непременно скажут, сколько он стоит и что они сделали в нем своими руками. Подвалы американских домов чистые, теплые, просторные. Там устанавливают теннисный стол и щиты с мишенью. Это для стрельбы из лука или метаний ракет с острым наконечником и

пером в хвосте. Здесь много времени проводит семья. Загородные дома выше средних по доходам американцев, действительно удобны, хорошо спланированы, обставлены. Вокруг дома зеленые ковры зелени. Она тщательно подстригается: почти каждый вечер стрекочут машинки и сладко пахнет свежей травой. А ночью у двери зажигаются огни, они освещают номер дома, фамилию хозяина. Здесь после напряженного трудового дня, связанного с неистребимым желанием больше заработать долларов, американец отдыхает, расслабляется. Но этот отдых призрачный. Телевизор, который он включает дома, оглушает его рекламой, предлагающей, советующей, требующей купить и еще раз купить. Газеты вызывают тревогу сообщениями о внутренних и внешних проблемах страны.

Благополучие «среднего американца» не безоблачно. Нередки случаи, когда он, оказавшись не в состоянии рассчитаться по векселю, пополняет армию пролетариата. Неустойчивое экономическое положение вынуждает лавировать, ловчить, лицемерить. На словах он восхваляет американский образ жизни, в душе проклинает его. Американец среднего класса нередко ругает затеянную США войну в Индокитае, но... про себя, в семейном кругу. Открыто выступить — значит, вычеркнуть себя из среднего сословия, потерять доверие класса имущих. Поэтому такой средний американец предпочитает молчать.

Многие американцы не против негров. Но жить рядом с черным — значит, бросить вызов «обществу», поэтому каждый из них поступает так, как большинство.

 «Понятие «средний американец», — пишет Майкл Хар-

рингтон в книге «Другая Америка»,— это заговор далеко не единомышленников, но людей, боящихся выйти за пределы своего круга». Вот на такое «молчаливое большинство» и полагается президент в своих действиях. «Они молчали, молчат и будут молчать,— читаем у того же М. Харрингтона,— так как не поднялись до верха, но и не опустились вниз. Они посредине реки...»

Не исключено, что водоворот американской жизни многих из них со временем прибьет к какому-то определенному берегу и они еще скажут свое слово. Недовольство, существующее в «молчаливом большинстве», значительно большее, чем кажется. Под внешне твердым земляным покровом — болото.

У нас после встреч и бесед сложилось довольно определенное впечатление об отношении американцев среднего класса к советским людям, к нашей стране. Многие говорили, что русские и американцы должны жить в мире, сотрудничать во всех областях жизни. Уровень взаимоотношений между СССР и США в решающей степени определяет политический климат во всем мире.

Мы также убедились, что в представлении многих американцев Советский Союз «тэрра инкогнита» — земля, не открытая для них. Понятие о нашей стране еще пока весьма искаженное.

В городе Ганнибале, знаменитом тем, что здесь жил и создал свои произведения Марк Твен, наша группа посетила музей писателя и знаменитую пещеру. Пещера частная. Выйдя из нее, мы оказались в толпе юношей и девушек, взрослых и пожилых. Посыпались вопросы:

— Вы красные?

— Да, красные!

— А почему у вас волосы не красные?

Совершенно невозможно было убедить некоторых американцев в том, что за трехкомнатную квартиру со всеми удобствами в СССР жильцы платят 20—22 рубля в месяц и что эта квартира предоставляется государством бесплатно. Многие домохозяйки удивленно взмахивали руками, когда узнавали, что у нас в родильном доме женщина может находиться столько дней, сколько необходимо, и все расходы, связанные с родами, государство берет на себя.

В мире ежесекундно рождается трое детей, 10 миллионов маленьких землян в месяц. Дети — это зеркало, в котором отражается старшее поколение. Рождение ребенка в США связано с большими денежными затруднениями. За два-три дня пребывания в родильном доме нужно заплатить до полутора тысяч долларов.

Жгучая мысль о долларах постоянно будоражит американца.

Здесь нет, очевидно, надобности описывать, как погоня за долларом движет Америку и американцев. Это очень хорошо показали и Горький, и Маяковский, и десятки других авторов об Америке. Доллар по-прежнему остается божеством, всесильным и всеобъясняющим. Разве только методы добывания его стали изощреннее.

В городе Ганнибале нам удалось встретиться с тремя пожарниками, за два года перед тем вернувшимися из Вьетнама. Проклинают войну, но в то же время добавляют:

— Мы там неплохо заработали!

Сколько они заработали, убивая вьетнамских детей и стариков,— неизвестно. По крайней мере богачами не стали. Все трое, в том числе один с семьей, живут в пожарном депо, не имеют своего угла.

Доллар определяет статус человека в американском обществе, формирует отношение между людьми не только по работе, но и в повседневных контактах.

Это было в Филадельфии. Хозяин, у которого мы гостили, приказал слуге вынести на лужайку раскладной стол и стулья, поставил банки с пивом, и началась беседа. Буквально через пятнадцать минут подъехал на машине наш знакомый г-н Адориан. Остановившись на дороге метрах в 20, напротив дома, он вышел из машины и, прислонившись к дверце, стал смотреть в нашу сторону. Товарищ, который жил у Адориана, заторопился уходить. Однако хозяин сказал, что торопиться не надо, пиво не выпито и разговор не закончен. Нам было неудобно, что человек стоит на дороге и ждет.

— Тогда давайте господина Адориана пригласим к нам? — предложили мы.

— Не стоит. Я не имею с ним дело. Он не относится к тем, с кем я завожу знакомство.

Все стало на свои места. Г-н Адориан имеет доход 40 тысяч долларов в год, а наш хозяин — 250 тысяч. Доллар четко и безоговорочно определил отношения между ними.

Доллар притягивает к себе детей.

Воспитание малышей в Америке часто называют свободным. Бросается в глаза какое-то небрежное отно-

шение к детям. Как-то хозяйка пригласила нас в детскую комнату. Трехлетняя Кэт, забившись в уголок, спала прямо на полу. Мать, обутая в сандалии, потрогала ногой свое чадо. Девочка открыла глаза.

— Как ты себя чувствуешь, Кэт? — спросила мать.

— О'кей, мэм,— ответила малышка и, отвернувшись, стала досматривать свои цветные сны.

«Мэм» стала показывать нам детскую. Наши глаза, как и глаза американского ребенка, прежде всего увидели доллар. Он был помещен на стене в красивую рамку. В детской комнате много глиняных кошечек и собачек. Они стоят на подоконниках и столах. Это копилки. К ним ежедневно тянутся детские ручонки.

В семье и в школе прививают слепую любовь и трепетное почтение к доллару. Доллар — это жизнь, доллар — это богатство, доллар — это власть, доллар — это наслаждение. Даже во взаимоотношениях родителей с детьми примешивается эта накипь. Мы часто слышали: «Боб! Сбегай в магазин. После покупки оставь себе 25 центов». Мери приносит отцу свежие газеты. Ей тут же вручается 10 центов.

В Ганнибале нас пригласил к себе в гости розовощекий, широкоплечий, высокий фермер. Мы недолго ехали по проселочным дорогам. При въезде в усадьбу навстречу выскочил восьмилетний сын фермера. Парнишка тут же бойко отрапортовал отцу, что он покрасил 10 штакетин и за эту работу ему причитается доллар. Отец достал потрепанный бумажник и привычным движением вытянул долларовую бумажку.

— Мой Боб растет настоящим бизнесменом,— с гордостью сказал он.— У него уже более 100 долларов.

В американской печати информация о Советском Союзе, жизни наших людей чрезвычайно скудна, а главное — она носит, как правило, тенденциозный, клеветнический характер. Самый большой вклад в лжеинформацию делают американские газеты и журналы. Броский заголовок на первых полосах, а подробности читайте на 46 или 306-й странице. Мало кто из американцев читает всю газету от начала до конца. Да это физически невозможно. Воскресный номер «Нью-Йорк таймс» весит 5 кг и состоит из 500 страниц. Прочитал заголовок и поверил.

В период нашего пребывания в США в филадельфийской газете «Ивнинг бюллетень» на первой странице появился огромный заголовок: «В Казахстане уничтожена фауна». Сделано это было со ссылкой на корреспондента «Комсомольской правды» В. Пескова. Где-то на 70-й странице рассказывалось о промышленном предприятии в Казахстане, которое произвело разовый сброс промышленных отходов в водоем. Но при этом ни словом не обмолвились о том, что корреспондент нашей газеты подверг резкой критике руководителей предприятия за неправильную эксплуатацию очистных сооружений.

Или вот такой пример. В Атланте, в фешенебельном здании «Реджанса Хейб Хауз» на Персиковой улице, нашей группе давала обед миллионерша Альма Карлей. Вряд ли только любопытство побудило ее пойти на такую «жертву». По крайней мере, она привела с собой известного своей клеветой на нашу страну журналиста Гопкинса. Лжеписака, видимо, надеясь, что у

 советских журналистов ему удастся кое-что выудить,

стал задавать провокационные вопросы. Мы, конечно, дали ему бой. Но Гопкинс не унимался.

— Что, на ваш взгляд, нужно предпринять для улучшения советско-американских отношений? — спросил напоследок он.

— Отказаться от агрессивной политики США в Индокитае и поддержки израильских агрессоров на арабском Востоке, шире развивать экономические и культурные связи между нашими странами и писать в вашей прессе правду о Советском Союзе.

— Разве американские журналисты пишут неправду? — удивленно пожал плечами Гопкинс.

— Да. И очень часто.

— Факты!

— Пожалуйста. Газета «Коламбас леджерс», издающаяся в вашем штате, не так давно писала: «Сотни жителей Челябинска, обуреваемые жаждой наживы, занимаются по ночам поисками сокровищ, которые спрятал Наполеон во время отступления из Москвы».

Надо видеть лицо Гопкинса.

— Вы знаете, эту газету издавал мой отец, но его уже нет в живых,— попытался вывернуться он,— не обижайтесь.

...В США более десяти лет проводится «эксперимент международной жизни». Согласно замыслу его организаторов, а одним из них был еще президент Эйзенхауэр, американцы должны приглашать в свои семьи иностранцев, приезжающих в Соединенные Штаты. Такой контакт, по мнению американцев, позволит людям разных стран лучше узнать друг друга. Идея в целом,

 конечно, неплохая. Ездить в гости не только приятно,

но и полезно. Однако такие взаимоотношения оправданы, когда существует общность взглядов, интересов, нравственных начал, когда люди искренне хотят узнать правду о жизни в другой стране, стране с другим строем.

НА КАПИТОЛИЙСКОМ ХОЛМЕ

Свое повествование хотелось бы дополнить рассказом о встречах с теми, кто в сегодняшней Америке стоит у руководства. Речь, конечно, идет не о президенте и его приближенных. Мы посетили Белый дом — резиденцию президента и здание конгресса — Капитолий. Официально считается, что Капитолий — это здание, в котором работают и заседают конгрессмены. Его в США еще называют «деловым домом», хотя он на нас не произвел такого впечатления. Здесь слишком много рекламы так называемой американской демократии. Сотни гидов на разных языках втолковывают нескончаемому потоку туристов, переводя их из зала в зал, что именно здесь формировались и складывались американская история и демократия. Простому смертному, мало-мальски знакомому с историей Америки, вынести такое трехчасовое испытание очень трудно.

Слушая гидов, мы обратили внимание на одну деталь: они обо всем рассказывают в прошедшем времени. Это весьма характерно. Действительно, свобода, равенство — далекое прошлое Соединенных Штатов. Это справедливо.

В Капитолии сейчас заседают конгрессмены в палате представителей и в сенате. По идее они вершат судьбы страны.

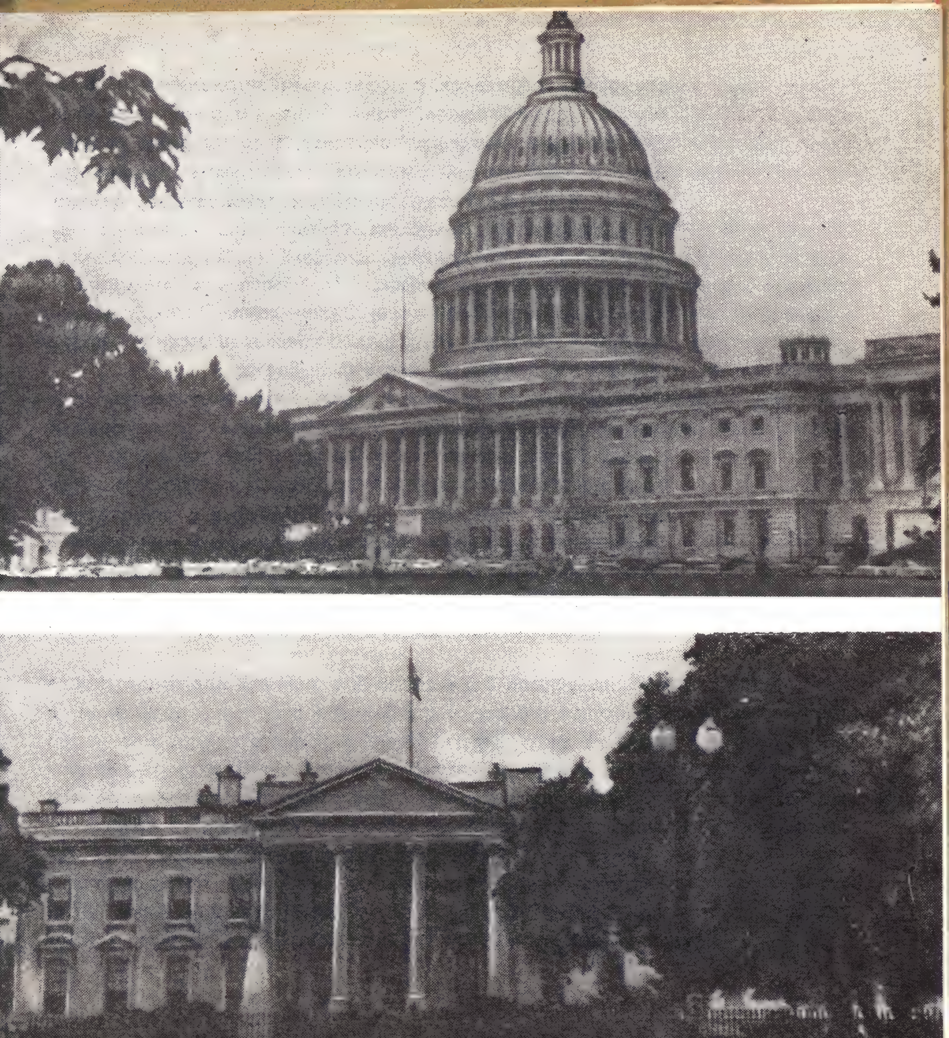
 В виде исключения в тот день нам разрешили пройти

на гостевые места в зале заседания палаты представителей, чтобы мы воочию познакомились с законодателями Америки. Первое, что мы увидели,— полупустой зал. Из 530 с лишним конгрессменов присутствовало максимум 200—220. С массивной трибуны медленно, буквально по слогам, говорил оратор. Но его никто не слушал. Человек, наверное, двадцать, накрывшись газетами, дремали, кто-то жевал сэндвичи, две-три группы по четыре-пять человек стояли, повернувшись спиной к оратору, и о чем-то спорили, размахивая руками. Люди входили и выходили. Все это походило не на деловое заседание государственных мужей, а скорее на болельщиков футбола в перерыве между двумя таймами.

В конгрессе, когда мы присутствовали на заседании, обсуждался вопрос о национальных музеях Америки. Возможно, тема не очень злободневная, хотя именно государственные музеи в стране влачат жалкое существование.

Администрация США срезала ассигнования, идущие на содержание музеев. Обсуждение в палате представителей вопроса о музеях, очевидно, заслуживало внимания.

На заседании сената нам не удалось побывать. Зато дал согласие на встречу сенатор штата Массачусетс, брат покойного президента Джона Кеннеди — Эдвард. Для нас его решение было несколько неожиданным. Дело в том, что Эдвард Кеннеди еще ни разу офици-

ально не встречался с советскими журналистами. Время для такой встречи тоже было не очень удачным для Кеннеди. Продолжалось следствие по делу, связанному с трагической смертью секретарши президента Джона Кеннеди. Газеты пестрели заголовками, далеко не лестными для сенатора. Надвигались частичные выборы в сенат, и Кеннеди должен был переизбираться. С утра моросил дождь. Мы посетили мемориалы Джефферсона, Линкольна, Вашингтона. Затем поехали на Арлингтонское кладбище посмотреть могилу Джона Кеннеди и его брата сенатора Роберта.

Справедливость требует сказать, что американцы чтут память Джона Кеннеди. У его могилы горит вечный огонь. Здесь всегда много людей. Некоторые, не стесняясь, плачут. А рядом, в пятнадцати метрах, на зеленом склоне невысокая могила Роберта с небольшим беленьким крестиком. За солидную сумму семья Кеннеди выкупила это место для захоронения Роберта. Было сделано единственное исключение из правил, и на военном кладбище похоронили гражданского человека.

Мы не успели еще закончить осмотр кладбища, когда прибежал шофер и сообщил о том, что позвонили в автобус от Эдварда Кеннеди. Сенатор ждет нас через полчаса. Времени было в обрез. Но благодаря невероятной виртуозности и филигранной точности в работе нашего шофера-негра, ровно в назначенное время мы подошли к комнате 436. Невольно вспомнили слова завещания Джона Кеннеди: «Я вступил в политику только потому, что умер Джо, мой старший брат. Если со мной что-нибудь произойдет, брат Бобби займет

мое место в сенате. А если Бобби умрет, Тэдди встанет на пост». Из своего кабинета вышел Эдвард Кеннеди. Сенатор просил нас обождать его пятнадцать минут. Он примет представителей штата, в котором баллотируется на сенатских выборах.

В кабинете сенатора нас встретил пресс-секретарь Ричард Дрейн. Рассевшись кто где смог, мы начали расспрашивать секретаря об Эдварде Кеннеди. Сенатор родился 22 февраля 1932 года. Имеет трех детей: дочь и двух сыновей. Занят в конгрессе в двух комиссиях: труда и юстиции. Два года он служил в армии. Исключался из Гарвардского университета: вместо себя послал приятеля сдавать экзамен по испанскому языку. Мы спросили:

— Требовательный ли сенатор человек?

— Очень!

— Кому подражает?

— Старшему брату Джону.

Секретарь сенатора счел нужным сообщить нам о традиционном добром отношении семьи Кеннеди к СССР. Особенно часто вспоминал о нашей стране Роберт. Поездка в Россию потрясла его. В Сибири Роберт сильно заболел, и русская женщина-врач просидела безотлучно у его постели 36 часов и спасла ему жизнь. Роберт по выздоровлении протянул ей 500 долларов, но врач даже не обратила на деньги внимания. Роберт посылал своей исцелительнице новогодние поздравления. Потом разговор снова зашел об Эдварде.

— Когда сенатор в последний раз выступил и по какой проблеме?

 — Три дня назад в Бостоне, по Камбодже.

— Какова позиция Кеннеди по этому вопросу?

— Она опубликована в газетах.

Но, видимо, сообразив, что перед ним не американские журналисты, а русские, добавил:

— Весьма отрицательная. Сенатор осуждает расширение агрессии.

За разговором незаметно прошло время.

Вошел Э. Кеннеди. Поздоровался. Он с трудом пробрался к своему столу. Улыбаясь, Кеннеди заметил, что ему еще никогда в этом маленьком кабинете не приходилось сразу принимать столько журналистов.

Э. Кеннеди, прислонившись спиной к столу, обратил наше внимание на детские каракули на листке бумаги, приколотом кнопкой к стене.

— Это писал мой старший сын,— сказал Эдвард,— когда ему исполнилось шесть лет.

Читаем: «Ты, папа, не задаешь мне вопросов про пятую страницу домашнего задания. Никогда не проверяешь, как я учусь, и это ты называешь свободой?»

Сенатор предупредил нас, что в США для бесед с журналистами отводится не более часа. Такой порядок. Мы сразу же начали задавать вопросы.

— Собираетесь ли вы, господин сенатор, выдвинуть свою кандидатуру на предстоящих президентских выборах в 1972 году и какова будет ваша политическая платформа, которая может обеспечить победу?

— Я уже раньше дал понять, что в 1972 году не буду выдвигать свою кандидатуру на президентских выборах. Видите ли, пример нашей семьи показывает,— продолжал сенатор,— что не следует сейчас делать далеко идущих планов и строить прогнозы на будущее. Но

я надеюсь получить значительное влияние в своей демократической партии и тем самым повлиять на назначение будущего кандидата.

— Что вы думаете о современном международном положении?

— Главная проблема сегодня — уменьшение напряженности между великими державами мира, достижение положительного результата по сокращению гонки вооружений. Я думаю, что вы понимаете, существует целый ряд аспектов, в которых США и Советский Союз могли бы работать вместе по ослаблению международной напряженности. Есть и такие области, где мы не можем прийти к общему согласию. Но и при этом нужно искать решения вопросов путем переговоров, сотрудничать в тех сферах, где мы можем договориться...

— Что должно сделать правительство США, чтобы покончить с войной во Вьетнаме?

— По этому вопросу я высказывался еще прошлой осенью. Нового я ничего не могу добавить, тем более, что мои взгляды не изменились. Три дня назад я публично осудил агрессию США в Камбодже.

— Каковы, по вашему мнению, перспективы США?

— Мы переживаем трудное время в стране. Большая проблема — взаимоотношение отцов и детей, проблема университетов. Кроме этого существует проблема в отношениях Юга и Севера, а также проблема черных и белых. Утешением может служить только то, что молодежь сама пытается что-то сделать в отношениях между молодым и старшим поколением. Пример Гарвардского университета: 65 отличников-выпускников долж-

ны были работать на Уолл-стрите, но 60 человек отказались от высокой работы и стали адвокатами бедноты. Ушли, как говорится, в народ. Руководители черных выбираются на высокие посты. В Миссисипи мэром избран негр Чарльз Эдвард. Он многое сделает, хотя бы у себя в городе. Но еще много стоит проблем. Оптимист по натуре — я возлагаю большие надежды на будущее...

У нас было много других вопросов, но Э. Кеннеди, посмотрев на часы, улыбнулся и развел руками. Время пресс-конференции истекло. Мы поблагодарили сенатора за беседу и попросили сфотографироваться с нами. Он охотно это сделал.

Так в течение двух часов мы встретились сразу с тремя Кеннеди. Разговор с Эдвардом напомнил, что далеко не все, даже из тех, кто заседает в Капитолии, поддерживают военную авантюру США. Есть люди, которые трезво смотрят на необходимость всестороннего сотрудничества с Советским Союзом.

МИСТЕР СОЛСБЕРИ И КАСЛИНСКИЙ ЧЕРТ

Знакомство с молодежной Америкой мы, по существу, начали в редакциях газет, журналов и студий телевидения. Печать и телевидение в той или иной степени освещают на своих страницах проблемы, связанные с жизнью молодежи. И мы, естественно, надеялись из бесед в редакциях почерпнуть для себя много интересного.

— Американская пресса,— любят повторять идеологи США,— всемогущественная.

Действительно, печать, радио и телевидение Соединенных Штатов являются главной силой гигантской пропа-

гандистской машины. Достаточно сказать, в США выходит свыше 1700 ежедневных газет. Их разовый тираж перешагнул за 60 миллионов экземпляров. Ключевые позиции в периодической печати занимают 154 синдиката. Они контролируют около 1000 газет.

В США из года в год усиливается концентрация печати. Это привело к тому, что лишь в 59 городах страны сохранилось более чем по две газеты. В 160 городах выходит по одному периодическому изданию.

Одним из самых крупных издательских синдикатов не только в Америке, но и во всем капиталистическом мире является «Тайм-Лайф букс». Это своего рода газетно-журнальная империя США. В ней занято более 10 тысяч работников, чистая годовая прибыль составляет свыше шести миллионов долларов.

Издательство «Тайм-Лайф букс» завладело самыми распространенными в Америке журналами: «Тайм», «Лайф», «Форчун». Кроме того, оно выпускает художественную литературу на 20 языках. Компания контролирует более десятка радио-телевизионных станций, бумажные фабрики, является держателем контрольного пакета акций компании «Дженерал электрик». «Тайм-Лайф букс» — это не только своеобразный гигантский промышленно-финансовый спрут, но и исключительно влиятельная сила, играющая первостепенную роль в политической и идеологической жизни Америки.

В издательстве нас приняли: директор информационного центра Джеймс Алберс, старший редактор «Тайма» Демарест, старший редактор «Лайфа» Милтон Орчешски, редактор «Форчуна» Чарльз Виттенгейм, редактор книгоиздательства Лейборн. Мы называем пои-

6 Зак. 2582

менно этих господ совсем не потому, чтобы показать, какой представительной была эта встреча. Нам хочется, чтобы прочитавшие эти страницы отчетливо представили себе тех людей, кто направляет и несет ответственность в издательстве «Тайм-Лайф букс» за те факты, о которых мы расскажем ниже.

Джеймс Алберс, любезно поздравив нас с «Днем земли» и Ленинским юбилеем, попросил своего сотрудника раздать нам последние номера журналов «Тайм» и «Лайф».

— Смотрите, читайте, о чем мы пишем и как пишем.

Мы медленно листали страницы журналов. Редакторы комментировали опубликованные материалы. Действительно, примерно десятая доля материалов, опубликованных в «Тайме» и «Лайфе», посвящена молодежной тематике. Есть статьи об образовании студентов, о быте учащихся колледжей, их правах, о проблеме совместного обучения черных и белых, о распространении спорта и секса среди молодежи. Нет в них только одного: материалов о рабочем человеке.

Раскройте наши советские газеты за любой день — перед вами умные, добрые, вдохновенные лица сталеплавильщиков Урала и виноградарей Крыма, текстильщиков Иванова и турбостроителей Ленинграда, чаеводов Аджарии и рыболовов Камчатки. Рабочие люди выступают в газетах со своими статьями, заметками, рассказами о мастерстве, о радости труда. Рабочий, труженик, умелец, мастер своего дела, на ком, как говорится, держится мир, он ничто в странах капитала. Там не знают поэзии труда, радости созидания. Там знают лишь безудержное «вдохновение» наживы.

— На какой позиции стоит журнал «Лайф» в проблеме совместного обучения черных и белых — «за» или «против»? — задали мы вопрос Милтону Орчешски.

— Конечно, «за»! Вы видите, вот снимок. На нем показана совместная жизнь черных и белых пингвинов. У них это получается. Должно получиться и у людей!

— Но ведь на практике в вашей стране это пока не получается.

— О, это большой разговор! Тут главное, чтобы люди черной и белой расы терпеливее относились друг к другу, отрешились от предрассудков, старых взглядов. И только так рассуждает Милтон Орчешски.

— Почему «Тайм» отводит так много места сексу?

— В основном в связи с 10-летием изучения данной проблемы в Соединенных Штатах,— ответил господин Демарест.— В следующем номере мы также намерены дать аналогичный материал.

— Разве это столь важная проблема в Америке?

— На наш взгляд, господа, секс — одна из самых характерных черт жизни молодежи. Но в Америке он принимает, как бы это сказать, особый, что ли, характер.

— Это плохо или хорошо?

— И хорошо, и плохо!

Потом мы внимательно прочитали статьи в «Тайме». Издатели фактически ратуют за развитие секса среди молодежи, видя в нем средство, способствующее отрыву ее от социально-экономических и политических проблем Америки. Вот этот смысл, как можно полагать, и заложен в ответе господина Демареста «хорошо». Перелистывая страницу за страницей «Лайфа», мы уви-

дели на одной, другой, третьей, четвертой, пятой портрет... Гитлера. Целых пять страниц отведены этому заклятому врагу человечества.

— Мы приурочили это к 25-летию со дня окончания второй мировой войны,— объяснил этот факт редактор.

— Разве война кончилась в середине апреля 1945 года?

— Да, немцы фактически в то время уже не сопротивлялись. Все последующее было делом времени.

Это — чудовищная несправедливость по отношению к Советской Армии, к нашим отцам и старшим братьям, которые героически сражались с фашизмом на Одере и в Берлине.

Видя наше возмущение, Милтон Орчешски шутливо заметил:

— Господа, не надо волноваться. Мы сами не всегда знаем то, что делаем!

Поднялся со своего кресла и Джеймс Алберс:

— Мы, журналисты, и не руководствуемся тем, что хорошо и что плохо. Мы стоим за правдивую информацию. Для нас важнее всего правдивая информация о том, что творится на нашей планете, чем она живет сегодня!

— Говорите, за правдивую информацию?

— Да, это наше кредо.

— Почему же тогда ваш журнал ни словом не обмолвился о Владимире Ильиче Ленине, столетний юбилей которого в эти дни отмечают народы всех стран?

— Да, мы знаем. И мы обязательно дадим материал о Ленине и Советском Союзе в следующем номере «Лайфа».

Но это была отговорка. Заправилы издательства «Тайм-Лайф» не сдержали своего слова. Значит, они все-таки знают, что делают и руководствуются тем, что хорошо для безопасности и спокойствия, прежде всего, господствующего класса Америки.

— Господин Лейборн,— обратились мы к редактору, ведающему книгоиздательством,— не могли бы сказать, сколько и каких книг советских писателей в последние десять лет издано у вас?

— Около десятка авторов. Чехов, Достоевский, Толстой...

— Речь идет не о русских классиках, а о советских авторах,— повторили мы свой вопрос.

Мистер Лейборн замялся.

— Мне трудно сейчас вспомнить.

В этот момент поднялся один из авторов этого рассказа и заявил:

— Вот список 80 американских авторов, книги которых имеются на русском языке в библиотеках Челябинского тракторного завода имени В. И. Ленина. Не могли бы издатели «Тайм-Лайф» дать нам подобный список книг советских авторов, изданных в США?

Позднее нам был дан такой список. В нем насчитывалось... семь авторов и, конечно, на первом месте стояли имена тех, кто предал Родину или скатился в болото отщепенцев советской литературы.

То, что издатели «Тайм-Лайф» не сдержали своего обещания о публикации материалов о 100-летии В. И. Ленина, побудило нас пойти на встречу с известным американским журналистом Гаррисоном Солсбери из газеты «Нью-Йорк таймс». Хотя американская сторона

включила в программу посещение редакции этой крупнейшей в Соединенных Штатах газеты и беседу с Солсбери, мы первоначально отклонили эту встречу.

Гаррисон Солсбери в период Великой Отечественной войны, будучи корреспондентом газеты «Нью-Йорк таймс» в Москве, довольно объективно писал о героизме советских людей на фронте и в тылу. В то же время именно этот журналист, сразу после войны, одним из первых американцев бросил горящий факел в занимавшееся пламя холодной войны.

В последние десять лет Солсбери специализируется на антисоветизме. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать его книгу «900 дней». По вполне понятным причинам, встреча с Солсбери не вызывала у нас энтузиазма. Но это была последняя официальная встреча с американской прессой, где мы могли заявить протест по поводу неблаговидного действия издателей «Тайм-Лайф», и мы отправились в «Нью-Йорк таймс».

Наш рассказ о Гаррисоне Солсбери — не простая информация о встрече с этим известным журналистом. Об этом вряд ли стоило писать.

В сегодняшней Америке люди типа Солсбери олицетворяют, пожалуй, самую авангардную часть ее идеологического аппарата. Они не занимают официальных постов в правительстве, не являются и конгрессменами. Они в тени, просто журналисты. Но, если учесть, какую огромную роль в этой стране играет пресса, то станет ясно: «теневые идеологи» американской буржуазии ведут самую интенсивную обработку американца. Солсбери и К° неплохо осведомлены о событиях в мире и в своей стране, хорошо чувствуют пульс жизни американ-

ской молодежи, знают, что ее волнует и куда она стремится. Весьма изобретательны и находчивы в формах и методах воздействия на умы и сердца своих сограждан. Прикрываясь лозунгом «объективной информации», замаскированно пропагандируют антикоммунизм и антисоветизм, выступают против разрядки напряженности, сил мира и демократии. Их неизменная цель — защита существующего капиталистического строя.

Беседа с Солсбери по своему тону и поднимаемым вопросам носила острый характер. Мы преднамеренно решили не считаться с маститостью этого журналиста и, проявляя горячность, выложили все, что думали о его деятельности и опубликованных книгах. Нашему замыслу Солсбери помог сам. Посвящая нас в тайны журналистского мастерства, он сказал:

— **Я** убежденный сторонник тех журналистов, которые стучатся в закрытые двери и задают самые неприятные вопросы...

— **Мы** тоже относимся к такому роду людей. Поэтому будем задавать вопросы, которые, возможно, вам тоже не понравятся,— последовал наш ответ.— Расскажите, пожалуйста, как вы работаете?

— **Ж**урналисту, по моему убеждению, надо помнить всегда две вещи: чтобы был постоянный поток информации и чтобы эта информация была объективной. А как ее подать в газете — это уже другое дело.

— **Н**о ведь вы очень избирательны к информации! Даете то, что выгодно вашей газете и кто за ней стоит! Не так ли?

— Нет!

— Почему вы ничего не написали об убийстве студентов в Кенте?

— Это не моя область (?)

— Почему же так пространно вы описываете столкновения на китайско-советской границе?

— О, это другое дело! Я хотел предупредить правительство Соединенных Штатов Америки, что война между Россией и Китаем может затронуть интересы американского народа, и мы должны вмешаться здесь...

— Значит, вы способствуете расширению американской агрессии в Юго-Восточной Азии?

Последовало молчание.

— Какое вы место отводите в своей газете молодежной проблеме?

— Самое важное. Юноши и девушки уходят из-под контроля и влияния старших. Задача состоит в том, чтобы умело, значит осторожно, гибко, направить их в регулируемое русло деятельности...

— Послать во Вьетнам?

— Нет, есть много других направлений...

— Почему в своей статье о 100-летии В. И. Ленина вы искажаете его роль.

— Я написал, что думаю.

— Мы совершенно не согласны с вами и готовы спорить.

— На это уйдет много времени, а я занятой человек.

Солсбери в своей статье, посвященной столетнему юбилею В. И. Ленина, применил тактику, которая в последнее время широко используется антикоммунистами.

Не в состоянии отрицать достижения и успехи советского народа буржуазные идеологи подсовывают читателю рядом с правдивыми фактами — лживые, всячески пытаясь заставить его поверить в то, что они утверждают. Вот и Солсбери, с одной стороны, признавал величие гения Ильича, но тут же бросал тень на нашу страну, успехи советского народа. 23 апреля в «Нью-Йорк таймс» он писал:

«Ленин был, может быть, самым великим человеком. Его можно сравнить, может быть, только с Эйнштейном, хотя у них были разные области деятельности. Ленин изменил не только Россию, но и весь мир изменился с тех пор. Мое мнение таково: революции в России не было бы, если не было Ленина, если бы он не овладел так блестяще стратегией и тактикой русской революции...»

А затем Солсбери приписал В. И. Ленину «ошибки», которых тот никогда не совершал.

Мы в категорической форме высказали свое возмущение Солсбери, в том числе и действиями издателей журналов «Тайм» и «Лайф» и попросили его передать наше мнение через газету «Нью-Йорк таймс». Нам показалось, что Солсбери действительно был огорчен и извинился за поступок своих коллег.

По традиции, на память о встрече, как и везде в подобных случаях, мы вручали хозяевам какой-то памятный сувенир: книги о Советском Союзе, открытки, значки и т. д.

Тут мы оказались в затруднении. Помог случай. Будучи в гостях в одной американской семье, двое из членов нашей группы вручили хозяйке сувенир — маленького

черта каслинской работы. Хозяйка схватилась за голову и с перепуганным лицом запричитала:

— Мы вас чем-то обидели? Вам у нас не понравилось? Черт, о, это ужасно!

Оказалось, что американцы не в ладах с посланцем ада, даже если посланец и... игрушка. Перепуганную хозяйку успокоили и заменили сувенир. Но вот мистеру Солсбери мы как раз и решили вручить каслинского черта.

— Мы заметили, когда в Америке человеку бывает трудно,— сказал один из нас,— он вспоминает бога или черта. Вам сегодня было с нами не легко. В память о нашей встрече мы вручаем вам этот маленький сувенир. Это черт. Он удивительно похож на дядю Сэма с Уолл-стрита! Так вот, когда вам, журналистам, в Соединенных Штатах Америки становится трудно, не ищите причины «в кознях» коммунистов. Ищите их, пожалуйста, в проделках ваших чертей с Уолл-стрита.

Солсбери сухо поблагодарил и стремительно вышел из пресс-комнаты, унося крепко зажатого в кулаке маленького чертика.

Встреча с Солсбери и знакомство с издателями «Нью-Йорк таймс» помогли нам чуть-чуть заглянуть за занавес американской идеологической кухни, где черти с пером варят сладкую отраву для американцев и особенно молодого поколения.

Посещение и беседы в редакциях ряда газет: «Сент-Луис пост-диспэтч», «Сент-Луис глоб-демократ», «Ганнибал курьер-пост» — интересного материала о жизни американской молодежи нам не дали. Зато нетрудно было убедиться в том, что газеты разных направлений

и толков (либеральные, консервативные и так называемые свободные) фактически лишь дополняют одна другую в дезинформации читателя, тенденциозности подачи материала, освещении скандальной хроники. И всегда, как правило, не расходятся во мнениях, когда речь идет о Советском Союзе, других социалистических странах, международной политике КПСС и Советского правительства. Тут вранья больше чем достаточно.

Вместе с тем разговор с нами очень часто начинали с разглагольствования о свободе и независимости американской прессы. Эта тема настолько навязла в зубах, что мы не выдержали и решили обсудить, что же собой представляет свобода американской печати. Это случилось в редакции газеты «Сент-Луис пост диспэтч». Информационный директор газеты господин Айсман, рассказывая о газете, очень долго втолковывал нам, что каждый репортер и редактор отдела самостоятельны в своей работе, независимы от хозяина газеты господина Пулитцера.

— А что, если репортер или редактор отдела не согласятся с Пулитцером? Случается ли такое?

Ответ был дан скороговоркой, но вразумительный:

— Да, был случай. Во время президентских выборов 1948 года наша газета выступила в поддержку Эйзенхауэра, а господин Пулитцер поддерживал кандидатуру Дьюи. Тогда Пулитцер двух редакторов отделов уволил, трое ушли сами, а один написал то, что требовал хозяин.

Красноречивый пример.

— Кем в США контролируется пресса? — задали мы вопрос профессору Анненбергской школы коммуни-

кативных связей в Пенсильванском университете Гербнеру.

— Первая поправка к закону гласит, что правительство не имеет права контролировать содержание газеты.

— Значит, пресса у вас совершенно бесконтрольная?

Профессор с минуту помолчал, потом добавил:

— Газеты контролируются издателями, рекламодателями и политиканами.

Нам понравилась откровенность господина Гербнера, и мы попросили его развить свою мысль.

— Одна страница рекламы в газете «Нью-Йорк таймс» стоит восемь тысяч долларов. Под рекламу занято 80 процентов газетной площади. Следовательно, основной доход издатель господин Сульцбергер получает от рекламы. Ее дают фирмы. Поскольку доход зависит от них, он им также оказывает услугу. Услуга за услугу.

— Господин Гербнер, у нас это называется так: «Кто платит, тот и заказывает музыку!»

— Совершенно точно.

Пожалуй, Гербнер был первым человеком, встретившимся в Соединенных Штатах, который так откровенно объяснил принцип, на котором строится «свобода печати» в этой стране.

Нам удалось побывать и в редакциях двух молодежных газет. Одна из них — «Мароон».

На встречу с нами пришла вся редакция во главе с главным редактором Каролиной Хек, студенткой III курса факультета английской литературы. Нам раздали номера газеты последних выпусков. На столах — виски, закуска.

 — Наша газета,— начала свой рассказ Каролина Хэк,—

чисто студенческая. Мы ставили перед собой цель: широко информировать наших читателей о событиях в нашей стране и за рубежом, освещать проблемы студенческой жизни. Речь идет о расширении студенческого самоуправления, проблемах увеличения стипендии и обеспечении студентов общежитиями. Есть и другие проблемы, которые мы поднимаем: проблемы сладкой жизни, секса, политики правительства.

Чикагский университет — это частное учебное заведение. Здесь обучается около восьми тысяч студентов. Поскольку это частное учебное заведение, то, естественно, количество стипендий зависит от субъективного желания членов попечительского совета, в котором представлены, как правило, крупные фирмы, торговые компании, юридические конторы. Попечительский совет при определении стипендии обязательно учитывает политическую направленность студента, степень его участия в демонстрациях и забастовках. По этой причине в 1969 — 1970 годах многие студенты лишились стипендии.

— Какие требования выдвигают студенты, выступая за расширение самоуправления?

— В попечительском совете сидят люди, которые настолько далеки от жизни университета, что ничего не смыслят, а пытаются сверху решать за нас все вопросы. Мы требуем изменить такое положение!

— Мы требуем убрать некоторых преподавателей!

— Отменить или сократить ряд ненужных предметов!

— Ввести распределение выпускников! — со всех сторон посыпались предложения студентов, сидящих в зале.

 Каролина кое-как утихомирила своих друзей.

— Поддерживает ли газета какие-нибудь студенческие организации?

— Мы поддерживаем действия организации «Студенты за демократическое общество», солидаризуемся со всеми, кто выступает против войны во Вьетнаме.

Бегло просматривая страницы «Мароон», мы обратили внимание на статью, посвященную проблеме гомосексуализма, где автор положительно относится к его распространению среди молодежи. Статья была подписана К. Хэк. Мы задали Каролине вопрос:

— Почему вы поддерживаете столь ненормальное явление?

Нисколько не смутившись, девушка ответила:

— На днях у нас в университете студенты создали клуб гомосексуалистов. Это им нравится. А наша газета поддерживает все то, что нравится студентам.

Заявление редактора было несколько неожиданным для нас. Видимо, газета в этой проблеме пошла на поводу самой отсталой, явно развращенной части студенческой молодежи. Мы откровенно об этом сказали Каролине Хэк. Кое-кто из студентов нам пытался возразить. Начался спор. Результаты этого спора оказались, однако, удивительными.

Мы еще находились в Чикаго, когда постоянно сопровождающий нас в поездке по стране Ром — выпускник русского отделения Чикагского университета, принес очередной номер «Мароон» .Там был опубликован целый «подвал» о нашем пребывании в редакции газеты. Статья начиналась так: «Вчера группа молодых русских журналистов, в количестве 26 человек, приехали в редакцию «Мароон». Русские юноши и девушки наброси-

лись на виски, напились и особенно интересовались гомосексуализмом».

Мы, конечно, представляли, что американские журналисты в погоне за сенсацией могут передергивать факты, но чтобы в такой мере исказить в газете существо нашей встречи — это было сверх наших ожиданий.

Наши хозяева предложили нам посетить еще одну из молодежных газет — «подпольную», как они ее называли. Мы вынесли духоту метро, полуторачасовую ходьбу по лабиринтам Бруклина... но то, что встретили в самой редакции, превзошло всякие ожидания. В замусоренном кабинете редактора газеты «Эназе» («Другой») стояли два стола. Ничего больше из мебели не было. За одним столом сидел длинноволосый, небрежно одетый молодой человек. Это и был как раз редактор Аллен Кацман. На наше приветствие он небрежно махнул рукой, то ли приглашая садиться на пол, то ли отмахиваясь от визитеров. Наступило молчание. Молчал редактор, бросив мимо нас свой отрешенный от всего мира взгляд. Стояли и мы молча.

Том Байер подошел к столу и, положив руку на плечо хозяина кабинета, представил группу. Кажется, это произвело на него впечатление. Теперь он начал осматривать поочередно каждого из нас. Видимо, наши отутюженные костюмы, галстуки и свежие рубашки вызвали в нем отрицательную реакцию: редактор поморщился и, наконец, выдавил из себя:

— Я вас слушаю.

 Это было тоже несколько неожиданно. Обычно, в аме-

риканских редакциях вначале нам рассказывали о газете, ее направлении, представляли ведущих сотрудников редакции.

— Расскажите о себе,—кто-то из нас нерешительно задал первый вопрос.

— Я — поэт, издал книжку стихов, теперь выпускаю газету.

— Где вы учились после школы?

— Нигде.

— О чем пишите?

— О жизни «хиппи», индейцах, любовной лирике, о впечатлениях человека под влиянием наркотиков...

— Вы принимаете наркотики?

— Если я скажу «да», меня могут арестовать.

— Выпуская свою газету, не боитесь, что вас арестуют?

— Нет!

— Что вас побудило создать «Эназе»?

— Мы создали ее в знак протеста против существующей морали, культуры и секса, против вьетнамской войны американского правительства. Мы выступаем за легализацию абортов и наркотиков. Мы поддерживаем «Черную пантеру» и «Хлебную корзину».

— Цель вашей жизни?

Аллен Кацман опять надолго замолчал, потом медленно, четко выговаривая слова, произнес:

— Создать международное интернациональное правительство, в котором бы я участвовал и которое бы распределяло продукты равномерно между всеми людьми на земле. Как видите, я сторонник Маркса,— улыбнулся он.

Видимо, он даже приблизительно не представлял, как фактически далек от Маркса.

— Как вы оцениваете нынешний бунт молодежи в Америке?

Впервые за всю беседу мы увидели, что редактор рассердился:

— У нас сейчас не бунт молодежи, а революция, молодежная революция. Мы уничтожим все существующее в Америке.

— Знаете ли вы что-нибудь о жизни молодежи в Советском Союзе?

— Не знаю, а официальной американской информации не верю.

— Наше посещение газете не повредит?

— Нет.

«Эназе» свободно продают на улицах Нью-Йорка. Газета выражает взгляды самой отсталой части «хиппи» — представителей стихийного молодежного движения крайне противоречивого характера, в котором невероятная мешанина из секса, политики и наркотиков.

Три года А. Кацман был «министром» информации в чикагской общине «хиппи». Противоречия в движении «хиппи», как в зеркале, отражаются и на содержании газеты «Эназе».

Многие шестнадцати- и семнадцатилетние юноши и девушки, разочаровавшись в американском образе жизни, ходят в «хиппи», ищут сладкую жизнь. Это их своеобразный протест против хваленой американской демократии и свободы, продажной нравственности, против военных авантюр правительства США.

ГОЛУБАЯ ОТРАВА

В Америке нет детских газет. Но в некоторых школах раз в неделю выходит что-то вроде нашей многотиражки. В этих газетах публикуется информация, о которой всерьез и говорить не хочется. Для детей еще выпускаются журналы «Вокруг света» и для самых маленьких журнал «Шалтай-болтай». Почти все без исключения телестудии ведут большие передачи для детей.

Вообще вершителем американского образа жизни, морали и нравственности человеческих характеров стало вездесущее телевидение. Нам показалось, что оно правит страной. Вещание ведется почти круглые сутки — двадцать три с половиной часа. Телевизор в квартире, в школе, в самолете, в магазине, в кафе, в автомобиле — всюду серый или цветной экран.

В Нью-Йорке, например, передачи ежедневно ведутся по семи каналам. Статистика говорит, что каждый вечер голубой экран смотрят 30 миллионов американцев. До 14-летнего возраста дети успевают увидеть на экране около 13 тысяч убийств.

Думается, правы те американцы, которые это чудо техники называют сокращенным курсом превращения человека в животное. Мы не раз слышали и такое определение: телевидение—голубая отрава. И это точно. Очень широко используется телевидение для рекламы. Вот лишь отдельные примеры. Неизвестный поэт на две минуты покупает телеэкран. Он сообщает, если кто найдет одну ошибку в его книжке, тот получит гонорар. Книжка раскупается. Это и нужно было автору.

На телеэкране — много детских лиц, улыбок. Делается это с расчетом. Сынишка гладит по щекам отца и говорит:

— Ты сегодня очень молодо выглядишь. Ты опять брился лезвием фирмы?..— и называет ее владельца.

Девочка с восторгом ест шоколад и маме говорит:

— Это самый вкусный в мире шоколад,— и называет фирму.

На экране американского телевизора много смеющихся лиц.

Выступает диктор. Он сообщает о том, какая сегодня будет погода. Заливаясь от смеха, диктор напоминает телезрителям... о зонтиках и плащах.

Вечернюю программу ведут два диктора: он и она. Их улыбающиеся лица вырастают на экране, затем они целуются, начинают смеяться. Несколько раз мы слышали в США такую шутку. Один негодующий отец обратился в телестудию:

— Из-за вас наши дети не ложатся никогда вовремя спать. Начинайте работать в семь утра, чтобы дети хотя бы вовремя вставали.

Но вот дети уложены спать, примерно с двенадцати часов ночи экраны заполняются фильмами для взрослых. В среду — о ковбоях, в четверг — о пиратах, в пятницу — секс. Американец нередко смотрит передачи до трех или четырех утра, а потом с больной головой идет на работу.

Спекулируя на низменных чувствах, боссы кино и телевидения пичкают молодежь низкопробными, бульварными произведениями. Буржуазия ведет идеологическую обработку молодежи, затрачивая на это баснословные суммы. Делается это с определенной целью: отвлечь молодых людей от тех проблем, которые волнуют новое поколение, увести от борьбы за свои на-

сущные права, за лучшее будущее, уберечь от влияния идей научного социализма.

В США существует 1033 телевизионных станций, в том числе 280 частных. 853 станции в основном передают развлекательные, коммерческие и информационные передачи. Для каждого зрителя с учетом возрастных, половых и профессиональных признаков работает 3—6 каналов в день. Телезрители имеют большой выбор.

Телекомпания «НЭТ» (Национальное образовательное телевидение) ставит задачу вести не развлекательные и рекламные, а культурные и общеобразовательные передачи. «НЭТ» работает в контакте со 180 станциями. Нас заинтересовала работа этой телекомпании. Передачи ведутся по следующим направлениям: политические проблемы, культурная тема, программа для детей.

36 процентов времени утром передачи ведутся непосредственно в школьные классы, 30 процентов — для учителей начальных и средних школ (методические вопросы) и учащихся старших классов средней шоклы, вечером — для подростков и взрослых по общественной и культурной тематике.

В настоящее время телекомпания «НЭТ» ставит перед собой и другую цель: стимулировать создание учебных станций и программ по городам всей страны. Телестудии разрабатывают программы, записывают их на видеомагнитофоне и рассылают по стране, в том числе в школы, в колледжи.

Мистер Торнтон — директор телекомпании «НЭТ» заявил, что их организация неправительственная, содержится на пожертвования фондов, сборы за программы

от школ, колледжей, университетов. $^{1}/_{5}$ часть программ закупается за границей. Обучающие программы для дошкольного возраста (игровое обучение алфавиту) сделаны мастерски.

В 1967 году телекомпания «НЭТ» подготовила и передала большую программу о СССР. 22 апреля 1970 года велась тридцатиминутная передача, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Нам часто говорили, что в ближайшее время станут популярными телепередачи по заказу. Желающие смогут посмотреть повторно фильм, получить какую-то консультацию по спецканалу.

ЭРЗАЦ-КУЛЬТУРА НА ФАСАДЕ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКИ

За время пребывания в США нам довелось посмотреть в кинотеатрах и по телевидению несколько фильмов — разных и по теме, и по уровню профессионального мастерства.

Кинопромышленность в США достаточно развита. В течение года она выпускает сотни фильмов. Есть фильмы, в которых прямо или косвенно обличаются пороки капиталистического мира, наркомания, разбой, потерянность человека в капиталистическом городе. В погоне за зрителем (читай — прибылью) кинопостановщики не могут не отражать некоторые явления действительности в современной Америке. Кинотеатры заполнены фильмами парнографического характера, воспевающими убийство, грабежи, насилия.

Кинотеатры здесь, как правило, маленькие — на 60—150 мест. И присутствует на сеансах нередко по 8—10 человек. Зрители заходят в зал, когда им захочется, так же они и покидают его.

В кинотеатре «Рэдио-сити» мы смотрели кинофильм «Аэропорт». Похоже на то, что он рекламирует безопасность воздушных полетов. Вот единственная фраза, которая была произнесена в фильме, она адресована самолету: «Ты молодчина, «Боинг». Летать на тебе безопасно». Фильм демонстрируется в сопровождении шоу. Каждые 45 минут зажигается свет. На сцену выскакивают 50 герлз, и начинается 15-минутный танец. После такого взбадривания снова 45 минут идет фильм, а затем опять шоу.

Но судя по всему, не выручает кино верное служение принципам трех «Б» — Большой экран, Большое время, Большой эффект. Потрясая, ошарашивая, оглушая, оно все равно теряет зрителя. В 1948 году посетили кинотеатры 75 миллионов человек, в 1965—45 миллионов, а в 1970 — около 20 миллионов. Каждый кинотеатр борется за зрителя, как может. Где-то мы прочитали табличку: «Здесь в 1912 году был прокручен первый фильм о Тарзане». Кстати, Голливуд поставил 35 серий, а роль Тарзана играло 12 актеров.

Стоило, например, приобрести популярность таинственному образу — супермену Джеймсу Бонду, как широкое распространение получила реклама детских игрушек, простыней, пижам с изображением этого «героя». Воспитание культа силы — такова цель распространения образа этого киногероя.

Книжные рынки наводнены литературой, развращающей вкусы людей, побуждающей к дурным поступкам. Общий тираж книг Айлена Флеминга — литературного отца Бонда — достиг 21 миллиона экземпляров, а его четыре фильма принесли доход в 150 миллионов дол-

ларов. Эта продукция отравляет атмосферу американской культурной жизни. Произведения прогрессивных писателей иногда издаются, но, как правило, малыми тиражами. И не они, конечно, определяют магистральное направление развития стандартной американской культуры.

В США литература подчинена, прежде всего, идеологической обработке американского читателя в духе антикоммунизма, его общественной дезинформации, воспитанию буржуазных вкусов. Правящие круги страны не жалеют денег на оплату тех писателей, которые занимаются беллетристической апологией и рекламой американского образа жизни.

Представление о современной советской литературе у американцев основано на знании произведений Солженицына и Пастернака, опубликованных в Соединенных Штатах Америки. Вокруг них создан ажиотаж. «Доктор Живаго» экранизирован, а романы Солженицына начинают даже изучать в американских школах и вузах. Книги в Америке дорогие — примерно, в семь раз дороже, чем у нас. Поэтому в книжных магазинах редко встретишь покупателя. Американец — неважный читатель. Не терпит толстых книг, не хватает сил прочитать их. Пролистав 150 микространичек, будет говорить, что читал «Войну и мир», знает русскую классику. Под извращенные вкусы такого читателя подстраиваются полиграфия, библиотеки. Сейчас в ходу мини-книжки, величиной с пачку сигарет «Прима».

Бывая в семьях, мы несколько раз попадали в неприятную ситуацию. Подходили к книжной полке и пытались вынуть книжку. Но она не поддавалась. Оказы-

вается, это бутафория. Яркие корешки толстых книг именитых авторов должны вселить у гостя симпатии к хозяину.

В чикагской школе мы заговорили о работе с книгой. Словоохотливый директор рассказал, что в его школе эта проблема успешно решена. Каждый, кто прочитал 15 книг, получает бесплатно порцию мороженого.

Почти восемьдесят процентов американцев не переступило порог библиотек. В 1969 году институт Геллапа сообщил, что в течение года 60 процентов населения страны не прочитало ни одной серьезной книги.

В музеях, картинных галереях, на художественных выставках представлены в основном произведения абстракционистов, сюрреалистов. В моде поп-арт, оп-арт. Поп-арт — наглядное, предметное изображение. Вывешиваются исковерканное колесо велосипеда, обгорелый станок, вешалка, скрученная из ржавой проволоки, разбитое оконное стекло, склеенное разноцветной бумагой, груда банок из-под кока-колы, обрезки жести и другая подобная чепуха. Что это должно символизировать, понять, конечно, трудно.

Самый лучший урок поп-арта мы получили в приемной у ректора Пенсильванского университета. В простенке под потолком красовалась длинная, узкая полоса ватмана с отпечатками автомобильных шин. Ректор заметил наш взгляд и тут же быстро объяснил преимущество поп-арта.

— Не надо рисовать дороги, машины, людей. Есть след шины, а все остальное додумает, додерзает зритель.

 Поп-арт начал терять свою привлекательность, и от не-

го отпочковался оп-арт — так называемое оптическое искусство. Взгляд на мир через оптическое преломление. Вывешены такие картины. Рентгеновский снимок человека в одежде: выделяются две детали — автомобильный ключ в кармане и пистолет. Или: человеческая голова представляется в виде перекрещенной решетки из черно-белых негативов. На каждом изображении в свою очередь какая-то часть лица.

В музее Гугенгейма нам показали белый холст. Говорят, что это творение большого художника. Он как бы подсказывает зрителю: что хочешь, то и рисуй мысленно! Здесь же «выдающиеся» рисунки обезьяны Бьюти. Каждый оценивается в 100 долларов. В 1970 году в США было 32 четвероногих художницы. Их рисунки заполнили залы музеев, в том числе и Гугенгейма, который построен знаменитым архитектором Франсом Рейтом. Это здание-спираль. Спускаешься и по ходу смотришь. Здесь много посетителей.

Но вот в музее Родена в Филадельфии, кроме нас, посетителей не было.

РАЗГОВОР ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Америка уходит из-под крыла «ИЛ-62». В самолете начинается наша жизнь — советская. Дорога дальняя. Времени достаточно для того, чтобы привести в порядок свои записи, уточнить факты, обдумать и проанализировать все увиденное и услышанное.

За время пребывания в Америке нам немало пришлось передумать, пережить, переволноваться, оказавшись в ином мире, там, где вершителем всего является доллар. Мы много узнали об Америке. Еще больше рассказывали американцам о нашей стране.

Рабочие предприятий, клерки, служащие очень мало знают о Советском Союзе. Они интересуются зарплатой рабочих, учителей, ценами на продукты питания, промтовары, квартирной платой, обслуживанием. Задавали даже и такие вопросы: «Можно ли переехать в Советский Союз жить постоянно?», «Можно ли приехать к вам лечиться?»

— Нас интересует все,— говорил рабочий-пожарник из Ганнибала.— Ваша страна для нас — далекая планета. Хотя у нас тут о вас пишут черт знает что, но я этому не верю. Я хочу все сам знать.

Не будем говорить о бизнесменах «средней руки», адвокатах, инженерах, многим из которых непонятны «секреты» нашего быстрого экономического развития, хотя они его признают. Оставим в покое и некоторых журналистов, профессоров — тех, для кого лучше нет страны, чем США, и строя, чем тот, который существует в капиталистических странах. Мы не старались их разубеждать. Таких апологетов капитализма убедит история общественного развития. Мы были гостями. Откровенные, прямые были беседы с молодыми американцами. Они много спрашивали, горячо спорили и задумывались над тем, что мы им рассказывали. Их особенно поражает высокая идейность нашей советской молодежи, ее убежденность, уверенность в жизни, ее единство. Почти каждый из тех, с кем мы беседовали, хотел бы побывать в Советском Союзе, увидеть все своими глазами.

Наши впечатления о молодежной Америке двоякие. В стране существует раскол между старшим поколением и молодежью. Причина, конечно, не в психологических

различиях двух поколений, как утверждают отцы американской пропаганды, а в существующем экономическом базисе. Социально-экономический разрыв, проявляющийся в росте богатства на одном полюсе и бедности на другом, не сокращается.

Молодежь Америки мало занята в материальном производстве, где обеспеченность не такая уж низкая.

В той стране мы сами представляли дружную, боевую семью советской молодежи. О нашей группе много писали. Нас фотографировали. Было шесть наших выступлений по телевидению и радио.

Приведем отрывок из статьи Эдит Блэз, опубликованной в филадельфийской газете. Статья называется «Это и то». «Русские действительно «завоевали» всех, кто сидел с ними на ужине в большом зале методистской церкви в Моорестауне (близ Филадельфии)...

...Многие в группе не говорят по-английски, но переводчики их отлично информировали. Было интересно смотреть, как русские и американцы беседуют без знания языка. Они хорошо понимали друг друга...

Руководитель группы, чье имя я вряд ли смогу воспроизвести, обратился к собравшимся через переводчика. Говорил он совершенно свободно, точно был у себя на родине. Его речь была довольно внушительной. Он отметил, что день рождения Ленина упомянут в нашей прессе. Его речь была частично пропагандистской, но выглядел искренним, когда сказал: «Давайте скажем вместе: «Мы сохраним мир!» Эти слова, конечно, вызвали громкие аплодисменты всех собравшихся.

 Потом была художественная программа для гостей —

игра на гитарах, народные танцы и оркестр комбо, который чуть не снес крышу. Но гвоздем вечера было выступление русских, когда все 26 встали во фронт, один член группы занял место за пианино. И они пели вместе в течение 20 минут — хотя пение могло, наверное, продолжаться и много больше.

Было чудесно. Я думаю, что каждый в этой комнате помолодел, услышав красивые русские песни. Нас просили петь с ними, когда мелодии были нам знакомы. Не могу ручаться за других, но я не смогу припомнить, когда я получила бы такое удовольствие от концерта. Мы все чувствовали себя друзьями, нам хотелось сохранить мир. Музыка сказала больше, чем могли сказать все речи. Это, действительно, был Вечер-Праздник, который запомнится надолго всем. Русские оставили свой след в Америке...» — делает вывод Эдит Блэз. Спасибо за оценку.

...Мы у себя дома, в кругу своих товарищей и друзей. Каждый новый день мы начинаем работой. У страны, а следовательно, у каждого из нас большие задачи, определенные XXIV съездом КПСС. Успешное их выполнение — наш след в историческом движении страны к коммунизму.

Но только ли наш собственный?

Вспоминаются встречи с рабочими Ганнибала, учителями, прогрессивными журналистами. Они удивлялись и восхищались стремительным ростом нашей экономики и науки, завидовали нам, советским людям. Значит, наш повседневный труд, наши программы развития экономики и культуры, рост благосостояния советских людей

оставляют заметный след в сознании американцев и лю-

дей других стран! Значит, наши связи с американцами остаются, диалог через океан продолжается.

* * *

Молодое поколение... С ним связывает свое будущее каждая нация. Оно воплощение устремлений народа, сохранение и развитие его общественных ценностей. Какие ценности развивает и приумножает сегодня молодежь Соединенных штатов Америки?

Исчерпывающий ответ на этот вопрос дать трудно. Какие-то мысли Вы нашли в этой книге. Молодая Америка пробудилась к активной общественно-политической деятельности. Она создает свои молодежные объединения и союзы, пытаясь как-то осознать необходимость организационного начала в борьбе за свои цели и интересы. Различны направленность и организационные принципы этих организаций. Некоторые из них — реакционные по своему характеру — несут идеи ультрареволюционности и анархизма, тем самым разобщают молодежь, уводят ее в сторону от истинных целей классовой борьбы. Вместе с тем стремительно растет авторитет и влияние прогрессивных молодежных организаций, особенно «Союза молодых рабочих за освобождение».

Многие факторы, в том числе некоторая разрядка напряженности в отношениях США с СССР и другими социалистическими странами, все больше заставляют задуматься молодежь США о роли социализма и его идей в общественно-политическом развитии, о путях действенной борьбы против существующих порядков в стране.

Все больше в студенческой среде отмечается рост интереса к марксизму. «Мы восприняли Милласа и раннего Маркузе как пророков нового социального порядка, обладающего способностью стабилизировать все свои основные противоречия,— писал Т. Хейден, один из видных деятелей студенческого движения в США,— мы признавали существование какой-то американской исключительности, о чем мало говорил традиционный марксизм. Теперь время доказало, как мы были неправы».

Молодежь активно проявила себя в борьбе против агрессивной политики военно-промышленного комплекса США в Индокитае, требуя немедленного прекращения военных действий и отказа от поддержки сайгонского режима. Молодая Америка недовольна своим экономическим положением, системой образования и той «эрзац-культурой», которой ее кормят духовные пасторы от бизнеса.

Что оставляет себе в наследство нынешнее поколение молодых американцев? Ответ дают они сами.

«Что это за Америка! — пишет студент Висконсинского университета.— Я больше не чувствую себя ее частью. Я чужой в ее школах, мне безразличны ее цели, либо я против них... Я должен бороться с Америкой за свою свободу».

В этих словах и сила и слабость молодежного движения в США. Молодым американцам многое не нравится в Америке, но далеко не все из них знают, что делать. «Что делать?» — время и сами молодые американцы, мы надеемся, дадут ответ на этот вопрос.

Май 1970 — декабрь 1972 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

**ПОЛЯНИЧКО
ВИКТОР ПЕТРОВИЧ**

**ОРЛОВ
АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВИЧ**

МИСТЕР СОЛСБЕРИ И КАСЛИНСКИЙ ЧЕРТ

Редактор В. П. Мордовских
Оформление Я. Н. Мельника
Худ. редактор Н. А. Кудричев
Техн. редакторы О. Я. Понятовская
и Л. М. Власова
Корректор Н. В. Канищева

■

Сдано в набор 30/VIII-1972 г.
Подписано к печати 22/II-1973 г.
ФБ 10063.
Формат бумаги 60×108/32—
5,5 физ. п. л., 6,6 усл. п. л.,
7,03 уч.-изд. л.
Бумага № 2.
Тираж 5000 экз.
Изд. № 3063.

■

Южно-Уральское
книжное издательство.
г. Челябинск, пл. Революции, 2,
Областная типография
Челяб. обл. управления
издательств, полиграфии
и книжной торговли
г. Челябинск, ул. Творческая, 127.
Заказ № 2582.
Цена 21 коп.
Переплет 10 коп.

о
ч
в
н

31 к.

Южно-Уральское
книжное
издательство
Челябинск
1973

МИСТЕР СОЛСБЕРИ И КАСЛИНСКИЙ ЧЕРТ